

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*РУССКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ*

№ 5 / 2013

Вестник
Московского государственного областного университета
Серия «РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

№ 5

Выходит 6 раз в год

2013

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник МГОУ» (все его серии) включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии (См.: Список журналов в редакции от 25.05. 2012 г. на сайте ВАК) по наукам, соответствующим названию серии.

Учредитель журнала:

Московский государственный областной университет

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»

г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Сайт: www.vestnik-mgou.ru

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника МГОУ» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow State Regional University» (all its series) is included by the Supreme Certifying Commission into the List of the leading reviewed academic journals and periodicals, in which the basic research results of Ph.D. and Doctorate's academic degree thesis should be published (See: the List of journals edited 25.05. 2012 at the site of the Supreme Certifying Commission) in corresponding series.

The founder of journal:

The Moscow State Regional University

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University
10a Radio st., office 98
Moscow, Russia
Phones: (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
Site: www.vestnik-mgou.ru

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

№ 5

Issued 6 times a year

2013

Series «RUSSIAN PHILOLOGY»

Bulletin of the
Moscow State Regional University

Редакционно-издательский совет «Вестника МГОУ»
Publishing council «Bulletin of the MSRU»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)
Никитин О.В. – д.филол.н., проф., проректор по научной работе МГОУ (зам. председателя совета)
Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., нач. отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ»
Асмолов А.Г. – академик РАО, д.психол.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Белозеров В.Е. – д.ф.-м.н., проф. Днепропетровского национального университета (Украина)
Боголюбов Л.Н. – академик РАО, д.пед.н., проф.
Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ
Затулин К.Ф. – директор Института диаспоры и интеграции (Института стран СНГ)
Коницев А.С. – д.б.н., проф. МГОУ
Лекант П.А. – д.филол.н., проф. МГОУ
Марченко М.Н. – д.ю.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова
Нелюбин Л.Л. – д.филол.н., проф. МГОУ
Ницевич В.Ф. – д.пол.н., проф., директор Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Пасечник В.В. – д.пед.н., проф. МГОУ
Поляков Ю.М. – канд. филол. н., гл. ред. «Литературной газеты»
Пусько В.С. – д.ф.н. проф. МГТУ им. Н.Э. Баумана
Ху Гумин – д.фил.н., проф. Института иностранных языков Уханьского университета (Китай)

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of the MSRU (*Chairman of the Council*)
O.V. Nikitin – Doctor of Philology, Professor, Vice-Principal for scientific work of the MSRU (*Deputy Chairman of the Council*)
A.V. Abramov – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, the Head of the editorial department of the Bulletin of the Moscow State Regional University
A.G. Asmolov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Psychology, Professor of Moscow State University
B.E. Belozеров – Doctor of Physics and Mathematics, Professor of Dnepropetrovsk National University (Ukraine)
L.N. Bogolubov – Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogics, Professor
V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of the MSRU
K.F. Zatulín – the Head of Institute for Diaspora and Integration (Institute of the CIS Countries)
A.S. Konichev – Doctor of Biology, Professor of the MSRU
P.A. Lekant – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
M.N. Marchenko – Doctor of Law, Professor of Moscow State University
L.L. Nelyubin – Doctor of Philology, Professor of the MSRU
V.F. Nitsevich – Doctor of Politics, Professor, the Head of the Oryol Branch Russian Academy of National Economy and Public Administration
V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics., Professor of the MSRU
Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, editor-in-chief of "Literaturnaya Gazeta"
V.S. Pus'ko – Doctor of Philosophy, Professor of the Bauman Moscow State Technical University
Hu Gumin – Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages

Редакционная коллегия серии «Русская филология»
Series editorial board «Russian philology»

Отв. ред. серии: **Лекант П.А.**, д. филол. н., проф.,
зам. отв. ред.: **Шаповалова Т.Е.**, д. филол. н., проф.
Члены ред. коллегии серии:
Алексеева Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Аношкина В.Н.** д. филол. н., проф.;
Копосов Л.Ф., д. филол. н., проф.; **Леденева В.В.**, д. филол. н., проф.;
Моторин А.В. д. филол. н., проф. (НГУ им. Ярослава Мудрого, Новгород);
Нагорный И.А., д. филол. н., проф. (БГУ, Белгород); **Петров А.В.** д. филол. н., доц. (САФУ им. М.В. Ломоносова, Архангельск);
Гладров В., д., проф. (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия); **Гржибкова Р.**, д. (Карлов университет, Чехия); **Шеншина В.А.**, лектор Хельсинского университета (Финляндия); **Аврамова В. Н.**, д. филол. проф. (Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, Болгария); **Догнал И.**, к. филол. н., доктор философии, доцент (Институт славистики Университета им. Масарика, Чешская Республика); **Вегвари В.**, к. пед. н., доц. (Печский университет, Венгрия), руководитель Русского центра (Венгрия); **Колларова Э.**, проф., к. н. (Институт русско-словацких культурных исследований Католического университета в Ружомберке, Словакия); **Норман Б. Ю.**, д. филол. н., проф. (Белорусский государственный университет, г. Минск); **Финк-Арсовски Ж.**, д. филол. н., проф. (Загребский университет, Хорватия); **Рацибурская Л.В.**, д. филол. н., проф. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского); **Гусман-Тирадо Р.**, д. филол. н., проф. (Гранадский университет, Испания), вице- президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы

Editor-in-chief - **P.A. Lekant**, Doctor of Philology, Professor
Deputy editor-in-chief - **T.Ye. Shapovalova**, Doctor of Philology, Professor
Members of Editorial Board: **L.F. Alexeyeva.**, Doctor of Philology, Professor;
V.N. Anoshkina, Doctor of Philology, Professor; **L.F. Kuposov**, Doctor of Philology, Professor; **V.V. Ledeneva**, Doctor of Philology, Professor; **A.V. Motorin**, Doctor of Philology, Professor (Yaroslav Mudry Novgorod State University);
I.A. Nagorny, Doctor of Philology, Professor (Belgorod State University);
A.V. Petrov, Doctor of Philology, Associate Professor (Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk); **V. Gladrov**, Doctor of Philology, Professor (Humboldt University of Berlin, Germany); **R. Grzhibkova**, Doctor (Charles University, Czech Republic); **V.A. Shenshina**, Lecturer of Helsinki University (Finland);
V.N. Avramova Valentina, Doctor of Philology, Professor (University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav, Bulgaria); **Jo. Dohnal Josef**, Ph. D. in Philology, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Institute of Slavonic Studies of Masaryk University, Czech Republic); **V. Végvári**, Ph. D. in Pedagogics, Associate Professor (University of Pécs (PTE), Hungary), Head of the Russian Center (Hungary); **E. Kollarova**, Candidate of Sciences (Institute of Russian-Slovak Cultural Studies of the Catholic University in Ruzomberok, Slovakia);
B.Yu. Norman, Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University, Minsk); **Ž. Fink Arsovski**, Doctor of Philology, Professor (University of Zagreb, Croatia); **L.V. Ratsiburskaya**, Doctor of Philology, Professor (N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod); **R. Guzmán Tirado**, Doctor of Philology, Professor (University of Granada, Spain), Vice-president of International Association of Teachers of Russian Language and Literature (MAPRYAL)

ISSN 2072-8522

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2013. – № 5. – М.: Изд-во МГОУ. – 104 с.

Журнал «Вестник МГОУ» серия «Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № **ФС77-26173**.

Индекс серии «Русская филология»
по каталогу агентства «Роспечать» **36761**
© МГОУ, 2013.
© Издательство МГОУ, 2013.

ISSN 2072-8522

Bulletin of the MSRU. Series «Russian Philology». – 2013. – № 5. – М.: MSRU Publishing house. – 104 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № **ФС77-26173**.

Index series « Russian Philology » under
"Rospechat" agency catalog **36761**
© MSRU, 2013.
© MSRU Publishing house, 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>Лихачев С.В.</i> МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УТИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА ...	5
<i>Мельниченко Н.П.</i> ЧАСТИЦЫ-СОЮЗЫ РАЗВЕ ЧТО И РАЗВЕ ТОЛЬКО.....	11
<i>Полянский А.Н.</i> ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РЕКЛАМНОЙ ПРАКТИКЕ.....	17
<i>Фадеева Т.М.</i> ВКУСОВЫЕ СЛОЖНЫЕ ЭПИТЕТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА.....	29
<i>Щемелинина И.Н.</i> СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ИНОЙ В СОЧИНЕНИИ ГРИГОРИЯ КОТОШИХИНА «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»	34

Публикации аспирантов

<i>Вершинина М.Г.</i> ЛЕКСИКА ПРИРОДЫ КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ).....	40
<i>Воробьёва Н.Ю.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ Н.С. ГУМИЛЁВА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА: РОЛЬ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ»	45
<i>Козловская А.А.</i> ВЫРАЖЕНИЕ ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ ФОРМАМИ ПРЕДИКАТИВА В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА	51
<i>Хлупина М.А.</i> СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ» В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА	57

ЛИТЕРАТУРА

<i>Лунина И.Е.</i> ДЖЕК ЛОНДОН О ЖАНРЕ РАССКАЗА.....	61
<i>Тихомирова А.О.</i> «РАССКАЗЫ В КАПЛЯХ»: К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ А.И. КУПРИНА.....	65
<i>Шмелёва А.В.</i> ЛИЦЕЙ И ЛИЦЕИСТЫ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ В ТРУДАХ Я.К. ГРОТА. (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО УЧЁНОГО)	70

Публикации аспирантов

<i>Гаганова А.А.</i> КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОРТРЕТУ ГЕРОЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА	77
<i>Жильцова Е.А.</i> МОТИВЫ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В НОВЕЛЛЕ «СЫН» И РАССКАЗЕ «ДЕЛО КОРНЕТА ЕЛАГИНА» И.А. БУНИНА.....	84
<i>Сабадаш Н.П.</i> «НЕ ТО БЕДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯК...»: РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА Ф.В. БУЛГАРИНА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»	89

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Юбилейная международная конференция «Фёдор Сологуб (1863–2013)» в Пушкинском Доме.....	96
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Воителева Т.М., Зыбина Т.М. – А. П. Е р е м е в а. Грамматика и речь в преподавании русского языка: монография. Иваново, 2012. 264 с.	99
НАШИ АВТОРЫ.....	102

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

<i>S. Likhachev.</i> MORPHOLOGICAL FEATURES OF UTILITARIAN DISCOURSE.....	5
<i>N. Melnichenko.</i> PARTICLES-CONJUNCTIONS <i>RAZVE CHTO</i> AND <i>RAZVE TOLKO</i>	11
<i>A. Polyansky.</i> TRENDS IN THE USAGE OF OCCASIONAL WORD FORMATION IN ADVERTISING.....	17
<i>T. Fadeeva.</i> TASTE COMPLEX EPITHETS IN THE RUSSIAN LANGUAGE.....	29
<i>I. Shchemelinina.</i> THE SEMANTICS OF A LEXICAL UNIT ИНОЙ IN GREGORY KOTOSHIKHIN'S BOOK "ON RUSSIA DURING THE REIGN OF ALEKSEY MIKHAILOVICH"	34

Publications of post-graduate students

<i>M. Vershinina.</i> VOCABULARY OF NATURE AS A FRAGMENT OF DIALECT SOUND PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE PERM DIALECTS).....	40
<i>N. Vorobyova.</i> ON THE STUDY OF LINGUISTIC PERSONALITY OF N. GUMILEV – THE TRAVELER: THE ROLE OF THE EXOTIC VOCABULARY IN "AFRICAN DIARY"	45
<i>A. Kozlovskaya.</i> THE EXPRESSION OF STATE OF MIND BY MEANS OF PREDICATIVE IN YESENIN'S LYRIC POETRY	51
<i>M. Khlupina.</i> MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «HAPPINESS» IN S. DOVLATOV'S TEXTS	57

LITERATURE

<i>I. Lunina.</i> JACK LONDON ON GENRE OF THE STORY	61
<i>A. Tikhomirova.</i> «STORIES IN DROPS»: ON TRENDS IN ARTISTIC VISION OF A. KUPRIN....	65
<i>A. Shmeleva.</i> THE LYCEUM AND LYCEUM STUDENTS OF PUSHKIN'S TIME IN Y. GROT'S WORKS. THE 200TH ANNIVERSARY OF THE OUTSTANDING RUSSIAN ACADEMIC.....	70

Publications of post-graduate students

<i>A. Gaganova.</i> CLASSIFICATION APPROACH TO THE INDUSTRIAL NOVEL'S CHARACTER'S IMAGE	77
<i>E. Zhiltsova.</i> THE MOTIVES OF THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT» BY F. DOSTOEVSKY IN THE NOVEL «THE SON» AND THE STORY «THE ELAGIN AFFAIR» BY I. BUNIN.....	84
<i>N. Sabadash.</i> «IT'S NO DISGRACE THAT YOU'RE A POLE...»: EARLY CRITICAL RECEPTION OF F.BULGARIN'S NOVEL «DIMITRY THE IMPOSTOR».....	89

THE SCIENTIFIC LIFE

Anniversary International Conference «Fedor Sologub (1863-2013)» at Pushkin House.....	96
--	----

REVIEW

T. Voiteleva, T. Zyбина. Review of A. Eremeeva's monograph. Grammar and speech in teaching Russian: monograph. Ivanovo, 2012. 264 pp.	99
--	----

OUR AUTHORS	102
-------------------	-----

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81.22

Лихачев С.В.

Московский городской педагогический университет

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УТИЛИТАРНОГО ДИСКУРСА

S. Likhachev

Moscow City Pedagogical University

MORPHOLOGICAL FEATURES OF UTILITARIAN DISCOURSE

Аннотация. Статья представляет анализ использования имён существительных, местоимений и глаголов в утилитарном дискурсе. Анализ охватывает несколько десятков примеров утилитарных текстов на вывесках, указателях, табличках. Внимание привлекают главным образом те примеры, где представлены оригинальные морфологические черты утилитарного дискурса. В выводах указано, что слова в утилитарном дискурсе взаимодействуют с предметным окружением по законам грамматики языка. Статья включает в основном явления русского языка, но для сравнения используются отдельные иноязычные примеры.

Ключевые слова: существительное, глагол, местоимение, дискурс.

Abstract. The article presents an analysis of the use of nouns, pronouns and verbs in a practical discourse. The analysis includes dozens of examples of utilitarian text on signs, pointers, plates. Attention is drawn mainly to those examples, which show the original morphological features of the utilitarian discourse. The findings indicate that the words in the utilitarian discourse interact with the objective environment by laws of grammar. The article includes mainly the examples of the Russian language, but comparisons are made with some foreign language examples.

Key words: pronouns, noun, verb, discourse.

Утилитарный дискурс представляет собой управляющее повседневными действиями человека для решения его собственных задач поле взаимосвязанных, позиционируемых на неоплачиваемом пространстве: указателях, ценниках, табличках и т. д., – текстов, в которых письменная часть функционально и семантически взаимодействует с расположенным в актуальной доступности предметом антропогенного происхождения (артефактом).

В современной лингвистике изучение повседневных утилитарных надписей на вывесках перестало быть необычным. Ещё в 1968 году в журнале «Русская речь» появилась статья Б.З. Букчиной и Г.А. Золотовой «Слово на вывеске» [1, с. 49 – 56], где материал рассматривался в аспекте культуры речи. В девяностые годы Т.В. Шмелева положила начало исследованию «письменности городской среды», в частности, вывесок, рассматривая их с точки

зрения культурных функций в обществе [5]. Близки к изучению утилитарного дискурса исследования эргонимии [3, с. 4]. Лингвисты уже обратили внимание на наличие особых, нерекламных «письменных жанровых форм, появившихся на улицах города в последнее время. Это городские плакаты нерекламного характера и реплики-наклейки» [2, с. 257], то есть на утилитарные тексты. Но морфология утилитарного дискурса не изучалась.

Цель настоящей статьи – проанализировать морфологический строй утилитарного дискурса и выявить его морфологические особенности.

Особенности существительных в утилитарных текстах

Имена существительные особо важны в утилитарных текстах, которые находятся на вывесках, этикетках и по своей цели предназначены сообщить, какой артефакт здесь локализован, а значит, стремятся к номинативности.

Наиболее привлекающий к себе внимание учёных лингвистический процесс, так или иначе связанный с утилитарным дискурсом, – переход имени нарицательного в собственное. Имена собственные, появившиеся в утилитарных текстах, могут быть не мотивированы по смыслу называемым артефактом, например торговый центр «Кондор», торт «Триумф». Имя собственное здесь мотивировано эстетически, в чём реализуется рекламная, а не утилитарная функция. Однако утилитарная функция должна быть реализована текстом на вывеске или этикетке так, чтобы адресат понял, о чём идёт речь. Для этого используется утилитарный текст, сочетающий нарицательное и собственное слово: «Универсам Магнит». Во многих случаях собственное слово мотивировано артефактом, что усиливает и рекламную, и утилитарную функцию текста, например «Магазин Колесо», торгующий шинами.

Помимо образования имён собственных существует и обратный процесс – апелляция: слово, часто употребляемое в ути-

литарных текстах как собственное, может стать нарицательным названием объекта. Сюда относятся случаи перехода в нарицательные фирменных знаков. Наричательное употребление узуализируется благодаря привычке связывать утилитарный текст, содержащий фирменный знак, со всем классом предметов – на некоторых он размещается. В результате метонимии, переноса названия фирмы на само изделие, слова начинают называть любые предметы данного класса, в том числе произведённые другими фирмами. Рассмотрим некоторые примеры из отдалённого и довольно близкого прошлого.

В Испании в 1909 году было организовано акционерное общество по электрификации страны «Unitas» («единство»). По его заказу одна из фабрик под Барселоной изготавливала фаянсовые изоляторы и попутно ватерклозеты, на которых размещали рельефный оттиск «Unitas». Слово стало ассоциироваться не с фирмой, а с изделием и, с некоторыми изменениями по типу народной этимологии под влиянием слова «таз», стало нарицательным «унитаз» (см. также Словарь Ушакова).

Из более поздних примеров можно привести слова *скотч* и *ксерокс*, бывшие эргонимами производителей, затем заменившие собой словосочетания «липкая лента» и «копировальный аппарат» в результате стремления к экономии речевых средств. Слово «Скотч» стало нарицательным, поскольку его чаще можно встретить на товаре или ценнике, чем в рекламе (фирма не ведёт агрессивной кампании). Копировальные аппараты «Херох» были первыми, закупились ещё в СССР при отсутствии их рекламы. Следовательно, название стало нарицательным благодаря логотипам на корпусе (то есть утилитарным текстам) и незнанию советских граждан, что в языке-источнике нет такого нарицательного слова. Фирма «Херох» некоторое время распространяла слоган: «Только наши копировальные аппараты имеют право называться «Херох»». Эта реклама не изменила узуального употребления слова: ксероксом продолжают называть копировальный аппарат любой фирмы.

Схожим образом изменяется употребление и других слов: например, «Памперс» была первой фирмой, детские подгузники которой завозили в Россию ещё частным образом, ещё до начала официальных продаж. Фирма фактически передала своё название детским подгузникам любой фирмы. Слово «Джип» («Jeep») некоторое время обозначало в обиходе любой внедорожник. Причём «Jeep» как «внедорожник» активно использовали в 90-е годы, когда рекламы автомобилей этой фирмы в России было не много ввиду экономической нецелесообразности, зато подержанные машины завозили в большом количестве. Фирменный логотип «Jeep» на машине видели незнакомые с ним люди, принимая его за обозначение класса машин, а не марки, учитывая, что внедорожников в России было мало. Таким образом, утилитарный текст способствовал переходу собственного имени в нарицательное.

Из приведённых примеров выводится закономерность – эргоним становится нарицательным именем, когда его распространение в виде утилитарных текстов на безальтернативном товаре опережает знакомство потребителя с торговой маркой при посредстве рекламы. Апеллятивация (переход в нарицательное) эргонимов ускоряется, если эргоним в виде логотипа написан на чужом для читающего языке, в особенности чужим алфавитом. Подтверждением тому может служить тот факт, что в новогреческом языке (димотике) слово *ves кафе* (*Nescafe*) является нарицательным и обозначает растворимый кофе любой марки, при наличии словосочетания *στυμιαίος καφές* (буквально «быстрый кофе»).

Можно предположить, что путём апеллятивации при посредстве использования в утилитарном тексте стали нарицательными слова *геркулес* (советская торговая марка) – «овсяные хлопья»; *джакузи* (итальянская фирма *Jacuzzi*) – «гидромассажная ванна»; *тефлон* (торговая марка США) – «политетрафторэтилен» и др.

Следующей чертой, отличающей существительные в утилитарных текстах, является особенное использование форм числа.

Множественное число существительного часто используется для обозначения торговых предприятий или их отделов, например: «Стройматериалы», «Двери», «Продукты». При этом некоторые утилитарные тексты включают во множественном числе слова, для которых эта форма числа не широко употребляется, а закреплена за узким значением «сорта»: *сыры, соки, крупы, колбасы*. В значение формы числа входит не идея множественности, а новый компонент лексического значения – «торговля разными сортами», не фиксируемая в лингвистических источниках.

В составе утилитарного текста возможно употребление единственного числа для названия более чем одного предмета, что также закрепляет за текстом утилитарную функцию обозначения артефакта, например: «Полкодержатель 12 шт» – на упаковке, «Арбуз – 20 р.» – на временной торговой точке и т. д. Формы числа имён существительных не всегда употребляются в утилитарных текстах в соответствии с грамматическим значением «один – больше одного», но могут подкреплять идею утилитарного использования текста.

В утилитарном дискурсе падеж существительного может быть управляем с помощью экстралингвистической части. Такие тексты, как «В депо», «До Каховской», «В ремонт», ограничены в своей лингвистической части существительным в косвенном падеже с предлогом. Изолированно такая форма употребляться не может. Следовательно, надо интерпретировать такие надписи вместе с артефактом и его действием: *трамвай следует в депо, поезд следует до Каховской, автомобиль направляется в ремонт*. Итак, в управляющей падежом части конструкции слова заменены реалиями (артефактами), в чём состоит существенная особенность утилитарного дискурса – грамматика языка встроена в структуру культурного пространства.

В утилитарном дискурсе существительные отличаются стремлением к переходу

собственных в нарицательные и переносным значением числа.

Особенности использования местоимений в утилитарных текстах

Местоимение – дейктический знак, то есть служит указанием, а поэтому используется в актуальной ситуации. Логично, что при значительной роли культурного пространства для понимания утилитарных текстов, в утилитарном дискурсе активно используются, в первую очередь, указательные местоимения, однако они часто заменяются стрелками и подобными знаками.

Указательные местоимения используются на памятных досках, например: «В этом здании в 1967 г. выступал Владимир Высоцкий». В немецком языке указательное местоимение может быть связано не с существительным, а непосредственно с артефактом: «Das kann mitnehmen» – «это можно взять с собой» (на верху стойки, где лежит бесплатная литература о Германии). В русском языке использование указательного местоимения требует экспликации объекта дейксиса словами: «Это рекламное место свободно».

Личные местоимения используются в рекламных текстах, в малой степени реализующих утилитарную функцию, например в витрине «У нас дешевле» или в текстах на личных вещах, например в надписи на футболке «Я люблю пиво». Особенность использования этих местоимений в утилитарных текстах в том, что при письменном употреблении физически говорящего (в смысле артикулирующего) нет, а отправитель речи должен быть найден в ситуации – или продавец магазина, или носитель футболки. В отдельных случаях личное местоимение первого лица указывает на говорящий предмет (неодушевленный): «Поверни меня» – на пачке соды, «Я – прочный полиэтиленовый пакет <...>» – на пакетах фирмы Евросеть и т. д. Но на таком же пакете супермаркета «Билла» в тексте «Сегодня я помог детям» – «я» указывает не на пакет, а на человека. Разграничить эти значения можно только

эмпирически, формального показателя ни в системно-языковой, ни в экстралингвистической части утилитарного дискурса нет.

Возвратное местоимение используется в надписях на двери «На себя» и «От себя», такое употребление интересно тем, что косвенный падеж с предлогом изолированно не употребляется, следовательно, в грамматическую конструкцию в качестве субъекта входит сам артефакт (дверь).

Использование других местоимений в утилитарных текстах особенностями не отличается.

Особенности использования глаголов в утилитарных текстах

Инфинитив и императив не соотносены со временем, что удобно для использования их в утилитарном тексте, так как утилитарный текст существует длительно и почти никогда не обладает точкой отсчёта во времени. При этом в императиве есть формы числа и обе используются в утилитарных текстах. Императив позволяет создавать различные речевые акты: вежливая просьба, приказ, рекомендация (совет), предостережение. Инфинитив в утилитарных текстах обычно обозначает строгий приказ.

Императив встречается как в форме множественного числа, так и единственного, например, в переходах метро пишут: «Держитесь левой стороны», в вагонах наносят текст: «Уступайте места инвалидам, пассажирам с детьми и людям пожилого возраста» и т. п. Поскольку любой стандартно используемый утилитарный текст ориентирован на каждого адресата индивидуально, можно утверждать, что множественное число является вежливой формой просьбы. В тексте на пакетах с напитками «Употребляйте охлаждённым» с помощью императива реализуется речевой акт рекомендации.

В других утилитарных текстах единственное число повелительного наклонения служит для выражения категорического приказа, например: «Стой! Высокое напряжение!», «Газ / Не входи», а также для выражения

предостережения: «Берегись поезда», «Не влезай – убьёт». Таким образом, форма числа императива в утилитарных текстах выступает одним из признаков речевого акта.

Инфинитив в значении побуждения к действию чаще всего передаёт категорический запрет, как например, в утилитарных текстах: «Не курить», «Не прислоняться», «Мусор не бросать», «Машины у въезда не ставить». Грамматическая форма инфинитива используется для эмоционального усиления запрета. В утилитарном тексте, включающем форму инфинитива в повелительном значении, автор (отправитель) мыслит запрет как обязательный для выполнения адресатом.

Будущее время в утилитарных текстах изъявительного наклонения используется с точкой отсчёта, связанной с моментом чтения, то есть с адресатом, и обычно реализует угрозу автора, как например, в следующих предупреждениях: «Не бросай бутылку – получишь по затылку», «Хлопнешь дверь – станешь льготником», «Чем тише скажешь свою остановку, тем дальше от неё уедешь». В этих угрозах глагольные формы служат для построения фраз, побуждающих к действию.

Настоящее время глагола в утилитарных текстах выступает не в актуальном значении действия в момент речи и вне связи с какой-либо конкретной точкой отсчёта во времени. В отвлечённых по форме замечаниях «Люди высыпают мусор в бак», «У нас не курят» настоящее время указывает на многократное или постоянно-непрерывное действие, которое заявлено в качестве образца поведения и является ещё одной формой побуждения к действию.

Прошедшее время используется в утилитарном дискурсе на памятных досках, например: «Здесь в 1877 году в Березичах бывал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой». Поскольку надписи эти исторические, для них не принципиально, где находится точка отсчёта времени: в момент создания или в момент чтения. Прошедшее время на памятных досках имеет значение плюсквамперфекта, то есть давнопрошедшее.

Иногда инструкции даются в страдательном залоге, следуя традиции канцелярского стиля инструкций по эксплуатации: «Устанавливается самостоятельно, без посторонней помощи» – на держателе занавески для ванной комнаты, «Открывается вовнутрь» (sic) – на неавтоматической двери поезда, «Справки выдаются с 9.00 до 16.00», «Головные уборы не принимаются» и т. д. Во всех случаях имеется в виду действие человека – отправителя или получателя сообщения, а не предмета, в том числе и в первом, где запрашивается понимание формы как возвратной.

Итак, почти любая форма глагола в утилитарном тексте реализует одну из основных его функций – мотивирующую. Поэтому в утилитарных текстах используются, главным образом, формы императива или иные в значении императива. Грамматическое значение времени и наклонения, кроме императива, в утилитарных текстах неактуально, точки отсчёта времени или нет, или она неопределённая.

В итоге статьи отметим, что, во-первых, в утилитарном дискурсе функционирование морфологической подсистемы языка происходит по общеязыковым законам, во-вторых, в утилитарном дискурсе единицы языка взаимодействуют непосредственно со знаками других систем, в частности, с артефактами культурного пространства в рамках грамматических законов языка, в-третьих, в утилитарном дискурсе доминирующую роль играют имена существительные, в-четвёртых, указательная функция местоимений реализуется в связи с предметным окружением. Особо отмечается апелляция как способ образования имён существительных. В утилитарном дискурсе не находят широко применения, а если применяются, то функционально ограничено, грамматические явления, связанные со временем; в частности наречия времени и глагольные формы времени.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Букчина Б.З., Золотова Г.А. Слово на вывеске // Русская речь. – 1968. – № 3. – С. 49 – 56.
2. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Малые письменные жанры в городском общении: на

- пути к диалогу // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – С. 256 – 262
3. Подберезкина Л. З. Современная городская среда и языковая политика // Русский язык в его функционировании: Тез. докл. междунар. научно-методич. конф. – СПб.: Изд-во “Питер”, 1998. – С. 26 – 29.
4. Романова Т.П. Проблемы современной эргонимии // Вестник СамГУ Филология.– 1998. – № 1. – С. 82 – 90.
5. Шмелева Т.В. Письменность городской среды // Фонетика – орфоэпия – письмо в теории и практике. Межвузовский сборник научных трудов, выпуск 1. – Красноярск. – 1997. – С. 114 – 123.

УДК 81'367

Мельниченко Н.П.

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

ЧАСТИЦЫ-СОЮЗЫ РАЗВЕ ЧТО И РАЗВЕ ТОЛЬКО

N. Melnichenko

Yelets State Ivan Bunin University

PARTICLES-CONJUNCTIONS RAZVE CHTO AND RAZVE TOLKO

Аннотация: Слова *разве что* и *разве только* способны выполнять функции союза и частицы. Союзы *разве что* и *разве только* связывают предложения в тексте, предикативные единицы сложного предложения и однородные сказуемые, члены предложения, член предложения и предикативную единицу. В данных случаях возможно выделение групп ограничиваемых компонентов: 1) ограничение обычного положения дел, закономерности; 2) неизменившегося положения дел; 3) отрицаемого действия; 4) частичное утверждение отрицаемого действия; 5) ограничение возможности / невозможности чего-либо; 6) качества; 7) оценки; 8) сходства / различия объектов. Частицы *разве что* и *разве только* выражают добавочные смысловые оттенки членов предложения и предикативных единиц.

Ключевые слова: частицы-союзы, ограничительные отношения, ограничивающий и ограничиваемый компоненты.

Abstract. The words *разве что* (*razve chto*) and *разве только* (*razve tolko*) are able to act as conjunctions and particles. Conjunctions *разве что* (*razve chto*) and *разве только* (*razve tolko*) interlink sentences in a text, predicative units in a complex sentence and homogeneous predicates, parts of the sentence, a part of the sentence and a predicative unit. In these cases it is possible to identify groups of limited components: 1) limitation of usual patterns; 2) unchanged situation; 3) negated actions; 4) partial approval of negated actions; 5) the limitation of possibility / impossibility of something; 6) quality; 7) the similarities / differences of objects. Particles *разве что* (*razve chto*) and *разве только* (*razve tolko*) express additional notional connotations of parts of the sentence and predicative units.

Key words: particles-conjunctions, limitative relationships, limiting and limitable components.

Партикуляция – живой процесс, в результате которого возникают ряды омонимичных форм, в том числе среди союзов и частиц. Определение частеречной принадлежности данных слов с опорой исключительно на их функции в языке, учитывая то, что данные служебные слова участвуют в выражении грамматических значений и отношений и то, что многие частицы способны выполнять союзную функцию, может вызывать затруднения.

В РГ-80 внутри класса частиц выделяются частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-междометия и частицы-вводные слова. К группе частиц-союзов отнесено слово *разве*, совмещающее значение сомнения, колебания с функцией противопоставляющего союза [5, <http://rushkolnik.ru/docs/87/index-183859-19.html>]. Возможность выступать как частица и как союз для данной лексемы отмечена в словарях Т.Ф. Ефремовой [2], С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [3] и т. д. *Разве что* и *разве только* определяются в справочной литературе только как союзы (см., например, СУ [7], Русский орфографический словарь (отв. ред. В.В. Лопатин [6]) и т. д.). Однако анализ языкового материала Национального корпуса русского языка (в

подкорпусе «Художественные тексты» *разве что* – 1000 предложений, 1980 вхождений; *разве только* – 456 предложений, 696 вхождений) [9] показывает, что они способны выполнять и функции частицы.

Установлению возможностей слов *разве что* и *разве только* выполнять в различных контекстах функции не только союза, но и частицы, а также уточнению их семантики, на наш взгляд, способствует определение видов ограничиваемых и ограничивающих компонентов.

Функцию союза *разве что* и *разве только* выполняют, связывая предложения в тексте, предикативные единицы сложного предложения и однородные сказуемые (наличие которых позволяет квалифицировать данные предложения как сложные (см.: [1, с. 66-67]), члены предложения и члены предложения и предикативные единицы.

При выражении ограничительных отношений при помощи союзов *разве что* и *разве только* возможно выделение следующих групп ограничиваемых компонентов:

1. *Ограничение обычного положения дел, закономерности*

Ограничиваемый компонент в данном случае представлен несколькими предложениями, предикативной единицей, членом предложения. Союзы *разве что* и *разве только* могут вводить как одну предикативную единицу в качестве ограничивающего компонента, так и несколько предложений, представляющих собой развёрнутое описание обстоятельства, происшествия и т. д., не вписывающегося в обычный порядок вещей: *Причём точность тут не приблизительная, а абсолютная. Стоит только сесть на один градус наискосок, и то уж начинает задумывать со стороны, невольно, не заметишь как, поправишься на этот самый градус. Если ветер повернёт на четверть горизонта, пятьсот спин рыбаков повернутся на столько же. Разве что в конце марта, когда жарко на льду и можно загорать, перестает действовать этот флюгер. Тут уж сидят кто во что горазд, кто как лучше любит, чаще*

всего лицом к солнцу: жаден человек до солнечного лучика, особенно до мартовского (В. Солоухин. Григоровы острова).

2. *Ограничение неизменившегося положения дел*

Ограничиваемый компонент в данных случаях описывает неизменившееся положение дел, в то время как ограничивающий компонент представляет частичное изменение, не влияющее на основное положение вещей: *Миллионер, так же как и вы, любит старого Экклезиаста, во всём согласен с ним, и в самом главном тоже: ничего нельзя изменить ни в человеке, ни в человеческой жизни. Всё будет так, как было. Разве что удобства добавятся в этой печальной жизни* (А. Ким. Белка); *Ничего не изменилось в Тегеране. Разве только опустела площадка перед русским посольством. Но она пуста исподволь, родители, получившие детей своих и не получившие их, – развехались, армяне с прошениями рассеялись. А сейчас не стало и торговцев* (Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара).

Ограничиваемый и ограничивающий компоненты могут располагаться дистантно: *О нём она знала уже, кажется, всё, что можно было узнать. О его успешном бизнесе – бензоколонках и автосервисе. О том, что квартиру в элитном доме на Удальцова он купил совсем недавно, а до этого жил в обыкновенной однокомнатной «панельке». О том, что он всё любит делать сам и умеет делать всё, что ему необходимо... Разве что об отсутствии жены они не говорили – да и то, кажется, только потому, что Аля сама пресекала разговоры на эту тему* (А. Берсенева. Полёт над разлукой).

3. *Ограничение отрицаемого действия*

Ограничиваемый компонент при выражении данных отношений представлен глаголом с отрицательной частицей *не*, ограничивающий компонент называет обстоятельство, при котором возможно совершение действия: *Он правил машиной, она подчинялась ему, она катилась вперёд. И это было чудом. Несчётное число раз ездил*

Костя на автомобилях, но **ничего подобного не испытывал. Разве только в детстве** езда доставляла ему какое-то особенное удовольствие (Л. Карелин. Головокружение // «Юность», 1971).

4. Частичное утверждение отрицаемого действия

Ограничиваемый компонент при выражении данных отношений представлен глаголом с отрицательной частицей *не*, ограничивающий компонент содержит глагол, называющий действие (его разновидность), которое отрицается в ограничиваемом компоненте. Ограничивающий компонент с союзами *разве что* и *разве только* может выполнять функцию завершающего предложения в сложном синтаксическом целом: *Какие-то неясные предчувствия томили Питерку, и так померещилось ей и решилось тайно, что вот и смерть настигла в самом неподходящем месте; кто-то когда ещё хватится, через какие времена. Тут и ворону не подлететь, и лисе не словчиться, разве только мышь-норушка тихо-тихо выточит ей глаза* (В. Личутин. Вдова Нюра).

5. Ограничение возможности / невозможности чего-либо

Никто в этой стране таких сигарет не курит, думал Алекс. Ну и что? Зато я могу их курить. Разве что стоят на доллар дороже – он знал место в городе, где продаются импортные сигареты (В. Месяц. Лечение электричеством // «Урал», 2002); *«Такую любовь, дурёха, трудно сочинить, – сказала Вера очень серьезно. – Разве только писатели могут... Да и то: куда им!»* (М. Бубеннов. Белая берёза / части 3-6).

6. Ограничение качества

Особенность покроя и шитья этого платья заключались в том, что оно, облежавшее фигуру и **казавшееся обычным (разве только разрез сбоку до бедра)**, сбрасывалось одним движением руки (Е. Белкина. От любви до ненависти); *Только очень несправедливый человек мог назвать худого, поджарого и мускулистого Сергея «неуклюжим». Разве что некоторая погрязённость в себя придавала*

его движениям плавную отстранённость или, наоборот, отстранённую плавность (М. Баконина. Девять граммов пластита).

7. Ограничение оценки

Шефер посчитал пульс: отличное наполнение, разве только немного частит? (Ю. Герман. Дорогой мой человек).

8. Ограничение сходства / различия объектов

В данных случаях ограничивающий компонент может следовать за ограничиваемым или располагаться дистантно: ... *Но на самом-то деле они с Главным просто были весьма похожи. Мордастые лысеющие дядьки немного за пятьдесят. Разве что у Главного физиономия была как-то больше похоже на человеческое лицо, а не на раскормленную харю победившего всех на свете пролетария* (О. Дивов. Молодые и сильные выживут).

Особого внимания заслуживают конструкции, в которых союзы *разве только* и *разве что* выражают ограничительные отношения между членами предложения: между подлежащими, дополнениями, определениями, обстоятельствами. В них ограничиваемый компонент выражается отрицательными местоимениями и местоименными наречиями *никто, ничто, нигде, некого, нечего, негде* и т. п., а также другими формами, указывающими на отрицание чего-либо или на почти полное отсутствие чего-либо. Ограничивающий компонент в таких конструкциях выражен одноимённым членом предложения: подлежащим, дополнением и т. д.: *Опуская глаза и беспрестанно вспыхивая, она сказала ему, что очень жалеет о бывших между ними недоразумениях и что теперь не чувствует себя вправе ничего просить, разве только позволения, после постигшего её удара, остаться на несколько недель в доме, который она так любила и где столько принесла жертв* (Л. Толстой. Война и мир. Том первый); *Впрочем, из дому мне никуда не позволялось выйти; разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни дванадцатые праздники* (М. Чулков. Пригожая повариха, или Похождение развратной женщины).

Эти конструкции синонимичны конструкциям с предлогом *кроме* и сочетанием *кроме как*: «не чувствует себя вправе ничего просить, кроме позволения остаться на несколько недель в доме»; «из дому мне никуда не позволялось выйти; кроме как в церковь». Но данные предложения можно квалифицировать и как предложения с пропуском сказуемого или его части в ограничивающем компоненте, так как эти сказуемые одинаковы, различаются лишь отрицательным характером в ограничиваемом компоненте и утвердительным в ограничивающем, ср.: «не чувствует себя вправе ничего просить, разве только просить позволения остаться на несколько недель в доме»; «из дому мне никуда не позволялось выйти; разве только позволялось выйти в церковь». Но встречаются и предложения, в которых сказуемое ограничиваемого компонента повторяется или заменяется синонимом: *Она доверчиво к нему прижалась в ответ. – Вот тебя не боюсь, – сказала она тихонько. – Вообще здесь никого не боюсь. Разве что здорового вашего опасуюсь – уж больно у него вид заторможенный. И этого ещё психопата белобрысого* (О. Дивов. Молодые и сильные выживут). Поэтому данные случаи можно рассматривать как промежуточные между простым и сложным предложением.

Аналогичный характер имеют конструкции с ограничиваемым компонентом – риторическим вопросом с вопросительными местоимениями, который выражает отрицание: *Кто её знает-то теперь, эту азбуку? Кто ей пользуется? Разве что ты, когда грамотку подмахиваешь...* (А. Иванов. Сердце Пармы); *Погибай! Кому ты ещё нужен? на что?.. Разве только на пугало людям посреди площади?* (А. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея).

Позиция ограничивающего компонента – члена предложения – может быть замещена предикативной единицей, прежде всего ТО-ЧТО-предложением, представляющим собой придаточную изъяснительную часть вместе с соотносительным местоимением *то* (ср. трактовку таких предложений

как модусно-пропозициональных: [8]): *Что я ей мог возразить? Разве только то, что мы-то с ней здесь, значит, ещё не всё...* (Е. Шкловский. Последние); *Ну, чем я лучше Симонова, думал я. Разве что тем, что не побоялся встретиться с Виталием* (В. Некрасов. Саперлипопет).

На эти предложения внешне могут быть похожи предложения с местоименно-соотносительной связью ТО – ЧТО (предложения референциального тождества с функцией номинации [8]): *Сквозь старое грязное стекло оконца не много было видно в ночной мгле двора, разве только то, что высвечивалось электричеством из хаты* (В. Быков. Знак беды), ср. «не много было видно в ночной мгле двора, разве только высвечивающееся электричеством из хаты».

Ограничивающим компонентом может выступать инфинитивная конструкция, статус которой неодинаково определяется лингвистами: является ли она оборотом в составе простого предложения или предикативной единицей. Нам представляется, что эти конструкции ближе к сложным предложениям: *Всем он вроде ей мил, но что же делать, если за её спиной этот-самый-некто, от кого она хочет оберечь Лазика, а потому и сама не может ничего, разве только так, мимоходом чмокнуть играючи в щёку или прильнуть плечом* (Е. Шкловский. Лазик и Паша-Король // «Звезда», 2003).

Рассмотрим теперь функционирование *разве что* и *разве только* как частиц. В роли данной части речи они выступают, осложняя один из членов предложения или предикативную единицу в целом:

1) подлежащее: *Продолжая быть обыкновенным дьяконом, который обязан служить только по праздникам, а в остальные дни – почитать от дел, вы и через десять лет останетесь всё таким же, какой вы теперь, и прибавятся у вас разве только усы и борода, тогда как, вернувшись из экспедиции, через эти же десять лет вы будете другим человеком, вы обогатитесь сознанием, что вами кое-что сделано* (А. Чехов. Дуэль);

2) дополнение: *Не буду приводить всю историю обольщения: это долго и интересно разве что для психиатров* (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ);

3) определение: *Сколько оставил нам Пётр Великий важных планов, которых исполнение станет на жизнь и силы разве только наших правнуков!* (И. Лажечников. Ледяной дом);

4) обстоятельство времени: *На мало-мальски солидную должность рассчитывать Алексею, прямо скажем, не приходилось, а заработанного в колонии могло хватить разве что на несколько месяцев, и то при весьма умеренных запросах* (Е. Парнов. Александрийская гемма);

5) обстоятельство места: *Остальным пацанам можно было разве что в окошки заглядывать* (А. Геласимов. Разгуляевка);

6) обстоятельство причины: *Разумеется, что не дёшево стоит такой мудрёный соловей, и за сто целковых разве только по знакомству уступит его нам Степан Михайлович; за канарейку придётся заплатить тоже не много меньше...* (И. Кокорев. Сборное воскресенье);

7) обстоятельство цели: *Денег было мало; но тогда мелкопоместные наши дворяне не много о них и заботились: домашнее хозяйство давало почти все средства к жизни. Копили копейку разве только для посылки служащим сыновьям в армию и для пополнения и освежения из рода в род переходившего приданого для дочек* (Н. Гейнце. Аракчеев);

8) обстоятельство образа действия: *Ныне время первого выезда девицы в свет проходит почти без внимания; догадаешься разве только по локонам, небрежно опущенным за уши, и ещё не вьющимся трубками кругом чела, что она не оставляла родительского дома* (А. Корнилович. Андрей Безыменный (Старинная повесть));

6) предикативная единица: *Главное затруднение в том, – как бы нам похоронить её по христианскому обряду. Она была, кажется, неверующая или совсем плохо веровала. И я тоже разве только случайно иногда переkreщу лоб* (А. Куприн. Яма).

Чаще осложняется придаточное предложение через посредство соотносительного слова: *Это был единственный мой постоянный знакомый во всю мою жизнь, и я даже сам удивляюсь теперь этому обстоятельству. Но и к нему я ходил разве только тогда, когда уж наступала такая полоса, а мечты мои доходили до такого счастья, что надо было непременно и немедленно обняться с людьми и со всем человечеством; а для этого надо было иметь хоть одного человека в наличности, действительно существующего* (Ф. Достоевский. Записки из подполья).

Эти конструкции можно рассматривать как разновидность конструкций с вторичными союзными связями (см.: [4, с. 269 – 274]), но их можно определять и как члены предложения, осложнённые частицами, привносящими добавочные смысловые оттенки, в данном случае маркируемой частицей член предложения характеризуется говорящим как единственно допускаемый им в данной ситуации. Но это употребление частиц *разве только* и *разве что* опирается на ограничительную конструкцию с отрицательным ограничиваемым компонентом, ср.: «...остальным пацанам никуда нельзя было заглядывать, разве что в окошки». Таким образом, данные конструкции соотносительны между собой, и это даёт основание считать те и другие средствами выражения ограничительных отношений. Представленный анализ демонстрирует неоднократно обсуждавшийся в научной литературе вопрос о близости союзов и частиц.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. – 2-е изд. – М.: «Высшая школа», 1978. – 439 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1536 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: ИТИ Технологии. – 944 с.
4. Прияткина А.Ф. Вторичные союзные связи // Исследование по славянской филологии. Сборник, посвящённый памяти академика В.В. Виноградова. – Изд-во Моск. ун-та, 1974. – С. 262-268.

5. Русская грамматика [Электронный ресурс]: в 2-х т. – Том I. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 789 с. URL: <http://rushkolnik.ru/docs/87/index-183859-19.html>. (Дата обращения: 20.08.2013 г.)
6. Русский орфографический словарь: около 180 000 слов / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Неchaева, Л.К. Чельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2004. – 960 с.
7. Толковый словарь русского языка: В 3 тт. Т. 3. Р – Я / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – 672 с.
8. Фигуровская Г.Д. Системные связи сложных предложений в современном русском языке (на материале модусно-пропозициональных предложений). – М.: Прометей, 1996. – 204 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: www.ruscorpora.ru. (Дата обращения: 28.08.2013 г.)

УДК 811.161.1:659

Полянский А.Н.

Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова

ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В РЕКЛАМНОЙ ПРАКТИКЕ

A. Polyansky

Moscow State University of Printing Arts

TRENDS IN THE USAGE OF OCCASIONAL WORD FORMATION IN ADVERTISING

Аннотация. Проблемы, представленные в данной статье, касаются как активных процессов развития окказионального словообразования, присущих современному русскому языку в целом, так и задач, стоящих перед копирайтером, который стремится породить эффективные рекламные тексты.

Словообразовательные окказионализмы анализируются относительно основных способов русского словообразования с точки зрения целесообразности их использования в рамках рекламного обращения и при нейминге. Так, в ходе анализа комментируется каждый из приведённых случаев окказионального словообразования и отмечается степень его эффективности использования в данной печатной рекламе.

В выводах по статье отмечается, что не во всех случаях попытки казаться оригинальными в рекламе посредством такого вербального инструмента, как окказиональное словообразование, могут оказаться успешными, а только лишь в тех случаях, когда они способствуют запоминаемости бренда, товарной категории и уникальности торгового предложения.

Ключевые слова: окказиональное словообразование, рекламное обращение, эффективность использования, товарная категория, уникальное торговое предложение.

Abstract. The issues presented in this article refer to both the active processes of occasional word formation common to the modern Russian language in general, and the challenges that a copywriter faces, when aiming to create effective advertising copies.

Word-formative occasionalisms are analyzed as related to the basic methods of Russian word formation in terms of reasonability of their use within advertising message and naming. Thus, during the analysis the author comments on each of the given cases of occasional word-formation and notes the degree of its effective use in the given print advertising.

In the article conclusions it is noted that not all attempts to seem original in advertising by such a verbal tool as occasional word formation can be successful, but only in those cases when it contributes to the memorability of the brand, product category and uniqueness of the selling proposition.

Key words: occasional word formation, advertising message, effective use, product category, unique selling proposition.

Прежде всего считаем необходимым определиться с термином *окказионализм* в рекламе. В языкознании, как известно, окказионализмами (от латинского слова «казус» – случай) называют языковые инновации, созданные автором спонтанно, чтобы указать на предмет или явление, названия которому в русском языке ещё не существует.

На уровне такого понимания окказионализма существует известная путаница между близкими по своей сущности терминами *языковые неологизмы, индивидуально-авторские неологизмы и окказионализмы*.

В рекламной практике, в основном при нейминге, в процессе имя-наречения нового продукта или фирмы-производителя говорить о случайном, т. е. окказиональном, словообразовании едва ли уместно, поскольку реклама – это не поэзия и не художественная литература, и в рамках рекламного дискурса целесообразнее было бы опираться на интенции, сознательно создаваемые с помощью словообразовательных средств, отражающих намерения например, чтобы выделить свою торговую марку или подчеркнуть уникальное торговое предложение, с которым фирма выходит на рынок. Поэтому в рамках нашего исследования считаем необходимым под окказиональным словообразованием подразумевать все случаи отклонения от традиционного русского словообразования, факты которого подробно описаны в изданиях грамматик современного русского литературного языка.

Традиционные словообразовательные модели современного русского языка¹ сегодня кажутся привычными и не являются сильными сигналами, на которые обратят внимание в рекламном слогане или заголовке. Привлекает всё необычное, аномальное и даже уродливое. Именно поэтому уже в период так называемой перестройки в русскоязычной рекламе начинаются поиски новых форм графических выделений в текстах, которые работают подобно «маякам», притягивающим к себе внимание. Такое массовое увлечение в журналистике и в рекламе преднамеренными нарушениями канонов литературной нормы привело к развитию словообразовательной игры, во время которой реализуются невосребованные ранее словообразовательные потенции современного русского языка.

Вполне очевидно, что задачи у журналистов и у руководителей рекламных кампа-

¹ См. Грамматика современного русского литературного языка (Словообразование). – М.: Наука. – 1980.

ний во многом различаются – они совпадают только в тех случаях, когда готовятся заказные PR-материалы, но в независимой журналистской практике языковые приёмы формирования общественного мнения не совпадают с приёмами позиционирования товарной марки, выделения УТП (уникального торгового предложения), или приёмами, работающими на запоминаемость бренда, товара и выгоды, которую может получить потребитель от применения этого товара или услуги. Тем более нелепыми бывают случаи, когда неспециалист в рекламе пытается работать в области нейминга, рассчитывая, видимо, только на внешний эффект. Как Вам нравятся, например, автомойки «Твой До Дыр»? Не желаете получить своё авто после такой мойки со сквозными дырами в корпусе? Здесь очевидна связь с мифическим литературным персонажем К. Чуковского. «Мойдодыр» тоже, кстати, результат окказионального лексико-синтаксического способа словообразования, который в советский период был своеобразным коммуникатором PR-акции, пропагандирующей детскую личную гигиену, и, казалось бы, мог очень неплохо подойти для автомоек по единому доминирующему признаку – идеальная чистота. Однако составители бренда «Твой До Дыр» не учли той дополнительной негативной коннотации, которая при предъявлении данного бренда возникает у автолюбителя – образа любимого авто, чистого, но всего покрытого уродливыми дырками. Что же случилось? Дали одну позитивную ассоциацию и тут же приклеили к ней такой негатив, который способен оттолкнуть от этих автомоек массу автолюбителей. Для сравнения, Мойдодыр К. Чуковского не вызвал отрицательных эмоций, а скорее воспринимался в качестве шуточной метафоры, поскольку на теле дыр во время мытья не протрёшь.

В данной работе рассматриваются случаи использования окказионального словообразования в практике отечественного копирайтинга.

Так, в первую очередь обращают на себя внимание попытки встройки бренда в корпус стилистически нейтрального слова

О
 куПИКквартиру куП И К (реклама первой
 Н ипотечной
 А компании)

Встроить имя бренда несложно, и даже можно пооригинальничать с графикой, но сколь будет действенна такая реклама? Сказать клиенту «Купи мой товар!» без обоснования пользы от такой сделки – это оскорбить его. А почему он должен покупать именно у вас? Вы монополист, или вы настолько хорошо известны, что одно лишь упоминание вашей фирмы способно привлечь миллионы покупателей (это тот уровень, до которого дошли бренды с мировой известностью Sony, Philips, BMW, Canon и т. п.)? Вообще, форму повелительного наклонения от глагола *купить* серьёзные фирмы уже давно исключили из рекламного лексикона.

А вот пример того, как неуклюже пытаются вписать свой бренд в слово *идиллия*. Видимо, считают, что образовался оригинальный слоган «Создай себе ЭДИЛлию!» (торговля бытовой электроникой). На самом деле представитель целевой группы не собирается создавать себе клон фирмы «ЭДИЛ», его интересы не простираются далее покупки надёжной бытовой электроники по приемлемой цене. К чему же эти литературные потуги, попытки создать пароним, созвучный бренду, если в результате получается низкоэффективная реклама? Иногда, пытаясь адаптировать иностранный бренд к русскоязычной действительности, встраивают в русскую основу имя бренда, написанное латинской графикой.

Автомобили VOLVO – безопасное удоVOLVствие или реклама пива “Green field” в виде ВечеGreenка со встроенным английским элементом, что дало возможность позиционировать этот бренд как пиво для вечеринок.

Подобная словообразовательная игра в языке рекламы, игра с внутренней формой слова основывается на столкновении созвучных слов – омонимов и паронимов.

Особенностью этой игры являются приёмы графического выделения созвучных элементов текста. Главное, чтобы создатели таких брендов думали об эффективности рекламы, а не о собственных творческих амбициях, порой доходящих до абсурда, как в рекламе корма для кошек «Китекэт»: «Великий художник – он ПиКОТссо», или в рекламе пива «Бадаевское» – «опять убодались!» И так, кто ещё желает «убодаться»? Что-то не видно очереди за пивом «Бадаевское» после выхода этой рекламы. Также можно отметить случаи неудачной встройки имени торговой марки без графических элементов выделения «Пора *крашеваться*». Сок «Краш». Кроме того, встройка заимствованных элементов с латинской графикой должна производиться с учётом семантики английских слов, иначе погоня за внешней оригинальностью будет противоречить самой сути рекламного посыла. Например, автосигнализация «Мангуст» – «Mongoose». Слоган: «MonGOose уGOnу нет!» Графически выделенная часть GO в MonGOose дословно переводится в данной речевой ситуации как «Давай, уезжай скорее!» Это призыв к автоугонщику действовать? И даже вторая часть слогана, представляющая собой диковатую смесь кириллицы с латиницей, не снимает до конца ощущение риска от угона любимого авто.

В сегодняшней рекламе используются языковые приёмы, которые значительно расширяют возможности лексико-синтаксического способа словообразования. Так, Не грусти – «Негрустин» (антидепрессант); сто лет (жить) – «Доктор Столетов» (сеть аптек) создают доброкачественные позитивные ассоциации, чего не скажешь о марке подсолнечного масла «Стожар» – видимо, создатели этого масла гордятся, что на нём можно сто раз жарить, но в этом значении он будет крайне негативно влиять на домохозяек, поскольку врачи не рекомендуют на одном и том же масле жарить даже вторично. Мы прекрасно понимаем, что создатели бренда «Стожар» имели в виду совсем иное, но всё равно параллельная негативная составляю-

щая, заложенная в названии, остаётся и будет отпугивать тех самых «хороших хозяек», т. е. основную целевую аудиторию.

Название мебельной фирмы «Кухнистрой» имитирует призыв (за счёт использования глагола в форме повелительного наклонения). В целом такое название понятно, но кто же всё-таки должен строить кухни – неужели сами покупатели?

Во многих случаях лексико-синтаксический способ словообразования в именах марок осложняется усечением флексии. Так из словосочетания (лекарство) *для носа* получилось «Длянос» – оригинальное название спрея от насморка, которое не оставляет сомнений в назначении этого средства. Иногда окказиональное использование лексико-синтаксического способа словообразования сопровождается синтаксической редукцией, что отражает тенденции разговорного экспрессивного синтаксиса. Например, «Быстросуп» (супы в пакетиках), название которого легко декодируется до *быстро приготовленный / готовящийся / приготавливаемый / суп*. Потребительский мотив – рациональный. Название само за себя говорит, оно чётко и вразумительно указывает на повод для покупки (ярко выраженное УТП) для целевой группы – людей, которые любят горячий суп на первое, но не имеют возможности / времени / желания / его готовить. Являясь именем собственным, «Быстросуп» претендует на переход в имя нарицательное как качественно новый вид продукта – суп очень быстрого приготовления, подобно брендам «Херох» – (любой множительный аппарат) или «Jeer» – (любой внедорожник).

Вполне уместно и название магазина для беременных «Скоромама» – (скоро будет мама) в силу того, что оно легко и однозначно понимается, имитирует сегменты спонтанной разговорной речи, и похожий на него бренд «Бананамата» фирмы, торгующей бананами».

Окказиональное сложение основ с соединительной гласной получило широкое распространение в русском языке начала XXI

века. *Мозголомы* и *людоеды* уже стали привычными словами, а в рекламе название серии книг по кулинарии «*Блюдоед*» вызывает ненужные ассоциации с людоедом и, кроме того, едят ведь не блюда как способы сервировки, а кушанья. Гораздо понятнее выглядит бренд «*Боярин Мясоедов*», в имени которого использован литературный приём «говорящей фамилии», что однозначно ориентирует потребителя на вид продукции. Так же бренд сети магазинов бытовой электроники «Техносила» сегодня уже хорошо знаком массам, а вот бренд пирожков быстрого приготовления «*Торопышки*» из *торопиться* и *пышки*, на наш взгляд, нуждается в дополнительных разъяснениях, которые можно дать в основном тексте рекламы. В противном случае его будут путать с маргарином «Пышка» или с женским магазином одежды больших размеров «Пышка».

Срв.: Сеть кофеен «*Кофемания*» выступает с самодостаточным брендом, не нуждающимся в комментариях. Желание передать в имени бренда сразу несколько свойств товара привело к названию новой модели мобильного телефона фирмы «Моторола» «*Чернотонкомото*», где странно выглядит последний элемент, указывающий скорее на привычное *мото* – мотоцикл, а не телефон «Моторола», и вслед за ним появляется модель «Мото-Мария» в честь теннисистки Марии Шараповой, которая не может вечно оставаться чемпионом. А это означает, что такой приём носит временный характер. И всё же компания «Моторола», выводя на российский рынок все новые модификации своих мобильных телефонов, упорно пытается приучить свою целевую аудиторию к тому, что в составе сложного слова элемент *мото* – теперь означает на мотоцикл, а «Моторолу».

Так появляются модели «*Машамото*» (снова напоминание о Марии Шараповой), *Яркомото*, *Черномото*, *Мотосвязь*, *Мототалисман*, *Стопмотоснято* (новая модель телефона, который поддерживает возможность фото- и видеосъёмки), *Мотозеркалье* (модель с зеркальцем).

Если в единичном случае омонимичный элемент *мото-* вызывал различные ассоциации, то в рамках массовой рекламной кампании узнаваемость этого элемента в связи с фирмой «Моторола» у молодёжной аудитории достигает почти 100%. Такой рекламный приём, видимо, имеет право на существование. Это тот случай, когда упорство может возобладать над традициями в языке, но только лишь в рамках одного бренда.

Если же одинаковые части слов будут многократно эксплуатироваться в качестве названий фирм различных товаров или услуг, то они перестанут быть сигналами для позиционирования продукции. Например, *Евроокна*, *Еврокомфорт* (кухни), *Европрестиж* (кухни), *Евронова* (стиральные машины), *Евросет* и т. п. Клишированность основы *Евро-* стирает её изначальную семантику (из Европы) и переводит в позицию «подделка под европейские товары», особенно на фоне расхожего и крайне неопределённого понятия *евроремонт*.

Ещё одной особенностью использования в рекламе способа сложения основ с соединительной гласной может быть побочный эффект, который выражается в нарушении законов благозвучия в русском языке. Рассмотрим в связи с этим лимонный напиток 7-ур. Слоган: *7-ур. Жаропонижающий жаждоутолител*. Первая часть напоминает указание на лекарство (срв.: жаропонижающие средства в аптеках), а *жаждоутолител* содержит 6 слогов вместо рекомендуемых в рамках русской фонетики трёх максимально. Хотя *жаждоутолител* и является окказиональной попыткой пооригинальничать, но пока его выговоришь, пройдет немало времени. В таких случаях, если не представляется возможность усечения первой основы (срв.: Линзмастер), то лучше вообще отказаться от способа сложения основ.

Любопытной представляется тенденция в окказиональном словообразовании, когда в рекламной практике соединяют основы, не сочетающиеся по смыслу. Например, *1000 книгометров* – название книжного магазина.

Книги не измеряются в метрах, создана окказиональная единица измерения, как *38 попугаев* = длина удава. Тем не менее, с известной долей юмора было создано весьма уверенное рациональное рекламное обращение уже в самом названии магазина «1000 книгометров». Сформирован образ громадного книжного магазина, в котором можно найти любую книгу, что весьма привлекательно для целевой аудитории, которая понимает, что значит ограниченный ассортимент литературы.

Таким же образом, казалось бы, несочетаемые по смыслу основы, работают в качестве рекламных элементов.

Например, *Килограммный выбор* – реклама сетевых продовольственных магазинов. Несмотря на явную несочетаемость основ, интерференция выделенных элементов *килограмм* и *грамотный* выбор выстроила нужную ассоциацию, очень неплохую синонимическую параллель к правильному, по набившему оскомину постулату «оптимальное соотношение цены и качества». И заголовок «Пепсиний цвет календаря» также использует возможности русского словообразования к интерференции морфов *Пепси* + *синий*, хотя ни о каких словообразовательных элементах *си* и речи не идёт. В данных случаях мы сталкиваемся с так называемым телескопическим приёмом образования новых слов.

Любопытно окказиональное сложение основ, из которых одна является хорошо известной носителем языка, а вторая, заимствованная, декодируется не всеми членами целевой аудитории.

Например, «*Мастердент*». Этот бренд хорошо запомнился благодаря джинглу «Мастердент. Вся стоматология!» и многократному повторению, однако элемент *дент* стал соотноситься в индивидуальном лексиконе наших людей не с зубом (франц. *un dent* – зуб), а с понятием *стоматология*. Тем не менее, на эффективности данной рекламы это обстоятельство никак не отразилось, и многие люди даже помнят наизусть телефон этой сети стоматологических клиник, не путая их

с другими видами услуг. Такой успех вызвал желание подражать, и появились стоматологические фирмы «Динадент», «Эпидент», «Профдент» и «Дентмагнат» (можете себе представить подстрочник «зуб-олигарх?»).

В слогане рекламы шоколадных батончиков «Натс» «Заряжай мозги и участвуй в Натсомании!» окказиональное словообразование «натсомания» звучит несколько неестественно, поскольку не у всех в личном лексиконе *nuts* соотносится с орехами, что соответствовало бы прямому переводу, а, скорее, с сортом шоколадки. Гораздо понятнее бренд вафельного торта «Причуда-шокофлирт», где элемент *флирт* как лёгкое увлечение может быть опознаваем основной массой целевой аудитории. Так же, как и «Фрутоняня» – детское питание, содержащее фрукты.

Окказиональное сложение основ без соединительной гласной имеет тенденцию к образованию целых серий названий с одинаковыми элементами в препозитивной и постпозитивной частях. «Мастердент» – «Линзмастер» (Салоны оптики). Название скорее подошло бы для мастерских по изготовлению очков или для аптек, специализирующихся на индивидуальном подборе линз с предварительной консультацией у врача-офтальмолога на месте продаж.

«Спортмастер» – сеть магазинов спортивных товаров. Бренд создаёт хорошую ассоциацию со знакомым и всем понятным *мастер спорта*, которое несёт положительный заряд.

Название выставки «Барбизона» становится понятным целевой аудитории только в сочетании с изображением знаменитой куклы и надписью «внутренний и внешний мир Барби».

«Паркет-Холл» имитирует название известнейших общественных центров (срв.: «Карнеги-Холл») и этим, видимо, должен, по мнению создателей бренда, придать значительности магазину, торгующему паркетом.

Префиксальные инновации в русском словообразовании, как правило, опираются не на качественно новые образования, а на

подстройку к хорошо известному префиксу необычной основы, например, название успокоительного средства «Антистресс» вместо ожидаемого *антидепрессант* легко воспринимается всеми потребителями и не требует дополнительных комментариев по поводу назначения этого лекарства.

А в тех случаях, когда один и тот же префикс слишком активно используется в рекламной практике, мы видим желание отойти от стандартов с помощью подстройки окказиональных префиксальных элементов. Так, лекарственный препарат от боли в горле вышел под названием «Стопангин» вместо ожидаемого «Антиангин», и это позволило гораздо чётче позиционировать такой бренд в ряду похожих по названию («Антипохмелин», «Антимоль», *антиперспирант*, «Антигриппин» и т. п.).

Префикс *экстра-* (дословный перевод с латинского *вне-*) в рекламе туши для ресниц вдруг начинает продуцировать необычные для него значения.

«Примерьте ресницы размера XXL! Экстрадлинные, экстраобъёмные, экстраординарные!» Традиционная сочетаемость префиксов с лексемами позволяет только форму *экстраординарные* (в переводе – необычные), а первые два слова, видимо, следует перевести как *недлинные* и *необъёмные*. Давайте всё-таки стараться уважать семантику заимствованных префиксальных элементов, а не гоняться за внешними эффектами. Впрочем, мы можем согласиться, что большинство читателей воспримет в этом контексте *экстрадлинные* и *экстраобъёмные* как необычайно длинные и объёмные (ресницы) и не будет вдаваться в специфику перевода.

Префикс *ультра-* (из латинского языка – в крайней степени) устойчиво используется в русском языке в составе слов ультразвук, ультраправые, ультрафиолетовый и т. п.) и вдруг мы встречаем водку с названием «Троя ультра». *Ультрановые* ощущения. Действительно, шокирующее название, особенно если вдаваться в смысл «Троя ультра» – это Троя в крайней степени, а *ультрановые* ощу-

щения, видимо, ожидают того, кто решится попробовать эту водку.

Лексикализованный латинский, но обрусевший в XX веке префиксальный элемент *супер-* традиционно используется в качестве препозитивной части сложных слов со значением «повышенного качества» или «усиленного действия» (*суперцемент, суперклей*) и писался слитно с основой слова. В русскоязычной рекламе мы наблюдаем сегодня тенденцию к отделению элемента *супер* от основы и приобретение этим элементом самостоятельного лексического статуса со значением «имеющий подавляющее превосходство». Так появились бренды минеральной воды «*Супер Александр*», «*Супер Николь*» и «*Супер Елена*». В этих названиях отсутствует связь между именем собственным и сортом минеральной воды, мотивация названий не раскрывается и в основном тексте рекламы, поэтому причины для такого рода словотворчества остаются непонятными. Кроме того, нарушается и традиция латинского языка, когда выдающихся людей, например, Александра Македонского, называли не *Super Alexander*, а *Alexander Magnus*, т. е. Великий. Слоган же этой рекламной кампании «Суперчистая вода – источник долголетия!» подходит практически для всей товарной категории «минеральные природные воды», поэтому обладает низкой эффективностью.

Префиксальные элементы нерусского происхождения *супер-*, *гипер-* и *мега-* следует применять в рекламе с большой осторожностью в связи с трудностями определения населением их значений. Потребительская аудитория, конечно, не будет серьёзно задумываться, какой, к примеру, из «маркетов» лучше – *супермаркет*, *гипермаркет* или *мегамаркет*, но тем не менее отдаёт предпочтение тому, что встречается реже (*гипер-* и *мега-*), считая, что за малоизвестным названием кроется некая исключительность.

Отмечаются также случаи использования постфиксальных иноязычных словообразовательных элементов, например, *Витамакс* и *Био-макс* с различным написанием – слитно

и через дефис, что свидетельствует о неустоявшейся орфографической тенденции.

Компания «Данон» вывела на российский рынок новую торговую марку йогуртов «*Даниссимо*», использовав итальянский суффикс превосходной степени, по аналогии с итальянским *fortissimo* и *bellissimo*, которые должны сочетаться только с основами имён прилагательных.

Тем не менее суффикс *-issim-* оказался узнаваемым для основной части русскоязычной аудитории именно в его значении превосходной степени.

Встречаются в нашей рекламе и окказиональные разновидности морфолого-синтаксического способа словообразования «*Заиксуй!*», «*Зазвездись на TV!*» и «*Сникерсни!*», когда из имени иноязычного бренда, представляющего собой существительное, образуют глагольную форму повелительного наклонения.

Срв.: «*Сникерс. Съел – и порядок!*» В данной синтаксической позиции элемент *Сникерс* выступает в роли именительного темы и, несомненно, является по-своему морфологическому статусу именем существительным. А словообразовательный элемент *-ну-*, эксплицитно встроенный в форму *сникерсни* (*сникерснуть*) придаёт этому существительному экспрессию действия, т. к. обычно в русском языке глаголы с суффиксами *-ну-/-ану-* обозначают действие быстрое и резкое (*кольнуть, дерануть, рубануть* и т. п.). Приём необычный, но нельзя не обратить внимания на передачу энергии экспрессии, которая отражает образ жизни целевой аудитории – молодёжи, которой всегда не хватает времени и всегда хочется есть.

Любопытная окказиональная разновидность морфолого-синтаксического словообразования, когда уменьшительно-ласкательный (реже – уничижительно-пренебрежительный) суффикс *-ишк-а* сочетается не с основой имени существительного (*солнышко, сынишка*) и не с основой имени прилагательного (*глупышка, коротышка*), а в качестве производящей для окказионального

имени существительного основы выступает глагол *расти* – «*Растишка*». Аналогичный пример с мороженым бренда «*Крутышка*» интересен ещё и тем, что с одной стороны может толковаться как образованный от адъективной основы *крутой* (жар.) – «*Крутышка*», на что указывает рекламный текст этого продукта «*Тонко не круто, круто, когда толсто!*». С другой стороны, данный вид мороженого позиционируется как закрученное от производящей глагольной основы *крутить* – «*Крутышка*». Такие двойные смыслы при выведении бренда на рынок могут привлечь молодёжную целевую аудиторию, которой нравится и необычный внешний вид, и кажущееся большим количество мороженого в порции. Зато следующие бренды, образованные подобным окказиональным способом словообразования, способны вызвать неоднозначные ассоциации и весьма странно соотносятся с заявленным видом деятельности. Так, «*Нежданчик*» оказался салоном игровых автоматов, а не подгузником (от устоявшегося словосочетания *детская неожиданность*), а «*Посылашка*» – это не постоянно ругающийся человек, а вид услуги (смс-мелодии).

Рассмотрим окказиональную разновидность морфолого-синтаксического способа словообразования, когда полученное слово не имеет производящей основы в русском языке. Например, слоган в рекламе сухариков «*Включи похрустисто!*» У окказионального наречия *похрустисто* должна быть адъективная производящая основа *похрустистый*, а такая основа отсутствует. Тем не менее рекламу нельзя назвать неудачной, т. к. она образно передаёт краткую программу применения этих сухариков: «Когда смотришь телевизор, возьми сухарик и похрусти им!» Возможна и другая интерпретация слогана в рекламе сухариков «*Включи похрустисто!*» как имитация слогана-команды, подобно слогану «*Текилы*» – «*Выпей, лизни, откуси!*» Тогда толкование команды в слогане рекламы сухариков будет выглядеть следующим образом: «Включи (телевизор),

похрусти (сухариком) на (все) сто (процентов)!» Возможно, в этой рекламе были сознательно заложены дивергентные смыслы, которые, впрочем, не находятся в отношениях противоречия, а гармонично дополняют друг друга, продвигая бренд «Хрустики».

В современном окказиональном словообразовании уже начинают использовать иноязычные словообразовательные элементы, которые ещё не стали частью словообразовательной системы русского языка. Так, например, латинский суффикс *-ин-*, в силу того что он легко опознаётся русскоговорящими, был включён по аналогии с названиями многочисленных лекарств в новые бренды почти что на правах словообразовательной модели.

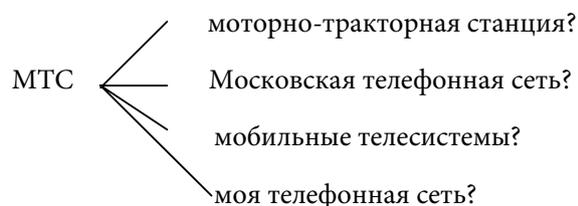
Так, сегодня «*Антипохмелин*», «*Антиангин*», «*Антигриппин*», «*Похудин*», «*Нестарин*» и т. п. однозначно воспринимаются целевой аудиторией как лекарственные препараты по аналогии с привычными нам названиями *аспирин*, *пенталгин*, *левомецетин*, *стрептомицин* и т. п.

Ещё раз обратим внимание на то, что латинский суффикс *-ин-* отсутствует в словообразовательной системе русского языка, но уже имеет тенденцию к выделению в самостоятельный словообразовательный элемент в постпозиции бренда, который указывает на лекарственный препарат. Эта тенденция началась ещё в советскую эпоху. Вспомним чудесное средство «*Озверин*», который принял герой популярного мультфильма «Кот Леопольд».

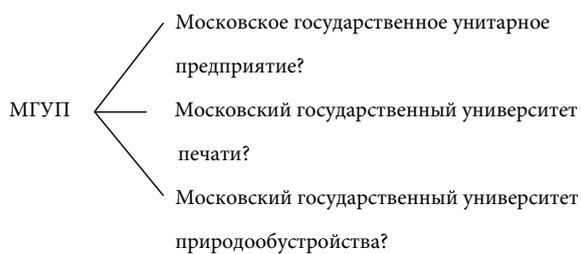
В сегодняшней рекламе активно используются возможности лексико-семантического способа словообразования. Так, наименования отдельных видов продукции образуются в качестве омонимов к известным брендам.

Ярким примером тому служит бренд «*Xerox*», и теперь *ксероксами* называют любую множительную копировальную технику независимо от бренда. Образуются словосочетания *ксерокс фирмы «HP»*, *ксерокс «Canon»* и т. п. Таким же образом дали родовые названия бренды «*Pampers*» – *любые подгузники* и «*Jeep*» – *любые внедорожники*.

Наиболее активные процессы сегодня наблюдаются внутри такого способа словообразования, как аббревиация. В первую очередь здесь следует отметить развитие многозначности аббревиатур, что было недопустимо в эпоху жёсткой советской цензуры.

(3 последних примера взяты из рекламы МТС, и теперь мы уже точно никогда не узнаем, что же означает эта аббревиатура).

Такие многозначные аббревиатуры неудобны тем, что реализацию конкретного значения они получают только в условиях достаточных контекстов, то есть в них нарушается принцип однозначности аббревиатур.

Если же вводится новая аббревиатура, то она требует разъяснений в основном тексте рекламы. Так, аббревиатура пива «ПИТ» – «Пивоварни Ивана Таранова» – подкреплялась целой серией рекламных роликов, в которых в качестве коммуникатора выступал мультипликационный персонаж Иван Таранов, попадающий в различные истории. Эта рекламная кампания развлекала людей за счёт анекдотических сюжетов, но целевая аудитория пива «ПИТ» возрастала очень медленно, т. к. продукт не был чётко позиционирован. Что, в частности, для целевой аудитории значит слоган «Пей пиво «ПИТ» и знай своё дело»? Какой резон в этом слогане побуждает людей переключаться на бренд «ПИТ»? Да и все персонажи рекламных ро-

ликов «ПИТ» занимаются чем угодно, только не потреблением пива «ПИТ».

Сеть магазинов «Холдинг Центр» со вполне понятной аббревиатурой «ХЦ» вдруг в рекламных роликах стали расшифровывать как «Хочешь целоваться». Такой рекламный трюк нам представляется совершенно неуместным, поскольку люди не могут понять, за чем ехать в «Холдинг центр»: покупать или целоваться?

Появляется окказиональное словообразование при нейминге, когда имя бренда имитирует топоним, в то же время указывая своей основой на вид продукции или на её полезные свойства.

Так, бренд молочных продуктов «Вкуснотеево» ассоциируется с названием населённого пункта по хорошо узнаваемой модели (Новогиреево, Братеево, Конобеево, Торбеево и т. п.). Косвенная связь продуктов с селом как символом натуральных и вкусных молочных продуктов представляется достаточно эффективной, способной влиять на процесс принятия решения о пробной покупке. К этой же группе можно отнести и торговую марку молочных продуктов «Простоквашино» в качестве плагиата из названия популярного мультфильма «Каникулы в Простоквашино». Единственная опасность в том, что близкие по смыслу и относящиеся к одному и тому же типу товаров бренды «Вкуснотеево», «Домик в деревне» и «Простоквашино» могут сливаться в сознании потребителя в единое понятие «деревенские натуральные продукты», поэтому для более успешного позиционирования бренда в таких случаях рекомендуется включать запоминающихся коммуникаторов.

Сегодня в отечественной рекламе используют в качестве информирующих брендов и топонимы, имитирующие названия мифических государств, например, «Гурмания» (супы в пакетиках), «Мармеландия», «Курляндия» (замороженные бройлеры), которые своими названиями указывают на вид предлагаемой продукции. Впрочем, Курляндия – это территория, которая входила в со-

став Российской империи, но кто думает об исторической правде, когда нужно торговать курами?

Подобно топонимам, при окказиональном словообразовании в рекламе имя бренда нередко имитируют антропонимы, указывая на традиции русских купцов и промышленников. Так, бренды водки «Smirnoff» и сигарет «Davidoff» породили целую серию отечественных названий фирм, подделывающихся под обратный перевод русских фамилий с французского языка (-ов -офф). Пиво «Тинькофф», пивные рестораны «Колбасофф». Без расширенных типов контекстов сложно понять такие бренды, как «Медофф» и «Орехофф» – то ли торговля мёдом и орехами, то ли предлагаемые продукты не содержат мёда и орехов. И уже совсем странно видеть бренд «Стогофф». Включайте фантазию и попытайтесь догадаться: какой товар или услугу предлагает эта фирма?

Встречается окказиональное использование возможностей лексико-семантического способа словообразования при создании брендов с эффектом «говорящих фамилий». Опираясь на то, что так называемое понятие «говорящая фамилия» хорошо известно из школьной программы по литературе (унтер Пришибеев, Манилов, Коробочка и т. п.), в ряде случаев этот приём стали использовать при нейминге продуктов. Так, могут апеллировать к свойствам рекламируемых товаров такие бренды замороженных полуфабрикатов, как «Морозов» и «Морозко» с удивительным слоганом «В долгие, зимние ночи Вас согреют блинчики «Морозко!»». Очевидно, что в памяти потребительской аудитории эти два бренда по одной и той же товарной категории сольются воедино – ведь людям некогда вникать в суть: кто там «Морозко», а кто «Морозов». Таким же образом используется окказиональное словообразование, имитирующее детский тип речи. Обычно оно встречается при выведении на рынок съедобных продуктов для детей. Например, готовые завтраки для детей называли «Хрустики» и «Мечталки», выводили и бренды со

зловещими названиями типа «Скелетоны» (skeleton – скелет). К брендам детского типа, конечно, следует отнести и «Растишку».

Рассмотрим случай окказиональной аббревиации словосочетаний. Характерным примером может служить имя марки «Фругурт». Новое слово было получено в результате сокращения конца слова *фруктовый* и начала слова *йогурт*. Такие двойные телескопические сокращения в пределах одного бренда должны обязательно поясняться в основном тексте рекламы, чтобы у потребителей не оставалось возможностей для ложных ассоциаций при расшифровке имени марки. Впрочем, в рекламном ролике действительно последовательно объясняется, что «Фругурт» – это фруктовый йогурт. Гораздо проблемнее выглядит бренд витаминного комплекса «Витатресс» (от *витамины* против стресса), в названии которого нечётко прослеживается понятие «стресс». Авторы этого бренда почему-то решили «отщипнуть» первую букву от слова и тем самым нарушили системность ассоциаций со словом **стресс**, а в результате практически потеряли свою нишу для позиционирования витаминного комплекса.

В отдельных позициях переведённые части иноязычных слов начинают выполнять в русском языке функции словообразовательных формантов. Это может быть только в тех случаях, когда иноязычный элемент однозначно декодируется большинством русскоязычной целевой аудитории.

Синякофф – средство для сведения синяков.

Комарофф – репеллент для уничтожения комаров.

Все уже привыкли, что английское OFF обозначает отсутствие чего-либо. Тем чуднее звучит название кафе в центре Москвы *Пельменофф* или сеть пивных ресторанов *Колбасофф*.

Любопытную разновидность лексико-семантического словообразования можно отметить, когда происходит легко угадываемая подтекстная замена иноязычного бренда на исконно русское слово с положительной

оценкой. Например, «*Все будет Coca-Cola. Наслаждайся!*» Очевидно, что предусматривается контекстуальная замена *Coca-Cola* на безлично-предикативное слово *хорошо*. Порождение импликатур такого типа позволяет прочно закрепить в подсознании целевой аудитории связку *Coca-Cola – это хорошо*.

Подобный эффект можно наблюдать в рекламе пива «*Holsten*». «*Настроение Хольстен*» подталкивает целевую аудиторию создать импликатуру «*Настроение – отличное!*» и, соответственно, создать нужную рекламодателям ассоциацию *Holsten – отличное пиво*.

Особо следует отметить заимствованное из англоязычной практики окказиональное словообразование, построенное на столкновении названий цифр с их паронимами. Так *4You* (*four you*) может обозначать созвучное *for you* – для вас.

В мультфильме «*Алёша Попович и Змей Тугарин*» был обыгран этот буквенно-цифровой эффект – там на слитках с золотом стояло клеймо *2Garin*, что произносится как *twoGarin*, созвучное имени *Тугарин*.

В рамках нашего исследования выяснено, что паронимы могут создаваться не только на базе созвучных иноязычных слов, но и при замене русскоязычных частей слов, например «*Элитарии всех стран. Развлекайтесь!*» Казино «*Капитализм*», имеет, очевидно, сходство с марксистским «*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*»

«*Фрутека*». «*Фрутастический вкус!*» (видимо, пароним, к слову *фантастический*).

«*Жизнь стала тошибись!*» – о музыкальной аппаратуре «*Toshiba*». Так могут сказать только несерьёзные люди, с которыми лучше не иметь дел – слишком уж сильны ассоциации с жаргонным *жизнь – зашибись* = хорошая жизнь.

В русскоязычной рекламе сегодня встречается окказиональное использование возможностей обратного словообразования. Например, фирма, торгующая летней женской обувью «*Босонога*», название которой, видимо, образовано от *босоножки*, так же, как и *сыроега* от *сыроежки*. В рекламном аспекте

название «*Босонога*» получилось каким-то несуразным, способным лишь отпугнуть женщин, предпочитающих изящную летнюю обувь.

И, наконец, в отечественной рекламе нас не перестаёт удивлять окказиональное суффиксальное словообразование.

Наиапельсиннейший вкус (соки). Очевидно, что в норме русского языка основа относительного прилагательного *апельсиновый* не может сочетаться с суффиксами сравнительной и превосходной степени, но как же хочется создателям этой рекламы, чтобы люди обратили внимание на этот словообразовательный выверт!

«*Дайс*». *Звездатое мороженое* (вместо *звездное*). Суфф. *-ат-/-аст-* в норме русского литературного языка может сочетаться только с основами имён существительных, обозначающих части тела (*ушастый, носатый, бородатый, усатый* и т. п.), поэтому введение окказионального словообразовательного элемента вместо нормированного должно было бы соответствовать какой-то специфической рекламной задаче, а этого как раз мы в данном случае и не замечаем.

«*Не будь круглышом!*» (объявление в газете фирмы, предоставляющей услуги для желающих похудеть). Потенциально в русском языке могло быть образовано слово *круглыш* (*круглый – круглыш* по аналогии с *глупый – глупыш*), но узус носителей русского языка препятствует этому и скорее указывает на ассоциацию с небольшим камнем круглой формы (*голыш – круглыш*). Ну зачем же нарочито называть своих потенциальных клиентов круглышами – ведь они могут и обидеться!

В результате проведённого исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Попытки включения названий иноязычных брендов в систему русского языка служат импульсом к появлению множества окказиональных словообразовательных типов.

2. В большинстве случаев окказиональное словообразование в рекламе не составляет значительного труда для расшифровки его

элементов, поскольку русскоязычная целевая аудитория подсознательно применяет закон аналогии в языке и опирается на нереализованные потенциальные возможности русского словообразования.

3. Далеко не во всех случаях попытки казаться оригинальными в рекламе с помощью окказионального словообразования могут оказаться успешными. К последним следует отнести, видимо, только те случаи, когда создаются позитивные по отношению к брэнду ассоциации, эффект необычности способствует лучшему запоминанию и чётко выделяется преимущество данного продукта в ряду конкурентных одной и той же товарной категории. Просто обратить на себя внимание – слишком мало для рекламы! Нужно, чтобы большинство целевой аудитории решилось на покупку. Тем не менее, отмечены тенденции, когда внешне алогичные, не сочетающиеся по смыслу основы способны порождать при окказиональном словообразовании нужные ассоциативные связи, влияющие на поведение представителей фокус-группы.

4. Прежде чем включать латинские и англоязычные словообразовательные элементы в корпус исконно русских слов, желательно убедиться в том, что они будут адекватно и однозначно поняты подавляющим большинством вашей целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердышев С.Н. Рекламный текст. – М., 2008. – 218 с.
2. Головлева Е.Л. Торговая марка: Теория и практика управления. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 132 с.
3. Медведева Е. Основы рекламоведения. – М.: РИП-Холдинг, 2003. – 147 с.
4. Мокшанцев Р.И. Психология рекламы. – М.: ИНФРА – М, 2001. – 238 с.
5. Назайкин А.Н. Эффективная реклама в прессе. – М.: Издательский дом «Догвань», 2001. – 186 с.
6. Овчинникова Н.Н. Психология рекламы и PR. – М., 2007. – 123 с.
7. Теория и практика рекламы/Под ред. В.В.Тулупова. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006. – 171 с.
8. Фещенко Л.Г. Структура рекламного текста. – СПб.: Петербургский институт печати, 2003. – 118 с.

УДК 81'42

Фадеева Т.М.

Московский государственный областной университет

ВКУСОВЫЕ СЛОЖНЫЕ ЭПИТЕТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

T. Fadeeva

Moscow State Regional University

TASTE COMPLEX EPITHETS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Аннотация. В статье описывается корпус вкусовых сложных эпитетов русского литературного языка. Автор анализирует существующие в языке способы номинаций вкусовых ощущений композитными единицами. На основе материалов словарей и языка художественной литературы делается вывод о двух вариантах вкусономинации. Структурно-семантический анализ позволяет выявить основные способы создания исследуемых композит, а изучение специфики функционирования композит в художественных текстах – механизмы вторичной номинации.

Ключевые слова: сложный эпитет, композитная единица, вкус, язык художественного произведения, перцепция.

Abstract. The article describes the case of taste complex epithets of the Russian literary language. The author analyses the existing language nomination methods of taste sensations with help of composite units. Basing on the material of the dictionaries and the literary language, the author comes to conclusion that there are two versions taste nomination. Structural and semantic analysis allows to identify the main ways to create the studied composite units, and study of the specifics of functioning of the composite units in fiction allows to determine mechanisms of secondary nomination.

Key words: complex epithet, composite unit, taste, language of fiction, the perception.

Лексико-семантическое поле 'вкус' представлено в русском языке значительным корпусом лексических единиц, становившихся объектами пристального внимания лингвистов. Сфера наших интересов сфокусирована на вкусовых сложных эпитетах (далее СЭ), т. е. определениях, основная роль которых заключается в обозначении признаков, воспринимающихся органами вкуса: *Этот Сущев выпекал удивительно вкусный **кисло-сладкий** чёрный хлеб в высоких конусообразных формах и славился этим на весь город; стоил такой хлеб на полкопейки дороже, чем в государственном магазине* (В. Розов. Удивление перед жизнью).

Вкусономинирующие композитные единицы в русском литературном языке не получают такого широкого распространения, как колористические или одорические. Сама лексема *вкус* демонстрирует довольно немногочисленный круг определяющих её композит:

ВКУС. *Ощущение на языке от пищи.* *Виноградно-серный* (И.А. Бунин), *гнилостно-кислый* (О.О. Павлов), *нежно-дынный* (П.И. Огородников), *орехово-горчичный* (И. Сокольский), *сладко-острый* (В. Дадыкин), *сладко-чернильный* (В.В. Набоков) и некоторые другие.

Отмечаемая физиологами и психологами закономерность, по которой зрение и слух являются источником 99% всей информации, получаемой об окружающей действительности, подтверждается и лингвистическим анализом текстов в антропоцентрическом плане. Даже те объекты, которые представляют для человека пищевой интерес, наделяются чаще всего характеристикой именно по внешнему виду и запаху и значительно реже – по их вкусовым параметрам, например:

© Фадеева Т.М., 2013.

ЯБЛОКО. *О цвете.* Бело-зелёное (Л.Е. Улицкая), краснобокое (В.В. Быков, Ф.А. Искандер, П.Л. Проскурин), прозрачно-перламутровое (И. Северянин), ярко-румяное (Д.И. Рубина).

О вкусе. Нестерпимо-кислое (А. Серафимович).

Вербализация вкусовых ощущений представляет сложный механизм формирования СЭ. Подбор лингвистических коррелятов, позволяющих словами передать специфику разных значений вкуса, становится явлением в определённой степени субъективным и творческим. Наше исследование подтверждает мысль о том, что потенции дальнейшего развития лексического материала данной группы не позволяют считать данный корпус окончательно изученным.

Вкусономинация, реализующаяся в виде композитных единиц признакового характера, представлена в русском литературном языке ограниченно. Лексика рассматриваемого семантического поля сравнительно бедна и репрезентируется описательными оборотами, в которых функционируют номинации естественных реалий (например, вкус груши, вкус дыни и т. п.). С точки зрения структурно-семантического плана, все вкусовые сложные эпитеты можно разделить на две группы:

1) композиты, компоненты которых не соотносятся со вкусообладающими объектами: *волна избыточно-сладкая* (Д. Рубина);

2) композиты, компоненты которых соотносятся со вкусообладающими объектами: *вкус виноградно-серный* (И.А. Бунин).

Привязка к конкретным предметам, вкус которых общеизвестен или, наоборот, экзотичен, активно используется в авторских композитах признакового плана: *Воспоминание пропитано было солнцем и сладко-чернильным вкусом тех лакричных палочек, которые она дробила ударами перочинного ножа и убеждала держать под языком* (В.В. Набоков. Защита Лужина).

В семантической структуре композиты, репрезентирующей вкусовые признаки,

можно выделить когнитивную составляющую и аксиологическую компоненту, то есть продукт оценочной категоризации. Из всего многообразия вкусовых ощущений традиционно выделяют четыре основные группы: *сладкий, солёный, кислый, горький*. Безусловно, вкусовой спектр значительно шире, к явно доминирующему качеству присоединяется дополнительное, а само определяемое ощущение репрезентирует индивидуально-авторскую перцептивную трактовку предмета. Считаем, что лингвистической причиной развития широкой палитры вкусономинирующих композит является то, что они позволяют конкретизировать вкусовые признаки.

В анализируемой нами тематической подгруппе следует отметить численное доминирование СЭ, характеризующих вкусовые ощущения, представляющих группы вкусов сладкий и кислый. Композитные единицы данной семантики в общеязыковом корпусе немногочисленны (например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отмечаются лишь композиты *кисло-творный, кисло-сладкий* [1, т. II, с. 114], а сложные единицы с элементом *сладко-*, фиксирующиеся в данном лексикографическом источнике, демонстрируют развитие вторичной номинации; в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова отмечаются: *кисло-сладкий, кисло-щейный, ино-кислый, слабокислый, солёно-кислый; сладкоплодный, сладкогодный, горьковато-сладкий, горько-сладкий, кисло-сладкий, солёно-сладкий*), однако сложные эпитеты с компонентами сладкий и кислый активно создаются в рамках художественного пространства той или иной языковой личности: *печенье приторно-сладкое* (И.А. Бунин), *малина сладкая-лесовая* (И.С. Шмелёв), *волна избыточно-сладкая* (Д.И. Рубина), *яблоко нестерпимо-кислое* (А. Серафимович) и другие.

По данным нашей нацеленной выборки, шире, чем анализируемые выше композиты с компонентами сладкий и кислый, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля представлены сложения с вкусо-

вой доминантой *солёный*: *малосолёный огурец* [1, т. II, с. 298], *свежепросольные огурцы* [1, т. IV, с. 147], *солёновялая* или *солёнопровеслая рыба*, *солекокислый огурец*, *солонквасный аржаничек* [1, т. IV, с. 269]; в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова – *солёно-маринованный*, *солёно-сладкий*, *горько-солёный*, *малосолёный*, *слабосолёный*, *среднесолёный*, *сыросолёный*). В корпусе индивидуально-авторских образований подобные сложения отмечаются значительно реже, в основном в художественном пространстве реализацию получают общезыковые бытовизмы (*малосольная сёмга* (В.С. Токарева), *свежепросоленный* (М.Е. Салтыков-Щедрин), *свежепросольная капуста* (Д.Н. Мамин-Сибиряк), *свежепросольный сиг* (Ю.П. Казаков) и другие, тем более запоминающимся становятся субъективно-оценочные сложные эпитеты типа *икра промозгло-солёная* (П.Д. Боборыкин), *волна солёно-жгучая* (И.А. Бунин), *лужа стеклянисто-солёная* (В.В. Набоков), *огурчик поддельно-малосольный* (Т.Н. Толстая), *волна сладко-солёная* (В.Я. Брюсов) и другие.

Наиболее ярким и химички, и физиологи считают *горький* вкус. Сема 'горький' присутствует в таких общезыковых единицах, фиксируемых, например, «Толковым словарём живого великорусского языка» В.И. Даля: *горькогорючий*, *горько-кислый*, *горько-миндальный*, *горько-пресный*, *горько-прокислый*, *горько-пряный*, *горько-сладкий* [1, т. 1, с. 440]; в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [3] – *горьковато-сладкий*, *горько-миндальный*, *горько-сладкий*, *горько-солёный*. Все указанные сложения определяют вкус *горький* не как основной, а лишь как дополнительный, оттеночный. Этот признак чаще является доминирующим в индивидуально-авторских образованиях вкусохарактеризующего плана, например: *жгуче-горькая вода* (И.А. Бунин), *волна солонатово-горькая* (В.П. Катаев). Внимание к семантическим нюансам нередко становится основополагающим фактором в создании окказионального СЭ вкусономинирующего характера. Так, в окказиональном

СЭ *приторно-горький отвар* (С. Жданова) семантика предопорного компонента *приторный*, традиционно определяющая излишний характер противоположного вкусового качества – *сладкий*, реализует не только авторскую индивидуальность в создаваемом образе, но и подчёркивает существенно иное значение вкусового качества, нежели традиционная композита *горько-сладкий*. Для другой языковой личности оттенок вкуса может быть иным: *На патронных ящиках лежал Пахомыч, слюну горько-приторную сплевывал* (М.А. Шолохов. Коловерть).

Безусловно, лексический корпус вкусономинирующих единиц не исчерпывается лексемами только указанных четырёх групп. К вкусоопределяющим единицам будут относиться также *пресный*, *вяжущий*, *терпкий*, *безвкусный* и многие другие. В корпусе СЭ композиты с компонентами подобной семантики представлены небольшим численным составом и, как правило, не в художественных, а в специальных публицистических или научных текстах: *В европейских и средиземноморских странах очень популярно сочетание острой руколы со сладковато-пресным салатом-латуком* (И. Сокольский. Родственники горчицы).

В узусе, о чём свидетельствуют анализ фиксации слов в словарях, и в рамках художественных текстов различных авторов отмечаются композитные единицы, реализующие смешенную семантику двух вкусовых качеств, отражающих синкретизм рассматриваемой перцептивной номинации. Чаще других отмечаются сочетания *кислого* и *сладкого*: *кисло-сладкая капуста* (Н.С. Лесков), *кисло-сладкая сердцевина* (И.А. Гончаров), *кисло-сладкая подлива* (Б. Васильев), *мясо кисло-сладкое* (Л.Е. Улицкая) и многие другие. Причём единицы *кислый* и *сладкий* могут реализовывать и уточняющий оттенок иного основного вкуса: *Но, как убеждены жители Данилова, местный красный лук – лидер среди всех луков не только по гармоничному сладко-острому вкусу, но и по своим целебным свойствам* (В. Дадыкин. Ай да «репка»!).

Чуть менее продуктивны композиты, совмещающие компоненты *горький* и *солёный*: *Как бы противовесом ей служил отвратительный горько-солёный боржом в таких же бутылках, покупавшийся для мальчика во время болезней* (Б. Кенжеев. Из Книги счастья).

На степень проявления вкусового ощущения в структуре композитной единицы указывает, как правило, один из компонентов, репрезентирующий градуальный признак. В качестве интенсификатора вкусовой насыщенности обычно выступают первые элементы *жгуче-*, *приторно-* или подобные. В подавляющем большинстве это основа качественных прилагательных, выполняющая функцию усиления вкусового ощущения: *А в августе уже не лебеду, не ягоды на картофеле чёрные, приторно-сладкий паслён, он же бздника, и не жёсткие, как верёвки, стебли щавеля, а горох да капустку тайно сгрызешь, а то и брюкву или свеколку – и вот оно, сытое блаженство* (А.И. Приставкин. Вагончик мой дальний).

Нами была отмечена низкая частотность композит, в которых интенсификатор меняется местами с непосредственно вкусономинирующим компонентом: *горько-приторная слюна* (М.А. Шолохов).

Градуальная характеристика вкусового признака может быть реализована и в одном из компонентов основы, включающей суффикс *-оват-/еват-*, со значением «обладающий в смягченной, уменьшенной степени качеством, названным мотивирующим словом» [2, с. 298]. Подобные структурно-семантические образования позволяют автору максимально конкретизировать и вместе с тем субъективировать вкусовую характеристику представляемого объекта: *Было так приятно надкусывать чурчелину, потом надкушенную часть, придерживая зубами, провести по нитке до самого рта, после чего выдернуть нитку изо рта и чувствовать, как сочные дольки ореха пережевываются с кисловато-сладкой кожурой виноградного сока* (Ф.А. Искандер. Чик читит обычай).

Предопорный компонент может реализовывать и аксиологическую компоненту вкусового признака, указывая на его соотношение с эталонным вариантом, например: *Дома мы уж как-нибудь перебиваемся с водки на картошку, знаем толк в копченой и малосольной рыбке, понимаем тонкости квашения, фыркаем на поддельно-малосольные огурчики, предлагаемые трудолюбивыми кавказскими народами...* (Т.Н. Толстая. Как мы были французами).

Вербально передаваемые СЭ вкусовые ощущения, особенно по их соотносённости с пищевым продуктом, значительно шире четырёх основных рассмотренных выше групп. И СЭ особенно ярко демонстрируют это многообразие: *пирожное шоколадно-масляное* (Л.Е. Улицкая), *орехово-горчичный вкус* (И. Сокольский). Однако каждая подобная композита по своему доминирующему вкусовому ощущению будет соотноситься с одним из четырёх основных классов: сладкий, кислый, солёный, горький.

Нами установлено, что СЭ анализируемой группы могут не только определять субъективно воспринимаемое перцептивное качество объекта реальности, но и представлять характеристику синтетического плана, соединяющую вкусономинию с характером воздействия пищевого продукта на организм. В подобных композитах оценочная составляющая предстает уже не имплицитно, а эксплицитно: *Кашляя и сияя от табаку, немея лицом от горько-хмельного русского вина, они требовали иногда открытого преклонения, иногда тайной любви* (Б.Т. Евсеев. Евстигней).

Внимание к вкусовым ощущениям, стремление активизировать все перцептивные возможности читателя характеризуют, например, художественный стиль И.А. Бунина. Писатель прекрасно понимал, насколько усиливается экспрессия образа, если он получает не только визуальную характеристику, но и подтверждение своей истинности запаховой или вкусовой семантики, поэтому и создавал СЭ синкретического характера; вы-

делять их в отдельную группу не стоит, т. к. в зависимости от контекста может происходить диффузность границ языковой картины мира, поэтому их как периферийное явление следует относить к основным тематическим группам, в зависимости от актуализации сем 'запах' или 'вкус'.

Ассоциативный потенциал лексических единиц вкусообозначения становится отправной точкой для развития вторичной номинации. В рамках эпитетного комплекса с объектом эпитетации, номинирующим предмет, лишённый какого бы то ни было вкуса, или некое отвлечённое понятие, рассматриваемые композиты демонстрируют трансформацию первичного значения в оценочное: *Конногвардейцы и кавалергарды постоянно соперничали во всем и должны были соблюдать большую осторожность, чтобы чем-нибудь не обострить кисло-сладких отношений, установившихся между их полками* (А.Н. Апухтин. Неоконченная повесть).

Переносное значение активно развивается у композит, в состав которых входят компоненты *сладкий* и *горький*, что фиксируется в словарях. Например, в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля находим: *сладкоглаголивый проповедник, сладкогласный соловей, сладкозвучный певец, сладкопеснивый певец, слакоречивый вития, сладкострунные гусли* [1, т. IV, с. 220]; *горько-головый, горькогорючие слёзы, горькопьяный* [1, т. I, с. 440].

Активнейшим образом вкусовые сложные эпитеты демонстрируют развитие вторичной номинации, особенно в сочетании с отвлечённым объектом эпитетации. Подобные соединения образуют развёрнутый метафорический художественный образ:

*А я люблю его неистовый досуг –
Язык бессмысленный, язык солёно-сладкий*

И звуков стакнутых прелестные двойчатки...

Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг

(О.Э. Манделштам. Ариост).

В целом в области развития переносных значений у СЭ данной группы отмечается следующая тенденция:

1) перцепция вкуса → перцепция запаха: *сладковато-приторный воздух* (А. Серафимович);

2) перцепция вкуса → перцепция звука: *песня вкрадчиво-сладкая* (С.Я. Надсон);

3) перцепция вкуса → перцепция общей оценки предмета: *притворно-сладкий сон* (Я.П. Полонский).

4) перцепция вкуса → качество чувства или характера: *боль томительно-сладкая* (Ф.М. Достоевский).

Анализ корпуса лексических единиц рассматриваемой группы свидетельствует, что активизация их употребления отмечается с середины XIX века, авторские же образования появляются только в начале XX в., что в сравнении со СЭ, рассмотренными выше, например, колоративными, позволяет говорить о ещё слабом развитии композит признакового характера семантического поля «вкус».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-т. – М.: Русс.яз, 2005.
2. Русская грамматика: научные труды / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М., 2005. – Т. 1. – 784 с.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. – М.: Изд-во Астрель, 2003. – 860 с.

УДК 81'373

Щемелинина И.Н.

Московский государственный областной университет

**СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ИНОЙ
В СОЧИНЕНИИ ГРИГОРИЯ КОТОШИХИНА
«О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»**

I. Shchemelinina

Moscow State Regional University

**THE SEMANTICS OF A LEXICAL UNIT ИНОЙ IN GREGORY
KOTOSHIKHIN'S BOOK "ON RUSSIA DURING THE REIGN
OF ALEKSEY MIKHAILOVICH"**

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию эпидигматики и парадигматики, а также функционирования в деловом языке XVII века лексической единицы *иной*. Представлено описание функциональных возможностей различных лексико-семантических вариантов лексемы *иной*, характеристика её форм, фонетических, орфографических вариантов в сравнении с сохраняющимися в современном русском языке. Рассматривается семантическое поле лексемы *иной* в сочинении Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

Ключевые слова: Г. К. Котошихин, деловой язык XVII века, авторство, ключевое слово, *иной*, семантика.

Abstract. This article is devoted to the research of epidigmatics, paradigmatics and the functioning of lexical unit *иной* in the business language of the 17th century. The author described the functional possibilities of the different lexical and semantic variants of the token, the characteristics of its forms, phonetic, orthographic variants in comparison with existing ones in the modern Russian language. We analyze the semantic field of lexical unit *иной* in G. Kotoshikhin's book «On Russia during the reign of Aleksey Mikhailovich».

Key words: G. Kotoshikhin, the business language of the 17th century, the authorship, key word, *иной*, semantics.

В силу известных исторических причин в России XVI–XVII вв. **повысилась важность приказного делопроизводства**, произошло расширение функций языка деловой письменности, которое сопровождалось появлением жанрового и функционального разнообразия текстов, что повлияло на формирование русского национального языка в целом и обусловило развитие особенностей русского литературного языка – в частности. В текстах данного периода просматривается взаимодействие письменных и разговорных элементов русского языка, отражается становление норм литературного языка, поскольку в это время московский язык достигает большого развития и имеет все данные для того, чтобы вступить в борьбу за литературные права с языком славяно-русским [2, с. 29].

В языке сложного по жанровой структуре труда Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» выделяются «точки», свидетельствующие о влиянии индивидуального начала на деловой текст, что позволяет исследовать процессы, происходившие в деловой письменности XVII в. и оказавшие огромное влияние на становление русского литературного языка. Таковыми являются основные единицы репрезентации того или иного

фрагмента языковой картины мира. Их можно определить как «...значимый компонент текста, реализующий основные мысли автора, стиль произведения, раскрывающий систему расстановки особенностей связанного функционирования языковых средств» [4, с. 108]. Данные единицы принадлежат к константам произведения и идиостиля автора, если последний рассматривать как сформированное отношение к отбору средств презентации того или иного содержания в соответствии с жанром, типом речи, стилем, конкретными задачами и т. д. [ср. 5, с. 36 – 42]. Это характерно для произведений, имеющих автора, в которых становится актуальным авторство как текстовая категория. Сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича» требует рассмотрения и в данном аспекте, поскольку Г.К. Котошихин выступил в нём не только как строгий транслятор информации, но и как рассуждающая, оценивающая языковая личность.

Показательно в этом плане использование лексем *иной*.

Лексема *иной* имела и сохраняет значение «другой, не тот, некоторый, некий, какой-то»; см. диалектное *инный*; севск. *инший* (образовано суф. сравнит. степ.) [7, с. 134]. По мнению учёных, *инакий* пришло из цсл. иноземець, ино-сказание (аллегория, ино-странный, ино-странець, ино-славный); др.-рус. с XI в. *инъ*, *иный* в значении: 1) редко «один»; 2) обычно «другой»; 3) «некоторый»; старшее значение «один» сохраняется в др.-рус. *инърогъ* (инорогъ) – «единорог», *инокъ* – «монах, отшельник», *инъгда* – старшее знач. «однажды»; ст.-слав. *инъ* употреблялось в значении «иной, некоторый, один», *инии* «постоянно»; с XIV в. стало употребляться в значении «тот, он» [7, с. 134]. По данным исторических словарей, с XIV в. *иной* начинает употребляться с последним значением ('тот, он') и в других языках, сохраняя старшее значение 'один'; ср: укр. – *інчий*, *інший*; сербох. – *ин*; чеш. – *jinu*; д.-польск. – *inu*, *inpu*; в.-лужиц. стар. язык – *jinu*; в.-лужиц. – *hinasi*, *hinasi*; н.-лужиц. стар. язык – *hynu*; н.-лужиц. – *hynaksy*; пол. – *inpu*

(устар. *inszy*); лит. – *vienas* «один»; латыш. – *viens* «один»; др.-прусс. – *ains* «один, единственный»; готский язык – *ains*; др.-немец. – *ein* «один»; латин. – *unus* (архаич. *oinos*); греч. – *oivos* «одно очко на игральной кости»; др.-ирл. – *oin* «один», др.-инд. *epa* «его, ее» [8, с. 348]. Семантика слова в процессе развития русского языка расширяется, всё более развивая обобщённый характер, в его смысловой структуре появляются новые значения.

Слово *иной* в сочинении Котошихина зарегистрировано в 360 употреблениях, оно обладает высокой частотностью, таким образом, на этом основании может быть причислено к константам, причём используется автором в разнообразии лексико-семантических вариантов (ЛСВ), которые мы можем представить.

1. В значении 'некоторый' [9 употреблений]: *со всяких чинов людей, кроме **иных** бояр и думных людей; за **иным** боярином по 30 ... человек; бывают у царя **иных** государств послы и посланники и гонцы; против **иных** городов прибылей; кроме разбойных же и **иных** воровских дел; и они обедают с-**иными** боярнями вместе.*

Этот ЛСВ наиболее ярко отражает абстрактный, обобщающий характер употребления лексем *иной* как единицы делового языка Московского государства. Он и ряд других (см. ниже: 2 – 5) реализуются в сочинении Г. Котошихина при подавляющем преимуществе употребления словоформ множественного числа, что указывает на протекание в деловом языке процесса «размывания» конкретизирующей семантики, присутствовавшей в ЛСВ 'один', и это отражает текст автора как языковой личности, которая формируется в определённую эпоху и планирует создать сочинение делового, согласно прагматике текста, содержания.

2. В значении 'другой' [131] слово *иной* отражает те же особенности использования: *делают столы на воинских и на **иных** людей; и тех людей, у кого есть отцы и матери, или **иные** сродичи и жена и дети; и за таких беглых людей емлют **иных** людей; **иных** послов и*

посланников и гонцов не будет никого; мало **иные** люди бывают.

2.1. В значении 'другой' выделяется оттеночное 'иностранный' 'чужеземный', которое раскрывается в синтагматических связях со словом *государство, государь*: *а хотя на востоке и на западе **иные** государства и земли есть многие, однако они ему не подданны; а хотя торговые люди ездят для торговли в-**ыные** государства.*

2.2. Актуализированная сема 'неопределённости' позволяет указать как обособлявшееся также созначение 'какой другой (какой-либо, какой-нибудь)' [3, с. 108]: *или для какого **ино**го воровского умышления по чьему научению; или **каких иных** людей, и по его скаске; и кто дослужится, за **иным** боярином есть блиско 17,000 крестьян.*

3. В отличие от вышеуказанных, в значении 'различные, разные' лексема *иной* представляет реалии, товары, продукты питания (ества, напитки, товары, диковинки), составлявшие своеобразие быта [5], то есть выступает в синтагматических связях с лексическими единицами, которые репрезентируют бытовой, а потому более конкретный, простой для осмысления и запечатления фрагмент русской картины мира описываемого периода. Г. Котошихин выступает как создатель картин хотя и регламентируемой, но конкретной жизни: *а с-**ыными** ествами блюда держат столники на руках; и **иные** заморские питья, исходят кому указано; и ест рыбу и упиваетца вином и **иным** питьем; и по обеде ставят на стол овощи всякие, сахары и ягоды и **иные** диковинки.* Можно подчеркнуть наличие семантики 'избирательности' (ср. некоторые): *а **иные** всякие съестные приправы покупаются у города Архангелского.*

4. Близкие смысловые составляющие можно обнаружить в случаях обозначения в сочинении времени с привлечением лексемы *иной* (в синтагматике со словами *день, год*) [11], что подразумевает указание на круг регулярных, традиционных, установленных событий, мероприятий и т. п. и соответствует прагматике текста сочинения Г. Ко-

тошихина: *а **иным** временем царь велит им сидеть; в-**ыные** дни бывают столы на столников; у царя на обеде на Господския праздники и на **иные** нарочитые дни; или в-**ыной** день; такъже и на **иные** многие дни; вновь подносят царю на праздники же и на **иные** дни.*

Лексема *иной* в сочинении Г. Котошихина регулярно реализуется, таким образом, с атрибутивным значением, что чаще отмечается в препозиции слова. Это подтверждает также исследование И.В. Баданиной [1]. В деловой письменности XVII века «местоименные формы являются основным способом оформления прилагательного как особой части речи. Именно в кругу местоименных форм протекают процессы, составляющие содержание развития прилагательных на данном историческом этапе» [1, с. 21].

Слово *иной* в определённых условиях, помимо того, может терять свойства признаковых слов, выступать в роли существительного.

5. В значении субстантивированного существительного [64 употребления] лексема *иной*, приобретая сему 'предметность', употребляется для отражения идеи «лица» ('некто, выполняющий ту или иную роль', 'некто, многие, занимающие то или иное социальное пространство, положение'), актуализируя семантику 'агентивности'. Характерна форма множественного числа, которая предотвращает развитие конкретизирующих оттенков семантики: *а **иные** на Москве сидят в Приказех у дел; а бывают в тех спалниках изо всех боярских и околничих и думных людей дети, которым царь укажет, а **иные** в такой чин добиваются и не могут до того притти; попов и дьяконов, и службеников соборных церквей и **иных**, кормят на царском дворе не по один день, а **иным** ест и пить дают в дома; а **иных** розсылает для покормления по воеводствам в города.*

6. Указательная, лексическая опустошённость, семантика, свойственная местоимениям, обнаруживается при употреблении лексемы *иной* в значении соотносительных слов – местоимений *те, тех, тому, тем,*

таких [9], обеспечивающих связь в сложно-подчинённом предложении (*иной*+сущ. <...> где, *который*, *кто*, *кого* и т. д.): *сметясь против **иных** людей, кому во что запас и провоз станет; и после того царь велит с тем боярином, или околнчим, быти **иному** человеку, кому мочно, а прежнего отставят; а **иным** людям, которые не в царской службе; на царской обиход покупают в-**ыных** государствах, где прилучитца; а в-**ыных** царских черных волостях, где приказчиков не бывает, учинены судейки; а в-**ыных** городех, где воеводы одни сидят.*

7. Лексема *иной* отражает в тексте сочинения Г. Котошихина такие ЛСВ, которые не являются актуальными в современном русском языке, отражая особенности делового языка времени создания произведения. Такими являются: а) значения, несомые местоимением *весь* ('всех, со всех, всем') [2]: *и с них подати берут против того ж, что и с-**ыных** посадских людей; а бояром, и думным людям, и дьяком, и дворовым людям, и подьячим, и стремянным, и **иным** конюхом, и царицыным детем боярским, и соколником, и истопником, жалованье денежное дается ежегодно;* б) значение 'самый': *а как царица пойдет в мыльню, и с нею мать и **иная** ближняя жены и сваха, и осматривают ее сорочки.*

Наиболее характерно употребление лексем *иной* в контекстах, где указывается на противопоставленность известному, имеющему место и признание, чего-то другого, возможно, чужеродного, т.е. актуализированы семантические компоненты 'различный, разный' (а), 'некоторые' (б), 'многие' (в) как 'другие'. Такие употребления отражают синкретичность семантики лексем *иной* в языке сочинения Г. Котошихина [около 100 случаев]:

(а) *когда кому бывает служба посольская и воинская, и **иные** посылки; когда кому бывает служба посольская и воинская, и **иные** посылки, и им жалованье дается по окладом их; а доставают самые добрые соболи и **иные** звери в самых дальних отстатних Сибирских городех; Московским послом, и посланником,*

*и гонцом, как их посылают в-**ыные** государства;*

(б) *а **иные** бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают; а **иных** игр, и музык, и танцов, на царском веселии не бывает никогда; а **иные** бояре, и околничие, и думные люди; а **иным** попом и дьяконом; рублей по 20 и по 15 с-**ыных** крестьян, по указу, по чему положено; а **иные** вдовы и девицы живут у жен их боярских и у дочерей в покоях; а **иные** люди емлют свои челобитные в Приказе; **иным** судьям, и по судному делу указ и вершение что ни будет, тому так и быти; а **иные** послы в дарех отговорилися; и **иных** девиц и вдов;*

(в) *а в **иных** домовых статьях и в роздаче денег перед царевичем бывает с убавкою; такъже как бывают у царя **иных** государств послы и посланники и гонцы; или и **иные** злые изменные и противные статьи объявятся; и **иные** Поморские и пограничные города с Свейскою границею; а у **иных** менших властей и у менших чинов людей образы и дары; а бояре и **иные** чины бывают в платье в нарядном же.*

К числу особенностей реализации Г. Котошихиным лексем *иной* относятся не только использование богатых оттенков её семантики, употребление как синкретичной единицы в различных ЛСВ, прагматически ориентированная синтагматика, но и демонстрация морфологической специфики лексем *иной*.

Современным русским языком унаследованы такие особенности:

– формы рода: *иной* (муж. род) – *а будет которой гость, или **иной** человек; а на **иной** день; **иная** (жен. род) – и **иная** добрая всякая, которая годитца ставить пред царя; а у кого кабал нет, или утряются, или подерутца и **иная** какая нибудь шкода учинитца; **иное** (ср. род) – а у ружья что попортитца или на бою отобьют, и в то число ружье дается **иное** в полках же;*

– наличие постоянного ударения на окончании во всех падежах: *иной* – *а будет которой гость, или **иной** человек; а на **иной** день; иного* – *или для какого **иного** воровского умышления по чьему научению; иному* – *к*

которому боярину или околничему и думному и ближнему, или **иному** человеку, в подачу; да нетокмо кому боярину, или **иному** человеку, не даются гербы; а сверх того суда в том деле, по которому будет указ учинен, **иному** суду нигде не бытии; **иным** – а **иным** попом...; и **иным** злочинцом, указ бывает против того ж, как и на Москве; а **иным** послом и посланником и гонцом, или и полковым воеводам, за их службы о жалованье бывает указ;

– формы единственного и множественного числа в родительном падеже: **иных** – и учинят к ним полковников и **иных** начальных людей; кроме **иных** бояр и думных людей; также и **иных** злочинцов; и **иных** девиц и вдов; а **иных** государств; да и для того что **иных** государств языка и политики не знают; или как бывают **иных** государств послы на обеде; иного – или для какого **иного** воровского умышления по чьему научению.

В сочинении Г. К. Котошихина отражаются особенности живого произношения: слово *иной* в сочетании с предлогом передаётся с начальным *ы* [частотно: 60 случаев]: и **в-ыных** больших городех; **в-ыные** государства; **с-ыными** христианскими государствами; для торговли **в-ыные** государства; послал для какого нибудь дела **в-ыное** государство без ведомости; и они обедают **с-ыными** боярянами вместе; и **в-ыных** воровских статьях, и приводят его на Москве в Розбойной или в Земской Приказ, а в городех в Приказы ж и в губную избу; и **в-ыных** вышеписанных статьях; **с-ыными** образами пойдут назад и другие.

Подчеркнём особенности употребления лексемы *иной*, присущие языку деловых текстов эпохи создания сочинения Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». Так, по нашему мнению, лексическая единица *иной*, во-первых, используется в штампах, например, в таких конструкциях: и с **них** подати берут против того ж, что и **с-ыных** посадских людей; а бояром, и думным людем, и дяком, и дворовым людем, и подьячим, и стремянным, и **иным** конюхом, ... жалованье денежное дается ежегодно и т. д. В сочинении также встречается два раза

клишированное сочетание с лексемой *иной*: или для **какого иного** воровского умышления по чьему научению; или **каких иных** людей, и по его скаске. Во-вторых, её можно заменить другим определительным местоимением, но полностью исключить её употребление в контексте не позволяет специфика делового языка, которым стремился выразить содержание автор, например: со всяких чинов людей, кроме **иных** бояр и думных людей; за **иным** боярином по 30 ... человек; также как бывают у царя **иных** государств послы и посланники и гонцы; делают столы на воинских и на **иных** людей; и тех людей, у кого есть отцы и матери, или **иные** сродичи и жена и дети; а **иные** бояре, брады свои уставя, ничего не отвечают; а **иных** игр, и музик, и танцов, на царском веселии не бывает никогда; а **иные** бояре, и околничие, и думные люди.

В современном русском литературном языке лексема *иной* сохраняет большую часть значений, утрачивая специфические:

«1) некто другой, кто-либо, кто-нибудь, кто-то; кто-либо из ряда перечисляемых или противопоставляемых предметов (разг.);

2) отличающийся от этого, совершенно не такой; другой; некоторый, какой-либо, какой-нибудь, какой-то; один, другой и т. п. (прил.; при перечислении или при противопоставлении);

3) некоторый, какой-либо, какой-нибудь, какой-то (местоим.)» [6, с. 243].

Слово используется в современном русском литературном языке, в частности в официально-деловом стиле; но ограничение его семантического объёма всё же произошло. Однако остаётся актуальной такая особенность лексемы *иной* в различных ЛСВ, как выделительная сила. Так, Ю. Ю. Шадрина, исследуя функционирование местоименных прилагательных в текстах 1955 – 2009 гг., пишет об их уникальной частотности / рекуррентности, делает вывод о «степени когнитивной выделительности местоименного прилагательного *иной* в русском языке (45 780 употреблений)», подчёркивает, что подобные единицы «в квантитативной линг-

вистике составляют высокоранжируемые слова, являющие собой устойчивое, организованное употребление» [10, с. 15 – 16].

Лексема *иной* употреблялась не только в жанре делового письма, но и в летописях [1], в публицистике, хотя частотна, безусловно, в деловом языке. И Г. Котошихин в своём известном сочинении нередко «изменяет» прагматике жанра, установкам делового языка, где ключевым словом текстов является местоименная единица *иной*: *и иные* такие ж воры; *и инья* власти; *иного* великого боярина; *потому что иные* сидят от первых людей один от другого вдали; *а иные* золото и серебро с шолком; *и иным* нарочитым святым греха не сотворили; *и иные* немногие люди и жены провожают их до той полаты; *и в то время возлагают на него срачицу и порты и платье иное*; *и с нею мать и инья* ближняя жены *и сваха*; *покажут царской матери и иным* сродственным женам немногим; *и по обеде ставят на стол овощи всякие, сахары и ягоды и иные* диковинки и другие.

Таким образом, можно, обобщая, сказать, что лексема *иной* в памятниках письменности XVII в. характеризовалась широтой функционирования, была многозначной и востребованной, распространённой и в живой речи, о чём свидетельствует представленность фонетическими, орфографическими и формообразующими вариантами в

тексте сочинения Г. К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баданина И.В. Именные и местоименные формы имен прилагательных в летописях и деловых памятниках Москвы XVII века. Автореф. дис. к. филол. н. – М., 1999. – 24 с.
2. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. – М.: «Наука», 1978. – 315 с.
3. Донецких Л. И. Слово и мысль в художественном тексте. – Кишинев, 1990. – 166 с.
4. Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. – М., 2000. – 120 с.
5. Леденёва В.В. Идиостиль (к уточнению понятия)// Филологические науки. – 2001. – № 5. – С. 36 – 42.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е издание, исправленное и дополненное. – М., 1995. – 928 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь в 4-х томах. Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О. Н. Трубачёва. Издание второе, стереотипное. Том 2. – М., 1986–1987. – 672 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. 6-е издание, стереотипное. Том 1. – М., 1999. – 623 с.
9. Чжи Ючан. Атрибутивная валентность местоименных существительных: Автореферат дисс... канд. филол. н. – М., 1992. – 17 с.
10. Шадрина Ю. Ю. Функционирование местоименных прилагательных в русскоязычном и англоязычном дискурсе. Автореф. дисс.... филол. н. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.

Публикации аспирантов

УДК 81'282.2

Вершинина М.Г.

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

ЛЕКСИКА ПРИРОДЫ КАК ФРАГМЕНТ ДИАЛЕКТНОЙ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРМСКИХ ГОВОРОВ)*

M. Vershinina

Perm State Pedagogical University for Humanities

VOCABULARY OF NATURE AS A FRAGMENT OF DIALECT SOUND PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE PERM DIALECTS)

Аннотация. Статья посвящена исследованию биофоносферы, фрагмента звуковой картины мира как части диалектной языковой картины мира. Анализу подвергается звукоподражательная лексика пермских говоров, отражающая особенности восприятия носителями диалектной речи звучаний растительного мира и звуков, производимых стихиями и метеорологическими явлениями. Несмотря на периферийное положение в звуковой картине мира, данные сферы звучаний играют важную роль в восприятии носителя традиционной культуры.

Ключевые слова: фоносфера, звуковая картина мира, биофоносфера, натурфоносфера, фитофоносфера, звукоподражание, ономапоея.

Abstract. The article is dedicated to the biophonosphere, a fragment of a sound picture of the world as a part of dialectal linguistic picture of the world. Onomatopoeic vocabulary of Perm dialects is analyzed. The vocabulary reflects the peculiarities of perception by native speakers of dialect speech of sounds of flora and of sounds produced by nature and meteorological phenomena. Despite the peripheral position in the sound picture of the world, these areas of sounds play an important role in the sound picture of the world of traditional culture.

Key words: phonosphere, sound picture of the world, biophonosphere, naturephonosphere, phytophonosphere, onomatopoeia.

Лексика природы исследовалась в различных аспектах: мотивационном (Т.А. Боброва, О.И. Блинова, Н.Д. Голев, Т.И. Вендина, Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова, Н.И. Налетова), культурологическом (М. Забылин, Т.Н. Бурмистрова, Л.Ф. Пуцилева, Ю.В. Завалишина), системно-структурном (В.Г. Арьянова), словообразовательном (Н.И. Налетова), ономаσιологическом (В.В. Копчева, Т.И. Вендина, Н.И. Панасенко), когнитивном (А.Г. Деменьтьева), семантическом (О.В. Протопопова, А.М. Летова, Ю.Ю. Савина, Д.А. Пермьякова) и др. В

* Исследование проводилось в рамках гранта «Языковой быт современного прикамского села (социоллингвистическое исследование)» (проект № 008-П) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет».

© Вершинина М.Г., 2013.

работе Н.И. Коноваловой предлагается комплексное исследование народной фитонимии [4]. Однако фоносемантические аспекты (представленные в этой работе) данного лексического пласта не являлись специальным предметом изучения. Звуковая картина мира также исследована недостаточно, в том числе и на диалектном материале [1, 2, 3, 5, 6].

Значимость звуковых кодов в культурной традиции несомненна [6]. Культурные функции и значения неодинаковы для природных звуков и шумов и звуков и шумов, создаваемых человеком. Человеческий голос, речь определяется как основной код культуры, а магический дискурс отличается особым (крик, пение, шёпот, свист, голошение, смех, икота) голосовым поведением, так называемой ритуальной речью [6, с. 9-10].

Исследуемая «звуковая» лексика (большая часть материала собрана автором в полевых условиях) бытует на территории пермских говоров, которые в разных районах Пермского края имеют различия, т. к. на севере края контактируют с коми-пермяками; на юге – татарами и башкирами; на юго-западе – с удмуртами. Эти связи сформировали особый говор (на основе северно-русского диалекта) русских в Прикамье. На сегодня не предложено чётких ареалов распространения пермских говоров [7].

Анализируя «звуковую» лексику [8, 9, 10], мы выявляем особенности восприятия человеком звуков окружающего мира. Фоносфера – звуковое окружение, в той или иной степени осознаваемое, распознаваемое и семиотизируемое человеком [11, с.128]. Звуковая картина мира – часть фоносферы, осознаваемая человеком и эксплицированная в языке; часть языковой картины мира. То есть звуковая картина мира – это отражённая в языке совокупность представлений о звучащем мире, способ концептуализации звукового пространства. Основным языковым средством экспликации звуковой картины мира является ономотопея (первичные звукоподражания и звукоподражательная лексика).

Характер системности и специфика звуковой картины мира (эксплицируемый в языке фрагмент фоносферы) различных языков отражает характер категоризации звукового пространства различными локальными и этническими группами. Рассмотрим фрагмент фоносферы, эксплицируемый в пермских говорах, на уровне биофоносферы.

Биофоносфера – фрагмент фоносферы, семантическое поле, объединяющее лексические единицы с семой «звук естественного происхождения», включает поля «натурфоносфера» (звучания стихий и метеорологических явлений), «фитофоносфера» (звучания растений), «зоофоносфера» (звуки, производимые живыми существами, кроме человека). Биофоносфера противопоставляется социофоносфере (звуки искусственного происхождения) и занимает важное место в системе звучаний, окружающих носителя традиционной культуры.

В данной статье рассматриваются особенности экспликации фитофоносферы и натурфоносферы, занимающие периферийное положение в системе звукового окружения человека, однако являющиеся значимыми для носителя традиционной культуры.

О высокой значимости языкового пласта, связанного с растительным миром, можно судить по весьма разветвлённой системе номинаций растительного мира. Фитонимы становятся предметом современных исследований довольно часто, так как являются одним из архаичных пластов лексики. Согласно модели организации русского макрокосма Т. И. Вендиной, наиболее развитой системой номинаций является «Растительный мир», затем «Животный мир», «Ландшафт» и «Небо и небесные тела». «Такая картина иерархии... даёт представление об элементарных формах жизни и хозяйствования и, думается, свидетельствует прежде всего о земледельческих приоритетах русского человека, его психологических связях в первую очередь с растительным миром» [3, с. 223]. Несмотря на значимость растительного мира в жизни традиционного человека, звук редко становится

мотивирующим признаком при образовании лексических единиц, характеризующих растения [2, с. 15-16; 5, с. 11]. Однако в случае, когда звуковой признак всё же присутствует в семантической структуре, следует говорить о его высокой значимости.

Выявлены звукоподражательные глаголы, характеризующие действия растения, сопровождаемые звучаниями: *Горох уже вытукивает – выскакивает из стручков, если поздно / Сучочки, которые отмирают, они вот и почикивают громко / Солома затикает, ой страшно*. По всей видимости, звуки растений в том случае осознаются человеком, когда фиксируют какой-либо предельный момент в развитии растения. Отмечены номинации *скрипун, скрипун, хруст*, мотивированные акустическим признаком, который нередко актуализируется носителями традиционной культуры в речи (*У скрипуна розовый такой цветочек. Вот сорвёшь его, начнёшь мять, он и скрипит / Полевой скрипун в полё растёт, сочной, скрипучий; руку натрять полевым скрипуном надо, раз скрипит дак*). В данном случае звуковая характеристика растения является значимым признаком номинаций.

Звук – следствие действия, а объекты растительного мира практически не совершают действий. Однако, если движение придаётся извне, фитосфера начинает «звучать». Так, процесс высыхания травы сам по себе не обладает звуковой характеристикой, однако в диалектной речи обозначается глаголами *подшурать, подшуриться, зашурать* (*Сено-то подшурат. Ну, подсыхат в вёдренные дни / На пол брошу сено-то, подшурится к вечеру-то*). Предположение о том, что мотивирующий признак данных глаголов – звук шуршания, источником которого является взаимодействие фито и натурсферы, подтверждает наличие у глагола *подшурать* значения «высушить ветром» (*Ничего, если сырая трава в зарод попадет, ветер сено подшурает и всю влагу по стожарам вытянет*).

Более выраженную звуковую характеристику получают растения при взаимодействии с человеком (*По берёсту проведёшь ножом, дак*

счикат только / Лён сухой будет, дак шабарстит), что позволяет предположить антропоцентричный характер фитофоносферы.

Кроме того, многие лексические единицы этимологически восходят к звукам, производимым человеком, или имеют однокоренные единицы, функционирующие в антропофоносфере (звук, производимый человеком). Так, глагол *подшурать* имеет однокоренные единицы *шуркать* (идти), *перешурнуть* (обсудить), *шуртать* (рассказывать), которые относятся к антропофоносфере, этимологическая характеристика слова *шуркать* содержит такие значения, как «скрести, царапать», «хлопотать», «юркнуть, прошмыгнуть», «шорох, треск», «швырнуть, бросать», которые нередко характеризуют действия человека.

Вместе с тем через использование номинаций, восходящих к звукоподражаниям, носители традиционной культуры наделяют беззвучный растительный мир свойствами живых существ, часто антропоморфизируют его: *говорушка, балаболка, болтунья*. Через звукоподражательные номинации достигается антропоморфизация фитосферы и просматривается сакральное отношение человека к растительному миру.

Таким образом, несмотря на периферийное положение в модели фоносферы и звуковой картины мира, фитофоносфера имеет признаки антропоцентричности, которые проявляются в том, что, во-первых, большая часть лексических единиц фитофоносферы имеет однокоренные единицы в антропофоносфере, во-вторых, растения и грибы нередко наделяются антропоморфными признаками.

Лексико-семантическое поле «натурфоносфера» включает в себя две группы: звуки природных стихий и звуки метеорологических явлений.

Среди стихий звуковой характеристикой обладают в основном вода, огонь и воздух; земля практически не звучит, зафиксирована только одна единица – *шавкать* (о камне).

Система звучаний воды представляется достаточно развернутой: звукоподражания: *бур-бур-бур, буры-бары* (*На реке только буры-*

бары), глаголы: *выбуривать*, *выбурять* (*Там фонтан выбуриват – тут и есть начало Камы*), номинации: *булькоток*. Однокоренные единицы нередко развивают семантику неупорядоченности, неразборчивости или интенсивности в единицах, характеризующих действие или говорение человека: *бурыбары* (о быстром беспорядочном движении), *взбуривать* (*Председатель на ие пошто-то взбуриват*), *булькать* (*Ты че там булькашь, помолчи уж, старый*).

Звучания огня представлены глаголами *варганить*, *пыхать*, *спышкать*, *чишнуть* и существительным *прозвизд*. Единицы *пыхать*, *пыхнуть*, *спышкать* (*Прошое лето угланы церковь зажгли. Из окон так и пыхало / Я песни запела да и не заметила, как лучина прогорела, дак только спышкало*), согласно М. Фасмеру, восходят к древнему ономатопоетическому образованию и связаны со звуком дыхания или дуновения ветра, движения воздуха. Звук дыхания также реализуется в однокоренных единицах, функционирующих в антропофоносфере (*Старик напыхался холодным-то воздухом, вот и болеет / Напышквал в рукавицы-то, руки согрелись, тепло стало*). Так, звук горения, огня напрямую связан со звуком движения воздуха, дыхания.

Звучания воздуха зафиксированы в глаголах *шабаршить*, *фуркнуть* (*Вышла, а ветер как фуркнет, я скоря за огород да в подъезд*) и существительном *свистодуй*. Единица *шабаршить*, воспроизводящая звук шуршания, трения, связана с теми фрагментами фоносферы, в которых может функционировать неразборчивый звук, шум, часто похожий на шуршание, трение: антропофоносфера (*И зимой, и летом с утра до ночи шабаркаются, дрова пелят*), социофоносфера (*Слышу: чё-то шабаркат; вышел – никого нет; поглядел: бумага шабарчит*), фитофоносфера (*Лён жёлтенькой, сухой будет, дак шабарстит*). Единица *фуркнуть*, этимологически связанная со звуком, производимым вспархивающей птицей (*Птица вылетела из трубы и зафуркала по избе*), реализует сему «звук интенсивного движения воздуха» и в даль-

нейшем развивает семантику интенсивности в звукоизобразительной единице *сфуркать* (*Он взял меня да как сфуркал, дак только портки взвезли*).

Небольшая разветвлённость данных групп объясняется, на наш взгляд, тем, что звуки внешнего мира сами по себе мало привлекают внимание человека. Стихии «звучат» чаще при взаимодействии с человеком: *брызгать*, *брызгать*, *кануть*, *булдыхать*, *жулькать*, *набулять*, *чилькать* (*Белье на речке жулькаю / В пруду ребятишки булбали купаются / Смотрю, кто-то в речке булдыхатся, шум стоит*). Данные единицы являются переходными от натурфоносферы к антропофоносфере, т. к. звуковое значение проявляется вследствие воздействия на объекты природы человека. Таким образом, можно говорить о том, что группа «звуки природных стихий» отражает антропоцентрический характер натурфоносферы.

Система звучаний метеорологического характера гораздо более развита (*Лед-от мерзнет и бум-бум, побумкиват*). Так, отмечены единицы, характеризующие звучания дождя: *дожжать*, *дожжать*, *подожжать*, *дажживать*, *дождя*, *дождание*, небольшой дождь – *борить*, *дрезжить*, интенсивный, но непродолжительный дождь – *гыжнуть*, сильный дождь – *хлестнуть*, действие, следствие дождя – *причикать*, *пришлепать*, *кануть*; падающего града: *шаляпать* и *шваткать* (*Успела огурицы закрыть, а то бы нашваткало их градом-то, все бы выбило*).

Наиболее развитой лексико-семантической группой среди звуков метеорологического характера и натурфоносферы в целом является группа «звучания грозы». Кроме того, что отмечены первообразные звукоподражания, имитирующие раскат грома (*Гроза раскатится – гр-р-р; страшно*), встречается также большое количество глаголов в значении «гремять»: *верескать*, *зверещать*, *погремёхивать*, *стукать*, *постукивать*, *сверчать*, *торгать*, *тургать*, *потургивать*, *зуркнуть*, *брескать*, *бургать*, *вёргать*, *горгать*, *трохать*, *чургать*. Именно в данном фрагменте

натурфоносферы функционирует наибольшее количество единиц, не имеющих однокоренных в других фрагментах фоносферы, что говорит о данном типе звучаний как о специфичном для носителя традиционной культуры. Кроме того, звукоподражания данной сферы нередко характеризуют синкретичность восприятия человеком традиционной культуры явлений окружающего мира: звукоподражательная номинация молнии *грема* (*Грема-то как ударила в дерево – оно и загорелось*), глаголы *зверескаться*, *взгрябнуть* в значении «сверкнуть, ударить» (*Как зверескало – и все сгорело, дом-от! / Раз, два взгрябнула молния*). Наличие большого количества единиц, характеризующих звучания грозы, объясняется акустическими параметрами природного звука (повышенная громкость).

Таким образом, несмотря на периферийный характер натурфоносферы, прослеживается её антропоцентричность, а также включённость в систему звуков, распознаваемых человеком как специфичные для данного фрагмента звуковой реальности, что говорит о значимости данной сферы звуковой реальности для носителей традиционной культуры. Кроме того, наблюдается высокая продуктивность данной сферы звучания: многие звукоподражания, этимологически восходящие к изображению природных звуков, в дальнейшем функционируют в других фрагментах фоносферы.

В целом звучания растений и природные звучания, несмотря на периферийный характер, играют важную роль в звуковом окружении человека. Фитофоносфера как наиболее «тихая» сфера нередко наделяется звуковыми свойствами извне искусственно, что характеризует стремление человека традиционной культуры освоить незвуковую среду. Натурфоносфера, обладающая выраженными звуковыми характеристиками и тесно связанная с антропофоносферой, оказывается достаточно продуктивной сферой звуча-

ния, т. к. большое количество звукоподражательных единиц, восходящих к природным звучаниям, в дальнейшем актуализируется в других фрагментах фоносферы.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Белякова С.М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира. // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2005. – № 2. – С. 79-88.
2. Бурмистрова Т.Н. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект: автореф. дис ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
3. Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). – М.: Издательство «Индрик», 1998. – 240 с.
4. Коновалова Н.И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. – Екатеринбург, 2001. – 148 с.
5. Легова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: автореф. дис ... канд. филол. наук. – М., 2012. – 23 с.
6. Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян: сб. науч. трудов / Институт славяноведения РАН; под ред. С.М. Толстой. М.: Издательство «Индрик», 1999. – 339 с.
7. Русские говоры Пермского региона. – Пермь: [б. и.]. Вып. 1: Формирование. Функционирование. Развитие. 1998. – 147 с.
8. Словарь пермских говоров / Г.В. Бажутина и др.; отв. ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева. – Т. 1. – Пермь: «Книжный мир», 2000. – 608 с. – Т. 2. – Пермь: «Книжный мир», 2002. – 576 с.
9. Словарь русских говоров Южного Прикамья / И.А. Подюков и др.; отв. ред. И.А. Подюков. – Выпуск I (АБАЛТУС – КЫЧИГА). – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. – 456 с. – Выпуск II (ЛАБАЗ – ПЯТЬ). – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. – 502 с. – Выпуск III (РА - ЯТЬ). – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. – 502 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – 576 с. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1986. – 672 с. – Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с. – Т. 4. – М.: Прогресс, 1987. – 864 с.
11. Шляхова С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: Перм. гос. политех. ун-т, 2005. – 346 с.

УДК 811.161.1'373.45

Воробьева Н.Ю.

Московский государственный областной университет

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
Н.С. ГУМИЛЁВА-ПУТЕШЕСТВЕННИКА:
РОЛЬ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В «АФРИКАНСКОМ ДНЕВНИКЕ»**

N. Vorobyova

Moscow State Regional University

**ON THE STUDY OF LINGUISTIC PERSONALITY OF N. GUMILEV –
THE TRAVELER: THE ROLE OF THE EXOTIC VOCABULARY
IN “AFRICAN DIARY”**

Аннотация. В статье рассматривается иноязычная лексика «Африканского дневника», написанного в 1913 году поэтом и путешественником Н.С. Гумилёвым. Исследуются иноязычные имена (Бальча, Гарун Адъ-Рашид), топонимы (Абиссиния, Джибути, Харар, Данакильская пустыня, Сомалийский полуостров, Гаваш и др.), экзотизм (данакилы). Затронут вопрос о составе идиолексикона Н. С. Гумилёва, что представляет работу как антропоцентрическую. Постижение черт языковой личности и раскрытие особенностей языковой картины мира поэта при знакомстве с текстом дневника составляет задачу и мотивирует актуальность настоящей статьи.

Ключевые слова: языковая картина мира, русская языковая личность, акмеизм, экзотизм, астионимы, хоронимы, лимнонимы, пелагонимы.

Abstract. The article deals with the foreign vocabulary in “African Diary” written by poet and traveler N. Gumilev in 1913, in particular: the foreign names (Balcha, Haroun Al Rashid), toponyms (Abyssinia, Djibouti, Harare, Danakil desert, Havas, etc.), exoticism (Gallasy). The study of the composition of concepts and vocabulary of N. Gumilev presents the work as anthropocentric one. Learning the language personality traits and revealing the peculiarities of the linguistic world picture of the poet by the text of the diary is the objective and the relevance of this article.

Key words: linguistic world picture, Russian linguistic personality, exoticism, acmeism, astionym, choronym, limnonym, pelagonym.

Языковая личность Н.С. Гумилёва – путешественника, охотника, поклонника красоты, яркого поэта – вызывает большой интерес. Постижение черт языковой личности и раскрытие особенностей языковой картины мира поэта возможно при знакомстве с его текстами различных жанров, в частности «Африканским дневником», что составляет задачу настоящей статьи и мотивирует её актуальность.

Понятие «языковая личность» впервые ввёл в науку В.В. Виноградов. Исследуя язык художественной литературы, учёный подошёл к вопросу о важности понимания соотношения в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора [3]. Ю.Н. Караулов определил языковую личность как совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются не только а) степенью структурно-языковой сложности, но и б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью [7, с. 3-8].

Избрав материалом исследования текст «Африканского дневника» Николая Гумилёва, мы считаем возможным выявить в ходе анализа черты языковой личности автора, поскольку

© Воробьева Н.Ю., 2013.

языковой личностью в лингвистике XX-XXI вв. стало принятым называть любого носителя того или иного языка, охарактеризованного на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в них системных средств данного языка для отражения видения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире [11, с. 671].

Поэт, как мы уже упоминали, был активным путешественником. Его влекли экзотические страны, он стремился многое узнать о них, ощутить вкус чужого хлеба, увидеть иную землю под ногами, отразить свои впечатления словом, новым для него. Этот интерес стимулировался вниманием к Африке в России, что формировало фоновые знания языковой личности поэта. Н.Н. Галушко справедливо заметила: «Немалое место в творчестве поэта занимают описания путешествий, диктуемых жаждой географических открытий» [4].

Отметим, что задолго до начала путешествий Николая Гумилёва в печати не раз появлялся богатый исследовательский материал о жарком континенте. Были опубликованы работы Е.Е. Долганева, дневник А.К. Булатовича, прочитаны научные доклады на заседаниях Русского Географического Общества. В начале 1880-х — середине 1890-х годов многие российские путешественники побывали в Абиссинии: В.Ф. Машков, А.В. Елисеев, Н.С. Леонтьев, А.К. Артамонов и др. [6, с. 21]. Результаты их абиссинских исследований также были доступны широкому кругу читателей, что влекло за собой усвоение прецедентных текстов, отражалось в структуре прагматикона и в объёме языковой картины мира языковой личности современников.

Мы считаем, что к моменту подготовки первого путешествия поэта «африканский» фрагмент картины мира Н. Гумилёва отчасти был сформирован. Подтверждение находим в документальных свидетельствах о том, что Н.С. Гумилёв проявлял живой интерес ко всему, что связано с Африкой. За два года до первого путешествия, в 1907 году,

когда он жил в Париже, ознакомился с дневником А.К. Булатовича, писал в небольших кафе Латинского квартала — «Pantheon», «D'Harcourt», «La Source». «Стремление его к экзотике проявлялось и в том, что охотно заводил знакомства с представителями далёких стран: неграми, малайцами, сиамцами...» [14, с. 355].

На выбор Н. Гумилёвым страны путешествия сильное влияние оказала выставка полотен П. Гогена в 1907 году в Париже. Итогом странствий поэта стал «Африканский дневник», который был написан в 1913 году, во время его третьего путешествия, когда поэту пришлось отправляться в Африку с экспедицией академика В. Радлова. Исследуя этот текст, можно составить представление об отражаемом им фрагменте языковой картины мира поэта и экстраполировать сведения — как частное — на характер общего, то есть «на совокупность знаний об окружающем человеке мире, запечатлённых в языковой форме» [13, с. 397].

Текст «Африканского дневника» не даёт полного представления о том, какой была Эфиопия времён путешествия Гумилёва: читатель видит страну только глазами поэта. На данном примере подтверждается справедливость заключения Ю.Н. Караулова о том, что совокупность единиц знаний о мире не образует последовательной, стремящейся к завершённости картины мира. «Скорее, наоборот, они складываются в мозаичную, фрагментарно заполняемую, принципиально незавершённую, а подчас и противоречивую языковую картину мира, сильно окрашенную национальным колоритом, и её центром, точкой отсчёта и мерилем для всех её составляющих служит человек» [8, с. 9].

Текст дневника отражает, с одной стороны (информативный план), какую цель путешествия поставил Н. Гумилёв (названы рамки маршрута), с другой стороны, указывает, благодаря именно единицам проприальной лексики, те фрагменты картины мира, которые будут наполняться конкретизированным, индивидуально осмысленным

содержанием (когнитивный, эмоционально-экспрессивный план), поскольку они в тексте отражают именно его вследствие специфики своего значения: *Пройти с юга на север Данакильскую пустыню, лежащую между Абиссинией и Красным морем, исследовать нижнее течение реки Гаваша, узнать рассеянные там неизвестные загадочные племена;*

Я должен был отправиться в порт Джибути в Баб-эль-Мандебском проливе, оттуда по железной дороге к Харару, потом, составив караван, на юг, в область, лежащую между Сомалийским полуостровом и озёрами Рудольфа, Маргариты, Звай; захватить возможно больший район исследования; делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды. Кроме того, мне предоставлялось право собирать зоологические коллекции [2, с. 258-259].

Приведённые фрагменты «Африканского дневника» содержат прецедентные единицы, которыми являются различные онимы, актуализирующие точки африканского фрагмента языковой картины мира поэта.

Прежде всего, это природные хоронимы (имя собственное, присваиваемое любой природно-ландшафтной области [10, с. 45]): *Данакильская пустыня, Сомалийский полуостров.*

Сомалийский полуостров или Сомал – «так наз. область в Африке, занимающая северо-восточный угол, образуемый Аденским проливом с севера и Индийским океаном с востока; на юге граничит с областями Галла и Данакиль» [15, т. 60, с. 846].

Географические объекты, указанные Гумилёвым, принадлежат *Абиссинии*.

Абиссиния – административный хороним (собственное имя территории, области, района [10, с. 160]).

«*Абиссиния* — устаревшее назв. Эфиопии или большого региона в Вост. Африке. Термин «А.» происходит в арабском языке от древнего назв. хабас (хабаш, хабеш — по-месь), в египетских (с кон. 16 в. н.э.) и других древних источниках им обозначались

отдельные группы населения красноморских стран. Как синоним назв. «Эфиопия» (в виде перевода этого термина на язык геэз) слово «А» впервые употреблено в одной из надписей аксумского царя Эзаны (4 в.). В 7-19 вв. термин А. широко распространился сначала в арабо-исламском мире, а затем и за его пределами. Ныне он считается устаревшим. В Эфиопии название А. не употребляют и не любят из-за его происхождения. Также под назв. А. подразумевают регион, включающий совр. государства Эритрею, Эфиопию, Джибути и Сомали» [1, т. 1, с. 363].

Рассказывая в дневнике об *Абиссинии*, Николай Гумилёв упоминает астионимы (названия городов [10, с. 39]) *Джибути* – с указанием на административный хороним *Джибути*; *Харар* и др.: *Джибути* *лежит на африканском берегу Аденского залива к югу от Обока, на краю Таджуракской бухты. На большинстве географических карт обозначен только Обок, но, <...> его «съела» Джибути. За Джибути – будущее. Её торговля всё возрастает, число живущих в ней европейцев тоже* [2, с. 264].

Признаками, отличающими этот объект африканского фрагмента гумилевской картины мира, являются те, которые представляются благодаря контекстуальным партнёрам: ‘особое местоположение’ (*берег, залив, бухта, юг*), ‘выделенность в соотнесенности с уже известными объектами пространства’ (*Аденский залив, Таджуракская бухта, Обок*), ‘торговля’, ‘европейская известность’ (*торговля, европейцы*; ср.: «...обычные здесь предметы вывоза – волость и куры, кофе, золото и слоновая кость...») [2, с. 265]. Видно, что Гумилёв проявляет к стране интерес европейца (его интересует торговля, число приезжих белых господ).

Хороним запечатлевает эмоционально-оценочное отношение автора к объекту: слово в тексте стилистически определено метафорическим предикатом *съела*, где *съесть*, на наш взгляд, можно трактовать как разговорное «поглотить» (‘приняла, вобрала в себя’ [9, с. 530]). Астионим *Джибути* поэт мар-

кировал эпитетом *городок* с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок-*, хотя другие синтагматические партнёры определяют грамматический род как женский (*съела, её торговля*): *Нам предстояло пробыть в Джибути три дня. Я не очень огорчился подобной проволочке, так как люблю этот городок, его мирную и ясную жизнь* [2, с. 265].

«Джибэти (Djibouti) – столица Республики Джибути, государства на северо-востоке Африки» [1, т. 1, с. 763].

Читателю показан городок, который любит поэт, где течёт *мирная* (‘без вражды и ссоры’ [9, с. 358]) *ясная* (‘ничем не омрачённая, спокойная’ [9, с. 919]) жизнь, в отличие от *величественного* (‘исполненного величия’ [9, с. 73]) *Харара*.

«Харэр (амх.) – «административный центр провинции Харэр» [12, с. 146].

В песне племени Исса, приведённой Н. Гумилёвым в «Африканском дневнике», рассказывается о *Хараре, который выше земли данакилей* [2, с. 266]. Текстовый материал отражает большую точность представления содержания онима в языковой картине мира Н. Гумилёва. Так, автор указывает, что город соположен с известной землей данакилей, находится выше, на горе, (‘высокое положение’), ‘величественный’ (‘величественный вид со своими домами из красного песчаника’), ‘защищённый’ (‘через ворота не пропускают’), имплицитно – ‘богатый’ (‘совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида’). См.: *Уже с горы Харар представлял величественный вид со своими домами из красного песчаника, высокими европейскими домами и острыми минаретами мечетей. Он окружён стеной, и через ворота не пропускают после заката солнца. Внутри же это совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида* [2, с. 274]. Предикат *Багдад времен Гаруна-аль-Рашида (Харар совсем Багдад времен Гаруна-аль-Рашида)*, указывает, на наш взгляд на высокоразвитую инфраструктуру города и его бурный экономический рост, сравнимый с ростом Багдада при халифе *Гаруне-аль-Рашиде*.

«Гарун – знаменитый халиф, по прозванию Аль-Рашид, т. е. Справедливый; имя это он, впрочем, получил не от потомства, а от отца своего, когда был назначен наследником» [15, т. 15, с. 160].

Эпизодически в «Африканском дневнике» упоминаются: пелагоним (вид океанонима, собственное имя любого моря или его части [10, с. 108]) *Баб-эль-Мандеб*, лимнонимы (собственное имя любого озера, пруда [10, с. 69]) *Рудольф, Маргарита, Звай*, а также потамонимы (собственное имя любой реки [10, с. 112]) *Гаваш, Уэба*. Их назначение в тексте – закреплять представление о более важных для автора точках путешествия, т. е. можно утверждать, что они менее важны автору «Африканского дневника» для экспликации отношения, но актуальны как прецедентные единицы, указывающие на наличие определенных фоновых знаний. Они отражают позицию текста.

В Словаре географических названий Эфиопии приводится более точное имя реки *Гаваш – Аваш* и традиционная амхарская национальная форма *Ауаш* [12, с. 19].

Река *Гаваш (Ауаш)* в «Африканском дневнике» связана с именем *дедзага Бальчи*: *Потом дедзаг Бальча. Это был человек сильный и суровый. О нём до сих пор говорят в городе, кто с негодованием, кто с неподдельным уважением. Он отказывался платить подати негусу, утверждая, что по эту сторону Гаваша негус – он, и предлагал отрешить его от губернаторства; он знал, что им дорожили как единственным в Абиссинии искусным стратегом* [2, с. 282].

«*Бальча Сафо* (1862-1936) – эфиопский военный и гос. деятель, народный герой Эфиопии. По этнической принадлежности оромо, родом из обл. Гураре. В итало-эфиопской войне 1895-96 командовал эфиопской артиллерией, участник битвы при Адуа. В 1896-1908 губернатор провинции Сидамо в 1908-10 — провинции Харэр, затем вновь Сидамо.» [1, т. 1, с. 505].

Гумилёв сообщает читателю об особенностях характера *Бальчи*: не просто *народный*

герой, а сильный (то есть 'обладающий твёрдой волей, стойкий' [9, с. 717], суровый (что означает 'очень строгий, серьёзный' [9, с. 780]), единственный в Абиссинии искусный ('умелый, хорошо знающий своё дело' [9, с. 252]) стратег, которым дорожили (то есть 'берегли, не желали терять, высоко ценили' [9, с. 252]), негус по эту сторону Гаваша.

Конкретизация образа *Бальчи* ведёт к насыщению семантики антропонима, что указывает на стремление автора в использовании проприальной лексики достичь собственного акмеистам эффекта максимальной точности в передаче информации.

Мы полагаем, что страницы дневника были адресованы вдумчивому читателю, который интересовался экзотическими странами. Более того, путешествие в Африку мог осуществить человек, имеющий достаток, поэтому жанр дневника был популярен среди людей обеспеченных, определённых (и известных Н. Гумилёву) социальных кругов. Мы считаем, что автор ставил перед собой такие коммуникативные задачи, которыми регламентировал читательский адрес: люди привилегированного класса, для которых отправиться в путешествие возможно. На это указывает и отбор фактов социального плана: в «Африканском дневнике» он пишет преимущественно о высокопоставленных особах, с которыми встречался в Абиссинии. Антропонимы в основном представляют таких персон. Не рассказывается об орудиях труда или о процессе обрабатывания земли – занятии простого земледельца. Вскользь упоминается о народных традициях. Хотя Н. Гумилёв останавливается на описании жилища галласов, подробно он обрисовывает дома представителей власти, как и их одежду, окружение, рассказывает о поступках, характерах. Антропонимы, таким образом, как и топонимы всех видов, становятся ярким средством передачи африканского колорита в исследуемом тексте.

Мы согласны с А. Гомер, которая усматривает в подходе Николая Гумилёва к экзотизмам «европейскую» позицию и живой инте-

рес к культурам, отличным от отечественной: «Гумилёв вписывает себя в географические и культурные данности других стран, в ходе творческого процесса неизбежно подвергает последние собственной интерпретации. Именно в этих субъективных опытах он выказывает явную тенденцию к оценке чужих – «экзотических» – культур с позиции «просвещённого, цивилизованного» европейца. Ностальгия по «Чужому» – важный импульс и движущая сила, выражающаяся во всей жизни и творчестве поэта» [5]. Однако стоит заметить, что маршрут по Абиссинии Гумилёв избрал, основываясь на маршрутах именно русских путешественников, в первую очередь, А.К. Булатовича. Значит, поэт хотел взглянуть на эту страну глазами именно русского путешественника, при этом, как акмеист, не пропустив ни единой детали.

Итак, мы можем заключить, что Н.С. Гумилёв при использовании проприальной лексики в «Африканском дневнике» проявляет себя не только как путешественник, наблюдательный человек и вдумчивый, добросовестный исследователь, но и как русская языковая личность, сохраняющая приверженность выработанным в ходе поэтического творчества акмеистическим взглядам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Африка: Энциклопедия в 2 томах / РАН, Ин-т Африки, 2010.
2. Африканский дневник // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1991. — 478 с.
3. Виноградов В.В. Опыты риторического анализа // О языке художественной прозы (монография) — М.: Наука, 1980. — 360 с.
4. Галушко Н. Н. Поэтические функции глаголов движения-перемещения при раскрытии темы путешествий в лирике Н.С. Гумилёва [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». — 2009. — No 1. — С. 80–88. — URL: <http://vestnik-mgou.ru/library/files/incoming/6/2009/1/st15> (дата обращения 20.10.2013).
5. Гомер А. Экзотизм и геософия Николая Гумилёва в контексте европейского колониального дискурса [Электронный ресурс] (<http://gumilev.ru/about/114/>) (дата обращения 7.09.2013).

6. История географического изучения Эфиопии членами Императорского Русского Географического Общества в конце XIX-начале XX вв.: научно-методическое издание / С.А. Агуреев. Москва: У Никитских ворот, 2010. — 111 с.
7. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987. — 261 с.
8. Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. — М., 2009. — 344 с.
9. Ожегов С.И. , Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 2003. — 944с.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1978. — 200 с.
11. Русский язык : Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. — М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. — 704 с.
12. Словарь географических названий Эфиопии. — М., Наука, главная редакция восточной литературы, 1974. — 359 с.
13. Словарь методических терминов. (Теория и практика преподавания яз.) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. — СПб.: Златоуст, 1999. — 471 с.
14. Степанов Е.Е. Хроники Николая Гумилёва // Гумилёв Н.С. Сочинения. В 3 т. — Т. 3. — М.: Худож. лит, 1991. — 428 с.
15. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания. Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. 1890 г. — М., 1991. В 82 тт.

УДК 811.161.1'367.623

Козловская А.А.

Московский государственный областной университет

**ВЫРАЖЕНИЕ ДУШЕВНОГО СОСТОЯНИЯ
ФОРМАМИ ПРЕДИКАТИВА В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА**

A. Kozlovskaya

Moscow State Regional University

**THE EXPRESSION OF STATE OF MIND BY MEANS OF PREDICATIVE
IN YESENIN'S LYRIC POETRY**

Аннотация. Использование предикатива в лирике С. Есенина является продуктивным средством создания художественного образа. Предикативные конструкции, личные и безличные, а также предикатив в сравнительной степени позволяют поэту наиболее полно и ярко выразить душевное состояние как положительное, так и отрицательное. Положительное состояние чаще всего выражается поэтом при помощи личных конструкций, а отрицательное – безличных. Предикатив в сочетании с интенсификаторами способен быть экспрессивным, усиливая тем самым то или иное душевное состояние.

Ключевые слова: предикатив, интенсификаторы, градуаторы, негатив, душевное состояние, эмоции.

Abstract. The use of predicative in the Esenin's lyric poetry is a productive means of the creation of artistic image. Personal and impersonal predicative constructions and predicative in comparative degrees allow poet most fully and clearly express both positive and negative states of mind. Positive state is generally expressed by the poet with personal constructions, and negative – by impersonal. Predicative combined with intensifiers can be expressive, thereby enhancing a particular state of mind.

Key words: predicative, intensifier, graduator, negative, state of mind, emotions.

Проблема классификации частей речи – одна из самых сложных в грамматике современного русского языка и до сих пор остаётся дискуссионной. Самым актуальным, с нашей точки зрения, является вопрос о «смешанных» частях речи.

«Морфологическая система русского языка устроена таким образом, что категориальные признаки разных частей речи могут «смешиваться», совмещаться» [7, с. 48]. К таким смешанным, «гибридным» (В.В. Виноградов) частям речи относится предикатив, совмещающий признаки глагола и имени прилагательного, сложившийся «в современном русском языке в недрах краткой формы имени прилагательного» [3, с. 70]. Предикатив может быть представлен как в личной конструкции (*Ходит девушка по берегу грустна*), так и в безличной (*Мне грустно на тебя смотреть*). Парадигма предикатива включает также формы числа и рода, аналитические формы склонения и времени. Кроме того, предикатив способен образовать степени сравнения: компаратив и суперлатив (*грустнее, более/менее грустно; грустнее всего/всех*).

В силу своей лаконичности, ёмкости и экспрессивно-оценочных возможностей предикатив стал универсальным средством создания художественного образа. «Образ, запечатлённый в одном слове или одной синтаксической единице, иногда определяет всю композицию литературного произведения, выступая как его художественный синтез или обобщающий символ» [1, с. 53].

© Козловская А.А., 2013.

В статье рассматриваются функциональные особенности предикатива в лирике С. Есенина.

В области поэтического языка С. Есенин выступил как новатор. Даже сблизившись с группой имажинистов, поэт ощущал свою художественную индивидуальность и непохожесть на разнородные литературные течения, столь популярные в начале XX века.

«Я чувствую себя хозяином в русской поэзии и поэтому втаскиваю в поэтическую речь слова всех оттенков, нечистых слов нет. <...> Слова – это граждане. Я их полководец. Я веду их. Мне очень нравятся слова корявые. Я ставлю их в строй как новобранцев. Сегодня они неуклюжи, а завтра будут в речевом строю такими же, как и вся армия» [4, с. 617].

Поэтический язык С. Есенина уникален и представляет интерес для изучения его на разных уровнях – грамматическом, семантическом, эмоционально-оценочном. Поэт смело экспериментировал с языком, широко используя в лирическом контексте окказионализмы, диалектные слова, богатую цветовую лексику, необычные синтаксические конструкции, в том числе с предикативом. Методом сплошной выборки из поэтического контекста С. Есенина нами было зафиксировано около 500 случаев употребления предикатива как в личной, так и в безличной форме. Большую часть (около 80%) составляют конструкции с предикативом, выражающие душевное состояние, и это вполне закономерно, поскольку лирика – это своеобразный синтез внутреннего мира человека, его эмоций – то, что мы обычно называем *душой и душевным состоянием*.

А.Д. Шмелёв и А.А. Зализняк в своём исследовании русской языковой картины мира приводят следующее толкование лексем *душа, чувство и эмоция*.

«*Душа* в наивно-языковом представлении воспринимается как своего рода невидимый орган, локализованный где-то в груди и «заведующий» внутренней жизнью человека» [6, с. 138].

Лексема *чувство* рассматривается А.А. Левонтиной как синоним сознанию: «состояние, в котором человек способен сознавать окружающее», а также «собственно чувство», то есть «определённое состояние души: гипероним для *любовь, ненависть, радость, возмущение, обида, стыд* и т. д.» [6, с. 285-286].

Лексема *эмоция* является синонимом лексеме *чувство*, но исследователь, тем не менее, несколько разделяет эти два понятия: «главное же различие между *чувствами* и *эмоциями* состоит в том, что в отличие от *чувств*, которые локализируются в *душе* и тем самым относятся к области «высокого», *эмоции* — это нечто бездуховное, почти физиологическое, *телесное*, т. е. «низкое». При этом качественно *эмоции* могут быть как «отрицательные» (раздражение, возмущение, обида, гнев и т. п.), так и «положительные» (восторг, восхищение, умиление и т. п.) [6, с. 287-288].

Следовательно, *душа, эмоции и чувства* представляют собой сознание человека, внутреннюю оболочку, его *душевное состояние*.

В поэтическом контексте С. Есенина мы можем выделить предикативные конструкции, выражающие качественное душевное состояние, обусловленное как положительными, так и отрицательными эмоциями.

Исследуя конструкции с предикативом душевного состояния, мы выявили несколько текстов, в которых состояние души трактуется нами как качественное «абсолютное».

Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется – на душе светло. Загорелась кровь Жарче дня и огня. И светло и тепло На душе у меня. В тебе надежды наши Не сбылись, И на душе С того больней и горше.

Безличные предикативы *светло* и *тепло* в сочетании с нулевой формой связки *быть*, употребляясь в переносном значении, выражают положительное состояние умиротворения, душевного спокойствия, тихой радости: *светло* «перен. о состоянии радости» и *тепло* «перен. сердечное, доброе отношение, отрадное чувство» [9]. Предикативы в сравнительной степени *больней* и *горше* передают состояние острой душевной боли: *больней* –

сравнительная степень от *больно* в переносном значении: «*перен.* о всём наиболее уязвимом для кого-н., болезненно переживаемом» [11] или «*перен.* обидно, тяжело» [5]. Лексема *горше* – это, вероятнее всего, просторечно-диалектное слово, сравнительная степень от прилагательного *горший*, то есть *горький*, которое употребляется в переносном значении: «преисполненный горя, обид, разочарований; горестный; вызывающий сильное огорчение, горечь» [5]. В словаре В.И. Даля эта лексема рассматривается как диалектизм: «нареч. южн. (горе, горький) хуже, плоше, тяжелее» [2], а в словаре Д.Н. Ушакова как устаревшее: «(устар.) сравн. ст. к прил. горький во 2 знач. и к нареч. горько в том же знач. *Вторая беда горче первой. Всем трудно, а мне горче всех*» [11]. В данных текстах в сочетании с предикативами поэт использует уточняющее обстоятельство *на душе*, усиливая тем самым особенности внутреннего состояния лирических героев. «*Душа* воспринимается как некотороеместилище внутренних состояний. Те состояния, которые имеют внешние проявления или, по крайней мере, не противоречат таковым, находятся на поверхности этогоместилища (*на душе*); скрытые от посторонних мысли и чувства находятся где-то в глубине (*в душе или в глубине души*)» [6, с. 138].

В остальных случаях употребления конструкций с предикативом поэт не указывает на «местилище» того состояния, в котором находится его лирический герой в данный момент, но всё же мы расцениваем это состояние как душевное, поскольку душа человека немислима без эмоций и чувств.

Таким образом, предикатив со значением душевного состояния в лирике С. Есенина представлен как в личной, так и безличной формах.

Рассматривая личные и безличные оценочные предикативы, можно выделить следующие положительные эмоционально-психические состояния:

1. Радость и веселье: *Пусть не я тот нежный отрок В голубином крыльев плеске, Сон*

мой радостен и кроток О нездешнем перелеске; *Если голоден ты – будешь сытым, Коль несчастен – весел и рад; Весела твоя радость короткая* С громкой песней весной на лугу; *Я рад и охоте, Коль нечем Развеять тоску и сон; Да, ты кажешься мне распротёртой, И, пожалуй, увидеть я рад, как лиса, притворившись мёртвой, Ловит воронов и воронят.*

2. Счастье, восторг: *Всё встречаю, всё приемлю, Рад и счастлив* душу вынуть; *И на этой на земле угрюмой Счастлив* тем, что я дышал и жил. *Счастлив* тем, что целовал я женщин, *Мял цветы, валялся на траве; Но всё же я счастлив.* В сонме бурь *Неповторимые я вынес впечатленья; Я счастлив* тем, что выпил с Мурашёвым; *Никнут шёлковые травы, Пахнет смолистой сосной. Ой вы, луга и дубравы, – Я одурманен* весной.

3. Умиротворенность, покой: *Научился смотреть в тебя, Как в озеро. Ты несказанен и мудр. Свят и мирен твой дар; Будь спокоен, Чекистов! Это просто с мороза проскрипело дерево...Хорошо...Я спокоен.* *Сейчас уйду; В них всё благостно и свято. Всё тревожное светло.* *Плещет рдяный мак заката* На озерное стекло.

4. Симпатия, удовольствие: *В этот вечер вся жизнь мне мила, Как приятная память о друге; Хозяин твой мил и знаменит; Оттого и дороги мне люди, Что живут со мною на земле; Мне мил стихов российский жар; И потому в чужой Стране Вы близки и приятны мне;*

5. Жалость: *Жалко солнышко мне, жалко* месяцу, *Жалко* тополь над низким окном; *Жалко* им тех дурашливых, юных, *Что сгубили свою жизнь сгоряча. Жалко* им, что октябрь суровый *Обманул их в своей пурге.*

Среди текстов с иллюстрацией душевного состояния со знаком «плюс» в основном используются конструкции с личным предикативом, тогда как для передачи отрицательных эмоций поэт чаще обращается к безличному предикативу. Следует отметить продуктивное использование причастных предикативов в личной конструкции, вы-

ражающих отрицательное душевное состояние.

1. Грусть, печаль: Ходит девушка по бережку *грустна*. Ткёт ей саван нежнопенная волна; Жизнь и *горька* и *бедна*, *Тяжко* без счастья жить; *Грустно*... Душевные муки Сердце терзают и рвут; Где ты, радость? Темь и жуть, *грустно* и *обидно*.

2. Боль, обида: Всех, кто был вчера *обижен*, Обойдён лихой судьбой; «Голубчик! – Кричал он. – Петя! Мне *больно*... не думай, что пьян; «Скажите, Вам *больно*, Анна, За ваш хуторской разор?»; *Больно, больно* мне быть Петром, Когда кровь и душа Емельянова; Где ты, радость? Темь и жуть, *грустно* и *обидно*.

3. Злоба, гнев: Ох, и *зол* же ты, брат мой!.. Мужик если *гневен* не вслух, То завтра придёт с ножом; Он вечно на всех *озлоблен*, С утра по неделям *пьян*; Я *взбешён, разъярён*, И летит моя трость Прямо к морде его, В переносицу.

4. Страх, ужас: Аж до печёнок *страшно*; Мне *страшно*, – ведь душа проходит, как молодость и как любовь; *Жутко* им меж тёмных Перелесиц, Назвала я этот колоб – Месяц.

5. Неприязнь, отвращение: Мне до дьявола *противны* И те и эти.

6. Безразличие: *Равнодушен* я стал к лацугам, И очажный огонь мне *не мил*.

7. Стыд: Ах, подружки, *стыдно* и *неловко*: Сердце робкое охватывает стужа; *Стыдно* мне, что я в Бога верил./ *Горько* мне, что не верю теперь.

8. Скука, тоска: Мне *тоскливо*, и *скучно*, и *жалко*, Неуютно камин мой горит; *Скучно* мне с тобой, Сергей Есенин, Подымай глаза.

Кроме того, поэт активно использует предикатив в сочетании с отрицательной частицей *не*. П.А. Лекант рассматривает *не*/ *ни* как универсальное средство передачи отрицания, поскольку эти частицы могут с лёгкостью сочетаться с любой знаменательной частью речи, образуя так называемый *негатив* [8, с. 52]. Негативно-предикативные конструкции служат для выражения как положительных эмоций: Соловей поёт – ему *не*

больно, У него одна и та же песня; Только мне *не страшно*, и в моей судьбе Непутёвым сердцем я прибит к тебе; Никому так *не досадно*, Как мне, горькой сироте; *Не больна* мне ничья измена, И не радуется лёгкость побед; Пусть на окошках гнилая сырость, Я не жалею и я *не печален*; Не знаю, *болен* я Или *не болен*, Но только мысли Бродят невпопад; Ты гори, моя зарница, *Не страшён* мне вражий стан; так и отрицательных: Нет! Ты *не прав*, ты *не прав*, ты *не прав*, Я сейчас чувством жизни, как никогда, *болен*; Сердце *не ласково* к шуму, Мыши скребут в уголке; Помирать боюсь. Да и *жить не рад*; Я ль виноват, что жизнь мне *не мила*; Но сердце хмельное любви моей *не радо* Отдай же мне за всё, чего тебе *не надо*, отдай мне поцелуй за поцелуй луны.

Продуктивными являются конструкции с предикативами в простой сравнительной степени. Компаратив – универсальное средство передачи душевного состояния, с его помощью можно более чётко и ярко выразить положительные и отрицательные эмоции: Ах, Греция! Мечта души моей! Ты сказка нежная, но я к тебе *нежней, Нежней*, чем к Гектору, герою, Андромаха; Чувства полны добра, Сердце бьётся *сильней*; Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг. И сердце под рукой теперь *больней и ближе*; Но есть иные люди. Те Ещё *несчастней и забытей*; Тяжёл был Коммуне Удар. Не вынес сей край И пал, но *жутче* всем было Весть Услышать; Будет *хуже*. Чем *хуже*? Нет *бездарней и лицемерней*, Чем ваш русский равнинный мужик!

Среди конструкций с компаративом встречается больше всего текстов, выражающих именно отрицательное душевное состояние, не только в сочетании предикатива со связкой *быть*, но и с полузнаменательной фазисной связкой *стать*.

Милый бросил, А я – ево. Ему *стало Тошней* мово; Теперь мы *стали зрелей* И весом *тяжелей*; Я теперь *скупее стал* в желаньях, Жизнь моя! Иль ты приснилась мне?; Потом, когда *стало легче*, Когда прекратилась трясь, На пятые сутки под вечер Простуда моя улеглась; При встрече глаз *больнее ста-*

нет, Но, покрестясь на образа, Рабу по имени помянет.

Следует отметить, что на экспрессивность высказывания с предикативами влияют так называемые *интенсификаторы* – своеобразные усилители значения, к ним относятся некоторые группы слов, чаще всего это наречия меры и степени, а также частицы *как* и *так*. «Сочетание частиц *как* и *так* с «полными» словами представляют семантико-синтаксическое единство – не форму этих слов, а особую синтаксическую форму – *интенсив*, которая определяет субъективную тональность высказывания» [7, с. 59].

Ночь, а как будто *ясно*. *Так* ведь всегда *прекрасно*; Никому *так не досадно*, Как мне, горькой сироте; *Так грустно* на земле, Как будто бы в квартире, В которой год не мыли, не мели; Там за Уралом Дом. Разве *так плохо* в нём? *И было тяжело* и *так печально* мне, *И всё же мы друг друга не поняли*; В моей душе *так было гулко* В пелёнках камня и кремней; *И так радостен* мне над пущей Замирающий в ветре крик: «Будь же *холоден*, ты живущий, Как осеннее золото лип»; Любимый сын мой, Что с тобой? Ты был *так кроток*, Был *так смиренен*.

Значение частиц *так* и *как* несколько дифференцировано. Частица *так* добавляет большей эмоциональности данным синтаксическим конструкциям с личным и безличным предикативом, усиливая отрицательное или положительное состояние души лирического героя. Частицу *как* поэт использует в качестве усилителя значения, выражаемого антонимичными предикативными конструкциями с предикативом: *Капли жемчужные, капли прекрасные, как хороши* вы в лучах золотых, *И как печальны* вы, капли ненастные, / Осенью чёрной на окнах сырых; Люди, веселые в жизни забвения, *Как велики* вы в глазах у других *И как* вы жалки во мраке падения, Нет утешенья вам в мире живых.

«Как и так не тождественны, функционально различны: субъективность и оценочность как имеют эмоциональный характер – в этих чертах, свойствах так преобладает рациональность» [7, с. 58].

Наречия меры и степени выступают в роли *градуаторов*. «Сочетание градуаторов с личными формами предикатива, в основе которых уже лежит семантика количественной интенсификации, удваивает, усиливает значение качественного состояния, названного предикативом» [10, с. 72].

Ты *слишком кровожаден*; «Да..Да..Я сейчас вспоминаю...Садитесь...Я *очень рад*»; «Вы живы?...Я *очень рада*...Я тоже, как вы, жива»; Друг мой, друг мой, Я *очень* и *очень болен*; Потом ведь нам *очень важно* Поймать его не пустым; Ха-ха-ха! Это *очень неглупо*, Вы надёжный и крепкий щит. В последнем тексте с личным предикативом повтор наречия *очень* не просто усиливает, а акцентирует, заостряет внимание на глубине душевной боли лирического героя.

Итак, использование предикатива в лирике С. Есенина является продуктивным средством создания художественного образа. Конструкции с предикативом личным и безличным, а также предикативом в сравнительной степени позволяют поэту наиболее полно и ярко выразить душевное состояние как положительное, так и отрицательное. Положительное состояние чаще всего выражается поэтом при помощи личных конструкций, а отрицательное – безличных, кроме того, нами отмечены случаи активного использования негативно-предикативных конструкций, то есть отрицания как средства передачи состояния со знаком «+» и «-». Высока эмоционально-оценочная семантика предикатива, который, сочетаясь с частицами *как* и *так*, а также с наречиями меры и степени, имеет форму *интенсива*. На оценочность и экспрессию предикативных конструкций, безусловно, влияют дистрибутивные слова, оттеняя, усиливая ту или иную эмоцию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 238 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://mirslivare.com> (дата обращения: 14.05.2013).

3. Дягтерева М.В. Частиречный статус предикатива: Монография. – М., 2007. – 162 с.
4. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: Альфа-Книга, 2010. – 719 с.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://efremova-online.ru> (дата обращения: 14.05.2013).
6. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. Сборник статей. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
7. Лекант П.А. Интенсив – это форма или конструкция? //Вестник Московского государственного областного университета. – Серия «Русская филология». – 2010.– № 1. – С. 56-60.
8. Лекант П.А. Часть речи негатив / Грамматические категории слова и предложения. – М.: Издательство МГОУ, 2007. – 215 с.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovoonline.ru> (дата обращения: 14.05.2013).
10. Савостина Д.А. Категоризация субъективности и эмоциональности в русской литературе первой трети XX века: формы предикатива. Монография. – М.: Издательство МГОУ, 2010. – 153 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. – URL: <http://mirslovari.com> (дата обращения: 14.05.2013).

УДК 811.161.1'373

Хлупина М.А.

Московский государственный областной университет

**СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «СЧАСТЬЕ»
В ТЕКСТАХ С.Д. ДОВЛАТОВА**

M. Khlupina

Moscow State Regional University

**MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT «HAPPINESS»
IN S. DOVLATOV'S TEXTS**

Аннотация. В статье на материале художественных, публицистических и эпистолярных текстов С.Д. Довлатова рассматриваются средства репрезентации концепта «Счастье». Анализируются контексты, содержащие имя концепта и однокоренные единицы, а также семантически близкие лексемы *блаженство*, *блаженствовать*, поскольку писатель размышлял о счастье в любви и браке, в профессиональной сфере, «советском счастье» и счастье эмигрантов. Отрицательная оценка «мещанского счастья» свидетельствует о том, что писатель был истинно русской языковой личностью.

Ключевые слова: С.Д. Довлатов, концепт «Счастье», языковая личность.

Abstract. In the article on the material of S. Dovlatov's artistic, journalistic and epistolary texts the author explores the means of the representation of the concept «Happiness». The contexts are analyzed that contain the name of the concept and the cognate units, as well as tokens bliss, to enjoy, because the writer was thinking about happiness in love and marriage, in the professional sphere, «the Soviet happiness» and the happiness of emigrants. Dovlatov's negative assessment of «bourgeois happiness» indicates that the writer was truly Russian language personality.

Key words: S. Dovlatov, concept of «Happiness», language personality.

Лингвистический анализ концепта предполагает опору на различные материалы, в том числе несущие сведения биографического характера. По воспоминаниям Л. Штерн о С.Д. Довлатове, «Бог наградил его многими талантами. Кроме, наверное, самого главного – таланта быть счастливым» [11, с. 329]. Как свидетельствуют тексты писателя, мечта зрелого Довлатова – счастье, большее, чем «отсутствие несчастья», счастье, которое «ориентировано на превышение нормы ожидания блага» [2, с. 75]. Возможно, именно несоответствием желаемого и действительного вызвана оценка Довлатовым самого себя как несчастного: *Юля, главное – не подумай, что я весёлый и тем более счастливый человек. О, нет* (письмо к Ю. Губаревой) [3, с. 325]; *Откуда у меня чувство безнадёжной жизненной непригодности? <...> Мечтаю и надеюсь вызвать призрак счастья...*

Мне жаль, что прозвучало это слово. Ведь представления, которые оно рождает, безграничны до нуля (Ремесло) [4, т. 3, с. 7]. Ср. с мыслью Н. Бердяева: «Слово “счастье” – самое бессодержательное и ничего не значащее из человеческих слов. Никакого критерия и мерила счастья не существует...» [1, с. 77].

Наша картотека насчитывает 123 контекста, в которых концепт «Счастье» репрезентируется лексемой *счастье*, однокоренными единицами *счастливый* (*счастлив*), *счастливо* (наречие), лексемами *блаженство*, *блаженствовать*. Материалом исследования являются

художественные, публицистические и эпистолярные тексты С.Д. Довлатова. В статье мы проанализировали контексты, в которых наиболее полно раскрываются понятийная, образная и ценностная составляющие изучаемого концепта.

Мы рассматриваем «Счастье» как лингвокультурный [2] эмоциональный концепт [7] и анализируем контексты, в которых Довлатов показывает счастье как чувство, состояние, возникающее при оценке характера бытия, результатов деятельности. Первое значение лексемы *счастье* – ‘Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения’ [8, с. 782], ср.: ‘Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью’ [10]. Второй ЛСВ ‘Успех, удача (преимущ. случайная)’ [Там же] мы считаем репрезентантом концепта «Судьба» и в данной статье не рассматриваем. По мнению Анны А. Зализняк, слово *счастье* в этом значении «эквивалентно глаголу *везёт / повезло*, который постепенно его вытесняет...» [6, с. 161]. Однако в словарных толкованиях лексемы *счастливый* объединены значения ‘испытывающий счастье’ и ‘удачливый’: ‘Полный счастья, такой, к-рому благоприятствует удача, успех; выражающий счастье’ [8, с. 781]; ‘Такой, к-рому благоприятствует счастье, удача, полный счастья’ [10].

Концепт «Счастье» также объективируется в трёх контекстах С.Д. Довлатова лексемами *блаженство* и *блаженствовать*, значение которых отличается высоким коэффициентом ценностного компонента и присутствием градуальной семы. *Блаженство* – ‘Полное и невозмутимое счастье; наслаждение’ [8, с. 56]. Как видим, в словарной дефиниции *блаженство* трактуется через семантический объём лексем *счастье* и *наслаждение*. *Наслаждение* – ‘Высшая степень удовольствия’ [8, с. 391]. *Удовольствие* – ‘Чувство радости от приятных ощущений, переживаний, мыслей’ [8, с. 825]. Как нам представляется, лексема *удовольствие* не входит в число экспликаторов концепта «Счастье»: счастье – более сложное чувство, предполагающее

длительность проявления. Поэтому в статье мы рассматриваем контексты, включающие лексемы *блаженство* и *блаженствовать* с семантикой ‘счастье’, ‘быть счастливым’ («Счастье – это *земное блаженство*» [6, с. 167]): *Чмутов блаженствовал. Его ценили как столичного мастера* (Компромисс) [4, т. 1, с. 306].

Среди контекстов, включающих лексему *счастье* и однокоренные единицы как экспликативы исследуемого концепта, 14 содержат пожелания счастья (четыре контекста из художественных произведений, девять контекстов из писем и одна дарственная надпись): *БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, МОИ ДОРОГИЕ, В НАСТУПАЮЩЕМ НОВОМ ГОДУ! СПАСИБО ЗА ВСЁ. И ПРОСТИТЕ МЕНЯ...* (Марш одиноких) [4, т. 2, с. 500]; *Точно ли, что Нинов (дай Бог ему здоровья) готов в любую минуту заняться удочерением нашего (дай Бог ему *счастья*, удачи и более достойного, чем я – отца) – младенца?* (письмо к Т. Зибуновой) [9]. В большинстве пожеланий счастья эксплицируется чувство вины Довлатова перед адресатами: в «Марше одиноких» из-за писем, оставшихся без ответа, в письме к Т. Зибуновой – из-за того, что их дочь растёт без отца. Таким образом, лексемы *счастье*, *счастливы* содержат семы ‘вина’, ‘другие’.

18 контекстов связаны с темой счастья в любви и счастливого брака (12 контекстов из художественных произведений, шесть контекстов из писем): *Я дважды был женат, и оба раза *счастливо** (Ремесло) [4, т. 3, с. 7]; *Семейного *счастья* не обрёл. И уже не стремлюсь* (письмо к Л. Штерн, 1976 г.) [11, с. 208]; *Вы все мне дороги так же, как мои родные, живущие вместе со мной. Тамару особенно благодарю за дружбу, а вас всех – за чувства, которых я, видимо, не достоин, и которые, тем не менее, составляют *счастье* моей жизни* (письмо к Т. Зибуновой, 1982 г.) [9]. Как видим, понимание Довлатовым собственного семейного счастья менялось с течением времени; значение лексемы *счастье* дополнилось семой ‘родной’.

В 11 контекстах чувство счастья связано с профессиональной деятельностью, о чём свидетельствуют контекстное окружение экспликаторов концепта «Счастье» (*газета, лист бумаги*): *Если наша газета лопнет через три месяца, всё равно это будут самые счастливые три месяца моей жизни...* (письмо к И. Ефимову) [5]; *Лист бумаги – счастье и проклятие!* (Ремесло) [4, т. 3, с. 9].

В 11 контекстах реализуется концептуальный признак ‘советский’ (девять контекстов из художественных произведений, один контекст из публицистического произведения, один контекст из письма): *...Советский халтурщик избавлен от комплексов, он весел и счастлив, как жаворонок* (Трудное слово) [4, т. 4, с. 392].

Символом счастья в повести «Компромисс» выступает ключ *счастья*, предназначенный *счастливому отцу*, сын которого, по словам редактора, – человек, обречённый на *счастье* (Компромисс) [4, т. 1, с. 281]. Ирония Довлатова раскрывается в реплике редактора: *Символический ключ. Ключ счастья. Вручите его отцу...* <...> *Ключ стоит три восемьдесят. Я эту сумму вычту из двадцати пяти рублей* (Компромисс) [4, т. 1, с. 300].

Шесть контекстов связаны с темой *счастливого детства*: *Маруся росла счастливой девочкой без комплексов* (Иностранка) [4, т. 3, с. 234]. В детстве даже болезнь имеет свои плюсы и вызывает чувство счастья: *Я болен, счастлив, все меня жалеют. Я не должен мыться холодной водой...* (Чемодан) [4, т. 3, с. 409]. Как свидетельствуют тексты Довлатова, счастье детей было одним из мотивов эмиграции: *Да и мотив «едем ради детей» – в общем, зыбкий, никто из нас не знает, где и в чём наши дети будут счастливы* (письмо к Т. Зибуневой) [9].

В контекстах из художественных произведений синтагматические сочетания *счастливый отец / папаша, счастливые родители* (четыре контекста) окрашены авторской иронией, могут использоваться при цитировании газетной статьи и становятся шаблонными в окружении других штампов: *Счастливый*

отец неловко прячет грубые мозолистые руки (Компромисс) [4, т. 1, с. 279].

По Довлатову, чувство счастья может быть результатом реализации недозволенных, странных желаний, когда человек освобождается от общественных норм и приличий; реализуется связь концептов «Счастье» и «Свобода» (пять контекстов): *Потом Буш встал. <...> Затем – могучим ударом лакированного ботинка вышиб поднос из рук ошеломлённой женщины. <...> На лице его застыла счастливая улыбка* (Компромисс) [4, т. 1, с. 412].

11 контекстов объединены темой «мещанского счастья», которое заключается в спокойной и обеспеченной жизни. По С.Г. Воркачеву, оно «включает в себя “отсутствие зла” и противостоит несчастью...» [2, с. 75]. Например: *Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две зарплаты, сын Мишаня и автомобиль* (Иностранка) [4, т. 3, с. 227] – отметим, что сын Мишаня на равных входит в число неодошественных атрибутов счастливой жизни. По воспоминаниям Л. Штерн, «“буржуазно-омерзительное” благополучие Довлатов люто ненавидел и старался, как мог, его разрушить...» [11, с. 57].

Довлатов иронически писал о том, что мещанское счастье может предельно сужаться: *Я знаю хорошего человека, который утверждал, что будет абсолютно счастлив, если домоуправление заменит ему фановую трубу* (письмо к Л. Штерн) [11, с. 212]; авторская ирония усиливается за счёт использования лексем *абсолютно* и *хороший*.

Однако отношение молодого Довлатова к мещанскому счастью было лишено иронии (три контекста): *Ты конечно скажешь, это, мол, мещанство, / Жить в подобном мире тесно, как в гробу, / Не мешай мне, Ванька, я рисую счастье: / Домик кривобокий, красную трубу...* (армейское письмо к отцу) [3, с. 76].

Как показал анализ художественных, публицистических и эпистолярных текстов, безусловной ценностью для С.Д. Довлатова было счастье в любви и браке, а также в професси-

ональной деятельности. В текстах реализуется связь концепта «Счастье» с концептами «Любовь», «Свобода», «Творчество», «Журналист», «Родина», «Америка». Писатель негативно относился к «мещанскому счастью», что объясняется более глубокими чувствами интеллигента и творческой личности, свидетельствует о том, что писатель был истинно русской языковой личностью.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 383 с.
2. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
3. Довлатов С.Д. Жизнь и мнения. Избранная переписка. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2011. – 384 с.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. – СПб.: Азбука-классика, 2006.
5. Довлатов С.Д. Эпистолярный роман с Игорем Ефимовым. – М.: Захаров, 2001 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sergeidovlatov.com/books/efimov-1.html> (дата обращения: 14.09.2013).
6. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 153–174.
7. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1991. – 917 с.
9. Письма С.Д. Довлатова к Т. Зибуновой [Электронный ресурс]. – URL: <http://zibunova.narod.ru/> (дата обращения: 14.09.2013).
10. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – URL: <http://www.slovopedia.com/> (дата обращения: 14.09.2013).
11. Штерн Л. Довлатов – добрый мой приятель. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 352 с.

ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.111(73)

Лунина И.Е.

Московский государственный областной университет

ДЖЕК ЛОНДОН О ЖАНРЕ РАССКАЗА

I. Lunina

Moscow State Regional University

JACK LONDON ON GENRE OF THE STORY

Аннотация. В статье представлена позиция Джека Лондона относительно поэтики жанра рассказа. Акцентируется внимание на определении писателем места рассказа в литературном процессе начала XX века, соотношении понятий «форма» и «стиль», факт и вымысел. Уделяется внимание важному, в понимании Лондона, вопросу об особенностях композиционной структуры, выражения авторской позиции, точки зрения, создания атмосферы действия в рассказе, а также важности формирования авторского стиля.

Ключевые слова: жанр, художественная форма, содержание, автор, писатель, композиция, точка зрения, стиль.

Abstract. The article presents Jack London's view on the poetics of story genre. Attention is paid to determining the place of the story in the literary process of the early 20th century, the relationship between the concepts «form» and «style», fact and fiction. The author also dwells on the important in London's understanding question about the features of the composite structure, expressing the author's position, perspective, creating an atmosphere of action in the story, and the importance of the formation of the author's style.

Key words: the genre, the art form, content, author, writer, composition, perspective, style.

Джека Лондона, признанного мастера жанра рассказа, по праву можно назвать писателем, открывающим XX век в литературе США. Начиная с В. Ирвинга, американские писатели совершенствовали форму рассказа, уделяя внимание вопросам поэтики, формирования жанровых канонов с учётом европейских традиций, а также национальной культурной специфики. Наследуя традиции предшественников, Лондон, по мнению американского литературоведа Л.А. Беркова, именно в этом жанре наиболее очевидно «экспериментировал с идеями и техникой» [8, р. 61]. Им написано более 200 рассказов (160 из них вошли в 19 сборников), применительно к которым в американском лондоноведении используются два жанровых определения – *story* и *tale* [8, 9, 10, 12, 14]; российские учёные также не останавливаются на специфике национальной жанровой формы, используя термин «рассказ».

Дж. Лондон в статье «Черты литературного развития» (1900) анализирует актуальность жанра рассказа для современной ему эпохи: прослеживая связь между процессами форми-

© И.Е. Лунина, 2013.

рования цивилизации в новых исторических условиях и основными тенденциями в развитии литературы, он приходит к выводу, что новое время требует новой литературы, ставит перед писателем новые задачи [4, т. 1, с. 51]. Ускорение темпов современной жизни неизбежно актуализирует изменения в структуре и языковых средствах литературного произведения, стремление к краткости, что, уверен автор, обуславливает популярность рассказа, сопровождающуюся «распадом длинного романа» [4, т. 1, с. 54].

Среди вопросов, дискутировавшихся писателями в США начала XX в., одно из важных мест занимал вопрос о соотношении содержания и формы литературного произведения в целом и рассказа в частности. Лондон в своих статьях и письмах неоднократно высказывается в пользу единства содержания, актуального, созвучного эпохе, и искусной литературной формы, несущей на себе отпечаток личности писателя: «Человечеству нужно..., чтобы преходящее было выражено в непреходящей форме» [4, т. 1, с. 55]. Писателем, соответствующим этим требованиям, он называет Р. Киплинга с присущей ему тенденцией соединять экзотический и обыденный, будничные материал, его манерой построения предложений, точно передающих эмоции, ритм репортёрской речи. Кл. Стаз отмечает, что Лондон «вырабатывая свой стиль, выбрал Редьярда Киплинга как модель» [13, р. 65]. В своих рассуждениях о законах литературного творчества Лондон часто обращается к авторитету признанных мастеров жанра рассказа – как американских, так и европейских. Так, обращаясь к рассказам американских (Э.А. По, А. Бирс и др.) и английских (Р.Л. Стивенсон, Р. Хаггард и др.) писателей в статье «Страшное и трагическое в художественной прозе» (1903), Лондон развивает мысль о важной роли «трагического и страшного» в сюжете рассказа, так как «лишь потрясения заставляют звучать глубинные струны человеческой природы...» [4, т. 1, с. 62-63].

Вопросу о соотношении в рассказе правды и вымысла, который он называет одним

из важнейших в процессе художественного творчества, посвящено его эссе «Невероятнее художественного вымысла» (1901). Отмечая необходимость включать в повествование вымышленные обстоятельства, факты, Лондон обращает внимание на парадокс: «...правда настолько невероятнее вымысла, что редакторам и читателям она кажется выдумкой» [4, т. 1, с. 42]. Беря за основу сюжета реальные события, писатель должен обязательно пропускать их сквозь призму воображения, ибо «плод творческого воображения выглядит правдоподобнее, нежели голос жизни» [4, т. 1, с. 46]. Эта мысль нашла отражение в ряде его писем, в частности редактору издательства «Индепендент» от 12 января 1907 г.: «Соединение факта и вымысла – законное поле деятельности писателей» [11, р. 667]; а также в письмах, касающихся истории создания некоторых его рассказов [11, р. 889].

Композиции рассказа Лондон уделял особенно пристальное внимание. В письме к А. Струнковой от 13 октября 1904 г. Лондон выдвигает ряд требований, касающихся композиции, особенностей развития действия в рассказе: «...описывайте только решающие моменты», развитие действия – «это область романа», рассказ – это «завершённый эпизод из жизни, единство настроения, ситуации, действия» [4, т. 2, с. 289-290]. Важной категорией он называет художественное время: повествование в рассказе «следует ограничивать предельно коротким временем», жизнь героя «может уложиться в полтора часа времени рассказа...» [4, т. 2, с. 289-290].

Большинство рассказов Лондона построено на совмещении внешнего действия, «стихийно-драматического», по точному определению Ф. Сологуба [6, с. 17], и внутреннего, представляющего духовное, личностное развитие персонажа. Основу рассказов писателя, таким образом, всегда составляет двупланный сюжет: внешний (события, поступки героев) и внутренний («повествование о переживаниях и умственных запросах персонажей, динамика их мыслей и чувств» [1, с.

151]). Художественный образ мира в его рассказах отражает сознание писателя-романтика, для которого важно выразить эмоции, чувства, и писателя-реалиста, анализирующего причины происходящего, стремящегося к широким, исторически обусловленным обобщениям.

Важнейший художественный принцип Лондон-рассказчика – от частного к общему: «Чтобы быть правдивым, быть художественно точным, ты должен обращаться к частному, через частное – к универсальному» [11, р. 224]. Наследуя лучшие традиции американских писателей-романтиков, в чьих произведениях «конкретное явление часто несло в себе значительную философскую нагрузку, служа воплощением высшей истины или обобщающим символом» [2, с. 21], Лондон в своих рассказах представляет частную историю жизни в контексте событий эпохального характера – в судьбе человека писатель прозревает судьбу страны и всей человеческой цивилизации. Данное обстоятельство позволяет говорить о стремлении Лондона к созданию особого подтекста, раскрывающего авторскую мировоззренческую позицию: «Я находил завязку-тезис, а мой рассказ бывал с подтекстом. На поверхности – простая история, понятная ребёнку, полная действия, движения, цвета, а под ней – настоящая история, философская, сложная, полная значения. Один читатель получает увлекательный рассказ, другой – мою философию жизни» [3, с. 118].

Значительное внимание Лондон уделяет проблеме выражения личности автора в рассказе, способам передачи авторской позиции, благодаря которым факт перестаёт быть просто отражением реальных событий. Так, анализируя рассказ Кл. Джонса, Лондон указывает на существенный недостаток: «К трагедии и основному действующему лицу Вы подошли через читателя, вместо того, чтобы подойти к читателю через трагедию и основное действующее лицо» [4, т. 2, с. 278]. Он даёт совет начинающему автору: «Себя в рассказ не вводите...», о событиях читатель должен

узнать «через восприятие героев», «пусть читатель увидит ситуацию их глазами» [4, т. 2, с. 269]. Подчёркивая важность создания особой атмосферы действия в рассказе, Лондон обращает внимание на необходимость отказа от авторских рассуждений: «...вложите всё это в рассказы, в сюжеты, а сами устранились (за исключением тех случаев, когда выступаете как участник). Вот это-то и создаёт атмосферу. А этой атмосферой и будете Вы... Атмосфера всегда означает самоустранение художника...» [4, т. 2, с. 277].

В рассказах Лондона, как правило, основной является точка зрения героя, в большинстве случаев реализованная в форме несобственно-прямой речи, позволяющая обнаружить авторскую позицию, наряду с авторскими публицистическими или философскими отступлениями определяющая особый пафос, который становится важной составляющей художественной идеи произведения. Так, в цикле «Северных рассказов» объективность изображаемому придаёт наличие трёх точек зрения на события: взгляд белого человека, не утратившего связи с миром цивилизации; взгляд белого человека, принявшего новые законы жизни на Севере (*outside* и *inside* [7, р. 55-56]); взгляд коренного жителя северного мира – индейца, эскимоса. Благодаря этому приёму в рассказах возникает полифония индивидуальных восприятий; из сопряжения различных позиций героев становится очевидной авторская мировоззренческая установка относительно диалектичности процесса формирования в условиях жизни Севера новой цивилизационной формации.

В ряде писем Лондон высказывает мысль о том, что успех любого рассказа, помимо удачной сюжетной основы, зависит от стилистического совершенства, степени авторского мастерства. Отвечая на один из вопросов анкеты, адресованной журналом «Эдитор» (*Editor*) нескольким известным писателям того времени, Лондон отметил, что «хорошо написанный рассказ с небогатым сюжетом более предпочтителен, чем плохо написан-

ный с сильным сюжетом» [11, р. 685]. Начинаящим авторам он советует больше внимания уделять языку, в частности синтаксису. В различных ситуациях, полагает Лондон, следует использовать разные по структуре предложения: «быстрые, энергичные, короткие, чёткие и завершённые» предложения подходят для описания действия, но для «статических описаний или второстепенных действий» [4, т. 2, с. 279] подобные фразы не годятся.

Особой тщательности в рассказе, полагает Лондон, требует отбор художественных деталей: из множества деталей, «характерных черт» необходимо выбирать единственную, «наиболее выразительную» и использовать её «во всю силу» [4, т. 2, с. 280]. Действие в рассказе должно развиваться динамично: «...пишите напряжённее, а не так утомительно и длинно...». Писатель уверен, что не следует гнаться за объёмом ради него самого: «Лучше тысяча хорошо построенных слов, чем целая книга посредственного, растянутого, небрежного материала» [4, т. 2, с. 279].

Обращает внимание Лондон на проблему трансформации языковых средств в современной ему литературе. Язык, в понимании Лондона, – это, прежде всего, средство передачи мыслей; язык в литературном произведении в целом, и в рассказе в частности, обязательно должен быть образным. Стремление же к краткости неизбежно искажает образное мышление людей, что, с горечью констатирует писатель, приводит к замене аллегории, представляющей «развёрнутый образ», метафорой – «сравнением, выраженным одним словом» [4, т. 1, с. 51-52]. Потеря способности образно, аллегорически мыслить оценивается Лондоном как трагическое следствие разрыва связей между цивилизацией и культурой.

В 1907 г. в письме к издателю Дж. Бретту Дж. Лондон искренно высказал своё писательское кредо: «... моя сила заключается в искренности и верности самому себе» [4, т. 2, с. 301]. Действительно, Лондон всегда

стремился следовать собственной эстетической программе, щедро делясь с начинающими авторами своим пониманием законов литературного развития. Оставаясь верным себе на протяжении всего творческого пути, он сумел поднять традиционный для американской литературы жанр рассказа на новую высоту.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Теория литературы. – М.: Логос, 2003. – 229 с.
2. История литературы США / под ред. Я.Н. Засурского и др. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – Т. 3. – 614 с.
3. Кингман Р. Иллюстрированная жизнь Джека Лондона / пер. с англ. – М.: Искусство, 1998. – 368 с.
4. Лондон Дж. Сочинения: в 2 т. / пер. с англ. – М.: Терра - книжный клуб, 2001. – Т. 1. – 383 с. – Т. 2. – 383 с.
5. Песоцкий В.А. Основные функции художественной литературы в их философском представлении // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». – 2011. – 1. – http://vestnik-mgou.ru/vipuski/2011_1/stati/pdf/pesotsky.pdf (дата обращения: 31.08.2013 г.)
6. Сологуб Ф. Джек Лондон (К роману «Глаза Азии») // Лондон Дж. Глаза Азии – Л.: Колос, 1925. – С. 4-8.
7. Auerbuch J. Male Call: Becoming Jack London. – Durham: Duke Univ. Press, 1996. – 289 p.
8. Jack London: One Hundred Years a Writers / ed. by S.S.Hodson, J.C.Reesman. – San Marino, California: Huntington Library, 2002. – 223 p.
9. Hedrick J. D. Solitary Comrade: Jack London and His Work. – Chapel Hill: North Carolina Univ. Press, 1982. – 265 p.
10. Labor E. Jack London. – N.Y.: Twayne Publishers, 1974. – 568 p.
11. Letters from Jack London: in 3 V / ed. by E. Labor. – Stanford: Stanford Univ. Press, 1988. – 1657 p.
12. McClintock J. I. Jack London's Strong Truths. – Michigan: Michigan State Univ. Press, 1997. – 226 p.
13. Stazz Cl. American Dreamers: Charmian and Jack London. – N.Y.: St. Martin's Press, 1982. – 362 p.
14. Walker F. Jack London and the Klondike: The Genesis of an American Writer. – San Marino, Calif.: Huntington Library, 1966. – 228 p.

УДК 821.161.1

Тихомирова А.О.

Московский государственный областной университет

**«РАССКАЗЫ В КАПЛЯХ»: К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ А.И. КУПРИНА**

A. Tikhomirova

Moscow State Regional University

«STORIES IN DROPS»: ON TRENDS IN ARTISTIC VISION OF A. KUPRIN

Аннотация. В статье прослежены особенности художественного мышления А.И. Куприна на материале рассказов-миниатюр периода эмиграции. Акцентируется целенаправленное проведение единой авторской концепции во всех рассказах цикла, чему подчинены система образов, сюжетно-композиционная структура, внутренняя логика повествования. Сделано заключение о масштабности авторской идеи при сохранении внешней незамысловатости действия, о глубине мысли в краткости запечатления.

Ключевые слова: экспрессия, детализация, достоверность, фрагментарность, архитектоника, онтология.

Abstract. The article elaborates on specific features of A. Kuprin's artistic vision on the basis of his miniature stories of émigré period. The article highlights the focus on implementation of the single author's concept in all short stories of the cycle, that determines the system of images, storyline and composition structure, internal logic of narration. In conclusion, the author of the article acknowledges the magnitude of writer's ideas along with external simplicity of narration; and the depth of thought within brief exposition.

Key words: expression, sophistication, authenticity, fragmentation, architectonics, ontology.

В годы эмиграции, работая над разновидностями жанровых форм (романных, новеллистических, публицистических и т. д.), А.И. Куприн обращается и к «сверхмалой» прозе – миниатюре. Творческие поиски в этом направлении велись и раньше: острозлободневные «Сказочки» революционного периода (1907), демонстрируя меткость слова и лапидарность при мощнейшем сатирическом накале, зримо давали представление о мастерстве воплощения большого в малом.

Глубине мысли в краткости запечатления Куприн, как известно, учился у Чехова. В своём знаменитом мемуарном очерке, посвящённом памяти великого писателя, Куприн размышляет о причинах удивительной притягательности его творческой личности. Отсутствие пафоса, мелодраматизма, нарочитых эффектов, непринуждённость повествовательной манеры, определяемые в очерке как основополагающие тенденции творчества отмечались многими чеховскими современниками. Но здесь же акцентирована и «никогда не искоренимая привычка вдумываться в людей, анализировать их и обобщать»: «В этой сокровенной работе было для него, вероятно, всё мучение и вся радость вечного бессознательного процесса творчества». И ещё: «Он берёт свои сокровища в душе, не позволяя им расточаться в словесной пене» [2, с. 423]. Проницательно определив главный исток чеховского магнетизма – видение стержня человеческой природы при умении отсекал все лишнее, – Куприн и сам пошел по этой творческой стезе.

© Тихомирова А.О., 2013.

«Рассказы в каплях» (1928) являют собой не только образец продуманного сочетания экспрессии и сдержанности, детализации и обобщённости, но в предельно сконцентрированной форме воссоздают авторскую онтологию. Крохотные повествования намеренно персонифицируются Куприным: «живые», они «бегают», «напрашиваются» в будущую книгу, заранее обеспечивая её создателю несомненный успех у читателя. Не случайно и сравнение того или иного жизненного наблюдения по степени насыщенности с каплей «густой эссенции» анилина, моментально окрашивающей «целую ванну» [3, с. 312]. Случайно подсмотренная сценка из мира людей может быть стимулом взрыва творческой энергии у писателя, обогащения его представлений об окружающем, а может даже изменить эти представления. Именно поэтому краткие мгновения, «схваченные» из действительности и запечатленные на бумаге, по своей содержательности равновелики порой всему созданному ранее.

Емкость «капли»-наблюдения в купринских произведениях обеспечивается яркой образностью, достоверностью происходящего и отчётливым, одновременно ненавязчивым, преподнесением авторской концепции. Фрагментарность повествования как одна из ведущих особенностей миниатюры у Куприна является лишь формообразующим фактором: отдельные, внешне не связанные между собой «осколки» разных душевных движений, страстей постепенно складываются в целостную картину закономерностей человеческой природы. Выстраивается ряд «капель»-зарисовок, «капель»-умозаключений – со своей внутренней логикой, воплощающий динамику авторской мысли в архитектонике цикла.

Миниатюра «Черепаша», открывающая «Рассказы в каплях», на первый взгляд, воспроизводит забавный эпизод, вызывающий только улыбку. Темперамент итальянской семейной пары, играющей в казино, бьёт ключом, выражаясь в контрастных эмоциях. Гамма чувств, испытываемых главой семей-

ства, передана по нарастающей – нервность, нетерпеливость, раздражительность, потеря контроля над собой в решающий момент и финальный огонь ярости, направленной на супругу. «Черепашой» же, неверно подсказавшей мужу, владеют совершенно иные переживания. Все её устремления связаны с желанием помочь: она шепчет мужу «беспрестанно на ухо советы», «тыкает в кого-то» от сглаза и, наконец, «лепечет» ему слова любви в момент проигрыша [3, с. 312-313]. Комичная и одновременно парадоксальная ситуация вызывает, тем не менее, устойчивое ощущение неизменной правоты происходящего. Короткая бурная сценка будто открывает перед глазами читателя всю жизнь двух незадачливых героев, где гнев и ярость постоянно перекрываются любовью и нежностью.

Стоическое сопротивление главного персонажа «Шторма», второго рассказа цикла, разгулявшемуся морскому волнению, ассоциативно связано и с другой напастью – морем брани, упрёков от близких. Однако этот «пигмей» волевым усилием сдерживает напор обеих стихий, несмотря на их сокрушительное воздействие. Сам ход рассказа подчинен «полярным» составляющим: окружающие «умирают» от морской болезни – «маленький, юркий человек» героически борется с ней, все «лежат», «стонут» – он «стремглав летит», «вихрем несётся», ему «приказывают», его «ругают» – он «готов забыть о себе» [3, с. 313]. Проявление в человеческой природе силы духа, самоотверженности не ограничивается в рамках рассказа только авторским наблюдением. По сравнению с «Черепашой», где в описании доминировали ощущения героев (в искусной обработке писателя), «Шторм» венчается веским умозаключением: «Энергия и прелесть характера создали бы ему тихую уютную жизнь и мирный отдых в старости. Но всю жизнь свою он обречён провести, подобно вьючному верблюду, с мозолями на всех сочленениях, питаясь чертополохом и бранью» [3, с. 314]. Меняются интонации, трансформируется и сама организация повествования.

В следующей сценке-«капле» аналитическая мысль Куприна продолжает набирать силу. Рисуя крупными мазками портрет комично-нелепого «философа», отображая его сбивчивую речь, писатель размышляет об истоках возникновения «чертополоха и брани» в мире людей. Облик соотечественника, встреченного в парижской подземке, думается, намеренно снижен писателем: кричит на весь вагон, «массивен, лохмат» и, что самое важное, «весь как будто расстёгнут, начиная от души и кончая штанами» [3, с. 314]. Последний штрих подчёркивает курьезность ситуации, но тем самым предельно обостряет её подлинность. Искренность «философа», «расстёгнутость души» не вызывает сомнений. Казалось бы, он произносит банальности о власти зла, о необходимости противодействия ему, однако в замкнутом пространстве вагона подземки эти слова как будто обретают материальный вес. «Зло – это одна из тех вещественных эманаций, которые вырабатывает человеческий мозг... <...> Злоба, отчаяние, страдания так грозно и так густо обволокли землю и давят её с такой тяжестью, что их не рассеют никакие ураганы», – кричит герой, и читатель словно ощущает вместе с автором-наблюдателем общую скученность, духоту, косые взгляды окружающих [3, с. 314]. Показательно, что тема могущественного добра как единственного противоядия активизируется в речи «философа» именно в тот момент, когда поезд вырывается из узкого тоннеля на перрон и двери вагонов раздвигаются. Конечно, ассоциация добра с воздухом и простором не нова, однако именно в финальной части произведения (когда фигура героя уплывает вместе с перроном) она оттеняет бесповоротную истину о «положительной силе» подвига добра. Несут на себе большую смысловую нагрузку и заключительные авторские слова: «Сумасшедший? Пророк? Философ?» [3, с. 315]. Вопросительная интонация не предполагает окончательного ответа, но настраивает на равнозначность этих понятий уже в духовной сфере, в христианском осмыслении.

О выходе в эту тему свидетельствует и рассказ «Четыре рычага», который можно считать, пожалуй, кульминационным центром цикла. В сравнении с предыдущими «каплями», где герои находились среди людей, но в замкнутых пределах (зал казино, палуба корабля, вагон подземки), художественное пространство данного произведения еще более ограничено и одновременно расширено путём образно-категориального обобщения. Четырём природным движущим силам – «рождению, любви, насыщению и смерти» – соответствуют в рассказе определённые материальные обозначения. Церковь, родильный дом и трактир, расположившиеся рядом на крохотном перекрёстке, с одной стороны, локализуют поле, на котором разворачивается сценка, с другой – символизируют вечный «круговорот человеческой зыбкой жизни» [3, с. 316]. Предполагаемый эмоциональный ряд, который должен испытывать читатель в начале повествования благодаря этому соседству (радость-удовольствие-печаль-преходящее) завершается появлением двух колоритных фигур.

Внешние детализированные портреты двух будущих отцов, в нерешительности толкающихся под окнами роддома, превращаются в психологические характеристики. Один – «высокий, <...> медлительный, недоверчивый, чувствительный и обидчивый», другой – «сангвиник, <...> строением похож на плотный крепкий куб» [3, с. 316]. Такое подчёркнутое различие не случайно: авторский замысел в результате сводит две противоположности к общему знаменателю. Не стовариваясь, словно связанные «невидимой ниткой», они оказываются сначала в церкви, где молятся о своих возлюбленных и ещё не рожденных детях, а потом в кабачке. Конечно, автор иронизирует над обоими «свободными мыслителями», стесняющимися своего единого порыва и спешащими теперь «в полном согласии» выпить за здоровье тех, о ком они только что молились. Тем не менее именно слова общей молитвы звучат в рассказе как финальный аккорд: «Если я прогневал

тебя неверием и другими многими и тяжкими грехами, то излей на меня, на меня одного, справедливый гнев твой» [3, с. 317]. Если вначале описание расположенных на пятачке земли «построек» вызывало доминирующее чувство кратковременности земного существования, то теперь оно сменяется осознанием мудрости и справедливости Того, кто вершит это бытие. Любовь «всемогущего и всепрощающего» становится главным «рычагом» человеческого бытия [3, с. 317].

Последние три рассказа цикла («Ёлка в капельке», «Московский снег», «Московская пасха») образуют свой подцикл общей тематикой и родственными образами. Несмотря на это, можно с уверенностью говорить о том, что эти произведения органично связаны с предыдущими единой авторской идеей воссоздания сущностных начал в «капельных» картинках. Завершающие цикл миниатюры характеризуются полным погружением сознания в «волшебное, упоительное» детство и «пьяную от весны» юность [4, с. 357-359].

Детские впечатления от рождественской елки, отроческие – от заснеженной Москвы, святочных праздников, от хмельной пасхи проносятся в «ослепительно-пёстром свете» щемящих воспоминаний, сладких переживаний, невозвратных ощущений. «Как переполнены у меня зрение, обоняние, слух и душа!» – восклицает автор; эта «переполненность» зримо проявляется в художественном слове [4, с. 358]. **Сияние прошлого** воистину ошеломляет: здесь и «сверкание, блеск» ёлки, и «золото» кренделей, окороков, «разноцветье» бутылок празднующего города, и «синий, красный, белый, канареечный» цвет пасхальных нарядов [4, с. 356 –359]. **Описание** пахнущей «арбузом, лесом и мышами» ёлочной хвои, «вкрадчивых» ароматов весенней земли и т. д. придают повествованию отчётливый чувственный эффект. Особое внимание уделено обрывкам фраз, микродиалогам, навсегда запечатленным благодарной памятью об ушедшем. Неправильная детская лексика, реплики извозчика, случайно подслушанный разговор «осанистых,

степенных бородачей» добавляют не только трогательности «капельным» зарисовкам, но увеличивают многомерность пространства воспоминаний [4, с. 360].

В трёх финальных рассказах автор уже не является сторонним наблюдателем, сочувствующим или иронизирующим, заинтересованным разносторонними проявлениями человеческой природы. Эмоции, ничем не скрываемые, изливаются здесь единым потоком, выстраивая особую форму свободного повествования, но не создавая при этом впечатления хаотичности. Естественность перепадов настроений от радостно-восторженного до горько-ностальгического вполне закономерна. Она подчеркнута осмыслением бесценного прошлого («Как хорошо жить в этом государстве, в этом великом городе, среди народа, говорящего этим простым и роскошным языком!») и «чужого», «враждебного», «бело-траурного» настоящего [4, с. 357-358]. Знаменательность былых событий Куприн укрупняет акцентированным описанием христианских праздников и связанных с ними освященных традиций.

Формирование художественного мышления писателя в данном цикле иллюстрируется путём целенаправленного проведения определённой идеи и разных способов ее реализации. Ключевыми в мироощущении Куприна всегда являлись категории созидательных добра и любви, о чём, без сомнения, свидетельствует всё его творчество. В процессе «всматривания» в психологию постороннего человека он искал выражения именно этих природных сил, и каждый раз поиск увенчивался (интуитивно или осознанно) сотворением неповторимого характера. Мотив животворного добра интенсивно развивается от рассказа к рассказу. В первом он как будто и не звучит, однако мастерски переданная искренность «короткой, толстой, доброй женщины» (курсив мой – А. Т.) при всей нелепости её действий направляет «рычаг» повествования в нужное русло [3, с. 351]. Во втором рассказе добро иллюстрируется, в третьем – под него подводится философ-

ская база. Средоточием христианской любви представляются «Четыре рычага», вбирая в себя совокупность мотивов предыдущих рассказов и обозначая вектор последующих. Финальные же произведения открывают истоки бережного, любовного отношения к людям, можно сказать, объясняют причины возникновения всего цикла. ДЕТСТВО, ДОМ, ОЧАГ, ЛЮБОВЬ, ТЕПЛО – это те «столпы», на которых держится авторский мир, которые и способствуют созиданию.

Система образов в рассказах, как и сюжетно-композиционная структура, подчинена воплощению заявленной концепции. Герои всех миниатюр (за исключением трёх последних) – знаменитые купринские «белые вороны». Персонажи, резко выделяющиеся из толпы своей необычностью, находятся, тем не менее, в её центре. Они обречены пребывать в окружении «шторма» людских страстей, непонимания, равнодушия, эгоизма, однако вынужденное одиночество оттеняет оригинальные душевные движения каждого из них. Ассоциативные сопоставления, использование языка рук, мимики позволяют очертить в каждой «капле» своеобразный облик героя и на этой основе диагностически определить его глубинную суть.

Десять заповедей Куприна начинающему художнику слова (1905) стали уже давно знаменитостью. Вспомним самые важные

из них, те, что многогранно отобразились в творчестве самого писателя.

– «Если хочешь что-нибудь изобразить, <...> дай сочное восприятие виденного тобой».

– «Не бойся старых сюжетов, но подходи к ним совершенно по-новому, неожиданно».

– «Знай, что, собственно, хочешь сказать, что любишь, а что ненавидишь» [1, с. 172].

Неподражаемый «вкус» купринского слова предопределил успех у читателя на долгие годы. «Вечные» вопросы бытия раскрывались каждый раз непредвиденно силой растущего творческого воображения. Философско-нравственная основа произведений Куприна ощутима всегда – как в большой, так и в малой прозе. В миниатюрах же масштабность идеи при сохранении внешней незамысловатости действия требует особой отточенности мысли и слова, что и являют собой «Рассказы в каплях».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афанасьев В.Н. А.И. Куприн. Критико-биографический очерк. – М.: Худ. лит., 1960. – 208 с.
2. Куприн А.И. Собрание соч.: в 9 т. – Т. 9. – М.: Правда, 1964. – 591 с.
3. Куприн А.И. Собрание соч.: в 9 т. – Т. 7. – М.: Правда, 1964. – 419 с.
4. Куприн А.И. Собрание соч.: в 6 т. – Т. 5. – М.: Худ. лит., 1995. – 510 с.

УДК 82-94

Шмелёва А.В.

Московский государственный областной университет

**ЛИЦЕЙ И ЛИЦЕИСТЫ ПУШКИНСКОГО ВРЕМЕНИ
В ТРУДАХ Я. К. ГРОТА
(К 200-летию со дня рождения выдающегося русского учёного)**

A. Shmeleva

Moscow State Regional University

**THE LYCEUM AND LYCEUM STUDENTS OF PUSHKIN'S TIME
IN Y. GROT'S WORKS**

The 200th anniversary of the outstanding Russian academic

Аннотация. В 2012 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского учёного-лексикографа Я.К. Грота. В историю литературной науки он вошёл как автор фундаментальных исследований о М.В. Ломоносове, Г.Р. Державине, В.А. Жуковском, И.А. Крылове и др. Преподавательская деятельность Грота была связана в 1841-1852 гг. с Гельсингфорским университетом, где он был профессором русской литературы, истории и статистики, вторая половина жизни посвящена «пушкинскому» Лицею. Грот – один из первых авторитетных авторов об истории Лицея и его выпускниках – стал издавать документы и рукописи, относящиеся к пушкинскому времени. Грот опубликовал любопытные материалы о А.С. Пушкине, А.А. Дельвиге, М.А. Корфе, Ф.Ф. Матюшкине, А.Д. Илличевском, И.В. Малиновском, В.Д. Вольховском и др. Его торжественные актовые речи, произнесённые при выпуске воспитанников, отражают историю Лицея, его значение в культуре и просвещении российском, полны воспоминаний о пушкинском времени, проникнуты пафосом отчизнолюбия и гражданской ответственности.

Ключевые слова: Лицей, Пушкин и пушкинская эпоха, старина, традиции, наследие, образование, воспитание, просвещение, историзм, честь, достоинство, благородство, служение.

Abstract. 2012 is the year of the 200th anniversary of the outstanding Russian academic and lexicographer Yakov Grot. In the history of literary science he is known as the author of fundamental study of M. Lomonosov, G. Derzhavin, V. Zhukovsky, I. Krylov. The teaching activity was associated from 1841 to 1852 with the University of Helsinki, where he was a professor of Russian literature, history and statistics. The second half of his life was dedicated to «Pushkin's» lyceum. Y. Grot, one of the first authoritative writers on the history of the Lyceum and its graduates, began to publish documents and manuscripts related to Pushkin's time. Grot published some interesting materials about A. Pushkin, A. Delvig, M. Korf, F. Matyushkin, A. Illichevskiy, I. Malinovsky, V. Volhovskiy and others. His solemn speeches during the students' graduation reflects the history of the Lyceum, his value in culture and Russian enlightenment are full of memories of Pushkin's time and spirit of love to the native land and civil liability.

Key words: Lyceum, Pushkin, Pushkin's era, past, tradition, heritage, education, upbringing, enlightenment, history, honour, dignity, service.

© А. В. Шмелева, 2013.

* Доклад подготовлен для выступления на Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Я.К. Грота. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 27-29 ноября 2012 г.

... Высокие понятия благородства и чести нашей
соединились с именем Лицея
(Я.К. Грот)

Выдающийся учёный, академик Яков Карлович Грот, был связан с Императорским Лицеем всю жизнь: сначала в качестве воспитанника лицейского пансиона, затем лицеиста, а впоследствии – профессора словесности. В 1864 г. в приветственной речи лицейским воспитанникам Я.К. Грот назвал Царскосельский Лицей «лучшим общественным заведением» в России и до конца своих дней преданно хранил его традиции.

Грот получил блестящее образование: в 1823-1826 гг. он обучается в «Благородном пансионе Императорского Царскосельского Лицея» [5], по его окончании, в том же году, как лучший воспитанник, Грот был переведён в Лицей. Через двадцать лет после своего выпуска, в 1825-м, Грот вновь перешагнет порог родного Лицея, уже в качестве профессора словесности. С 1843 года Царскосельский Лицей располагался в Петербурге, по указанию императора Николая I переименованный в Императорский Александровский Лицей.

Будучи лицеистом, Грот застал преподавателей пушкинского времени: учителя математики и физики Я.И. Карцова, учителя чистописания Ф.П. Калинича, профессора словесности Н.Ф. Кошанского. Лицеисты разных поколений увлечённо занимались творчеством благодаря Кошанскому. Кошанский всегда гордился своим первым выпуском. По свидетельству Грота, Кошанский знакомил лицеистов с творчеством Пушкина, и лицеисты «с жадностью читали „Евгений Онегин” и „Полтаву”», хотя, как замечает Грот в статье «Пушкин в Царскосельском Лицее», «старая официальная педагогика не включила» творчество Пушкина в учебные издания, он был «запрещённый плод» [2; с.3]. В «Автобиографических заметках» (1852-1880) Грот признаётся: «...мы поступили в Лицей только через девять лет после выпуска Пушкина и Дельвига: предание о них и их товарищах было так ещё свежо и не могло не иметь

большого влияния на всё наше умственное развитие; любовь к поэзии и попытки в стихотворстве сделались между нами тем более общими, что первый наш профессор по русской литературе – Кошанский – поощрял это направление» [3, т. 5, с. 5-6].

Кошанский преподавал в Лицее с 1811 по 1828 годы. В Лицей он был переведён из Московского университета, где был профессором русской и латинской словесности. Кошанский принёс в стены Лицея университетские литературные традиции, в частности, традиции университетского пансиона. В пансионе царила любовь к словесности, к поэзии, там существовал литературный кружок «Собрание воспитанников университетского благородного пансиона», участники которого издавали рукописные книги – журналы «Распускающийся цветок», «Каллиопа», «Ипокрена», «Детский театр», «Физические и нравственные разговоры», «Приятное и полезное препровождение времени», «Утренняя Заря». Активную литературную деятельность вели кн. В.Ф. Одоевский, кн. П.А. Вяземский, В.А. Жуковский.

Кошанский увлёк первых воспитанников Лицея занятиями поэзией. Известно, Кошанский в самый первый год существования Лицея, судя по воспоминаниям И.И. Пущина, «окончив лекцию несколько раньше урочного часа», обратился к лицеистам: «Теперь, господа, будем пробовать перья: опишите мне, пожалуйста, розу стихами» [7, с. 72]. Пушкин восхитил всех мгновенной импровизацией «Роза» («Где наша роза...»). Уметь слагать стихи считалось признаком хорошего образования. И в некоторых учебных заведениях это весьма поощрялось. Так, А.Д. Илличевский, переведённый в Лицей из Первой петербургской гимназии, уже имел опыт в поэзии и прозе и, как пишет о нём Грот в статье «Царскосельский Лицей», «мечтал о лаврах поэта» [2, с. 56].

Благодаря Кошанскому в Лицее закрепились традиции издавать рукописные журналы и сборники («Лицейский Мудрец», «Жертва Мому», «Стихотворения воспитанников Императорского Лицея», «Лицейская антология, собранная трудами пресловутого “ийший”» и др.). Первенцы Лицея активно включились в новую для них творческую деятельность, при этом Кошанский наставлял своих учеников: «Должно любить труд... Где нет любви, там нет успеха» [4]. Впоследствии Грот сделал лицейские журналы первых воспитанников достоянием российской культуры. Сам Грот в бытность свою лицеистом участвовал в составлении журналов и отвечал за «Лицейский Вестник» и «Муравей», в одном из них была помещена трагикомедия «Мидас». При этом Грот издаваемые им журналы высоко не ценил, они были важным занятием лишь для «упражнения в изложении мыслей».

В «Автобиографических заметках» (1852-1880) Грот признает: «Мы все тянулись за Пушкиным, и хоть ни один из нас даже не приблизился к нему, но рано выработали себе правильный язык и ещё на школьной скамье делали литераторами» [3, т. 5, с. 6]. Пушкин в записке «О народном воспитании», датированной им 15 ноября 1826 г., убеждённо писал: «Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные» [6, XI, с. 46]. Однако для лицеистов это не было праздным развлечением – это было продолжением лицейских традиций. В своей «Речи при выпуске XXI-го курса Императорского Александровского Лицея», который состоялся в 1856 г., Грот обратился к выпускникам: «Дорожите всегда прекраснейшим искусством, которое некогда процветало в Лицее и до сих пор в нём ценится. Не к творчеству в поэзии приглашаю вас – и мысль о нём должна быть далеко от непризванных; – но пусть поэты всех веков и народов, а особенно от-

ечественные поэты продолжают воспитывать ваше эстетическое чувство, согревают ваши души, доставляют вам отраду и утешение в заботах, огорчениях и разочарованиях жизни. Вообще русской литературе законно принадлежит преимущественное право на ваши досуги» [3, т. 5, с. 213].

Во время обучения Грота Пушкин посетил Лицей дважды. В 1828 г. Грот был «поражён самым явлением», тогда он завладел случайно оторвавшейся на лестнице у Пушкина деталью одежды и как драгоценность «долго хранил» потом. В 1831 г. Грот видел Пушкина с «молодою и прекрасною женою», гуляющих по аллеям Царского Села. Однажды он столкнулся с Пушкиным в книжном магазине Диксона, подойти же и представиться Грот не смог – «но не стало у меня духа». Позже встречался на даче у барона М.А. Корфа. Были и другие встречи, но для Грота не столь значительные, как первые три. Грот испытывал «настоящее благоговение» перед Пушкиным, ему «казалось совестным и не завидным попасть в этот круг без всяких прав на внимание», прежде хотелось издать что-нибудь достойное. Пушкина Грот почитал всю жизнь.

В своей статье «Пушкин в Царскосельском Лицее» Грот отмечает: «Память Пушкина дорога для каждого русского, но она вдвойне дорога для питомца Лицея»; «В числе духовных благ, завещанных старым Лицеем новому, едва ли не всех драгоценнее блистающее на скрижалях их бессмертное имя питомца, возвеличившего своими созданиями русского слова, обогатившего достояние своего народа нетленными» [2, с. 1]. Центральное место в истории Лицея в трудах Грота занимает Пушкин. Его личности, литературным и публицистическим сочинениям, историческим трудам и творческим общениям Грот всецело посвящает своё время. В день 50-летия Лицея – 19 октября 1861 года – Грот обратился к поэту: «Благослови ж» – «твой Лицей родимый / И старый вместе и молодой. / Благослови, чтоб цвёл он сенью / Живой науки и труда», дабы – «и обновлённому столетию плоды сторицей принесла».

Не только память о первых лицеистах дорога Гроту, он высоко ценит и личное общение с некоторыми из них. Будучи лицеистом, Грот опубликовал перевод статьи своего профессора И.А. Тиллу («Курс французской литературы Ферри де Пиньи» в «Литературной Газете» барона А.А. Дельвига (1830. Т. I. №29). «Литературная Газета», по признанию уже академика Грота, особенно волновала лицеистов, так как её издателем был «предок наш по Лицею». А в 1838 г., уже по выпуске из Лицея, Грот в течение десятилетия будет публиковаться в журнале «Современник», прославленный именем Пушкина, а в ту пору издаваемый П.А. Плетнёвым, близким знакомым Пушкина. В издательстве у Плетнёва Грот познакомится с «побеждённым учителем» Пушкина – В.А. Жуковским, сыгравшем не последнюю роль и в судьбе Грота.

Долгое десятилетнее сотрудничество Грота с журналом «Современник» начнётся с переводной поэмы Дж. Байрона «Мазепа», выполненной в 1837 г. и опубликованной Плетнёвым через год. «Замолкли громы под Полтавой / Обманут счастьем пылкий швед...» – так начиналась гротовская поэма, словно развивая пушкинский сюжет. Поэму «Полтава» (1828-1829) Пушкин предварил эпиграфом из «Байрона»: «Мощь и слава войны / Как и люди, их суетные поклонники, / Перешли на сторону торжествующего царя» [6, т. V, с. 16]. И вслед за великим современником отдавая дань решительному сражению в Северной войне – Полтавской битве, пришедшейся на 27 июня 1709 г., Грот вкладывает свою лепту в поэтизацию великого события. Это, разумеется, не было соперничеством с Пушкиным, но обращением поэта к своим современникам о значении исторического события в судьбе России. Гротовский перевод выполнен через 130 лет после сражения и через 10 лет после пушкинской «Полтавы».

В 1876 г. в «Русской Старине» Грот помещает свои воспоминания о бароне М.А. Корфе. В этот год Корфа не стало. Корф был сокурсником Пушкина. Судьба свела Грота с

Корфом, по его признанию, «совершенно неожиданно». В 1832 г., начав службу в Комитете министров (при графе В.П. Кочубее), Грот попадает под начальство Корфа, и когда Корфа спустя два года переводят государственным секретарем в канцелярию Государственного совета, он переводит с собой и Грота. И лишь «неодолимое желание вполне посвятить себя учёно-литературной деятельности» [8, с. 423] заставляет Грота после восьми лет службы оставить её. Корф с пониманием отнёсся к жизненному выбору Грота.

Грот обосновывает цель публикации своих воспоминаний о Корфе: «Сведения о главных обстоятельствах жизни таких людей составляют общее достояние» [8, с. 422]. Грот выделяет в личности Корфа прежде всего человеческие качества: гостеприимство, доброту, чуткость, внимание к каждому. Корф, в глазах Грота, редкий образец семьянина; от родительского дома Корф унаследовал патриархальный быт и благочестие; Грот отдаёт должное почтение его матери, Ольге Сергеевне (урожд. Смирновой), которая привила сыну добрые чувства. Грот не случайно уделял внимание столь трогательной материнской теме – перед его глазами всегда был образ его матери – Каролины Ивановны, искренно полюбившей Россию и научившей этой любви своих детей. Завет, оставленный Гротом лицейским воспитанникам «Служить по совести Царю и Отечеству» [3, т. 5, с. 216] восходит к родительскому слову. Вспоминая свои лицейские годы, Грот признаётся: «В первые годы моего пребывания в Лицее я, хотя по религии и протестант, по духу и языку был более русский, нежели немец; в старшем курсе я, не переставая признавать Россию своим отечеством, научился, однако ж, ценить своё германское происхождение в отношении к языку и науке. Но вместе с некоторыми из моих товарищей живо уже сочувствовал современной русской литературе» [1, с. 199].

Грот высоко ценит Корфа как начальника, справедливого, порядочного, умного. Государственные заслуги Корфа Грот не затраги-

вайт – они, по его глубокому убеждению, очевидны для современников, равно и заслуги в русском просвещении (на поприще директора Императорской публичной библиотеки). Но что Грот особенно отмечает в личности Корфа, так это его неизменный интерес к русской литературе: ни одно произведение не ускользало от внимания Корфа, он всегда читал лучшие русские журналы; «успевал знакомиться и с любопытнейшими явлениями иностранных литератур». Грот выделяет в личности Корфа его сосредоточенность и внимание к деталям. Корф «находил досуг в продолжение нескольких десятилетий вести дневник». Корф, по высочайшему поручению, писал различные исторические труды, среди которых – биография М.М. Сперанского. Анализируя труд Корфа, Грот позволяет себе не согласиться с некоторыми положениями биографа, при этом книга «составляет одно из драгоценнейших приобретений русской литературы 60-х годов, не только по обилию и новости сведений, ею распространённых в обществе, но и как памятник нового духа, повеявшего на Россию с первых лет царствования Александра II». Грот убеждён: образ Корфа навсегда останется «в исторической галерее русских деятелей...».

В 1856 г. в «Речи при выпуске XXI-го курса Императорского Александровского Лицея» Грот обратился: «Отечеству нужны бескорыстные поборники правды, нужны мужественные воины на поле чести гражданской: становитесь же твёрдо в ряды тех воинов, под светлые знамена этой прекрасной борьбы: вам даровано государством образование для того, чтобы вы верой и правдой служили государству» [3, т. 5, с. 215]. Каждая речь академика Грота словно вдохновлялась образами первых воспитанников Лицея. Такой героической личностью для Грота был адмирал Ф.Ф. Матюшкин. Грот был знаком с Матюшкиным, дорожил общением с этим скромным и великим человеком.

В 1840 г. в «Современнике» Гротом было опубликовано «Путешествие Русского Флота лейтенанта фон Врангеля» (Отдельным изда-

нием вышло в 1841 г.: Врангель Ф., фон. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершённое в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией, состоявшей под начальством флота лейтенанта Фердинанда фон Врангеля. СПб.: Тип. А. Бородин и Ко, 1841). Оно было известно в Европе (Англии, Германии, Франции), а вот в России благодаря Гроту. В «Путешествии...» раскрывается природа севера, обычаи, характер и нравы якутов, тунгусов, чукчей, жителей Колымы. Сочинение представляет этнографическую и художественную ценность. Спутником лейтенанта Врангеля был мичман Матюшкин. Грот дорожил и той оценкой, какая была дана Матюшкину Пушкиным: «... С лицейского порога / Ты на корабль перешагнул шутя, / И с той поры в морях твоя дорога, / О, волн и бурь любимое дитя!» [6, V, 425]. Глазами Пушкина Грот смотрит на его однокурсников.

К 1841 г. Грот был уже обладателем ценнейшего рукописного наследия пушкинского Лицея. В 1833 г. в руки Грота попала лицейская тетрадь, её хранил «лицейский староста» М.Л. Яковлев, а передал Гроту барон Корф. Грот потрясён. Сколько таланта! С этого времени Грот собирает лицейский архив, прежде всего, самые разные документы, письма, автографы первых лицеистов, их изучает, комментирует, публикует. Его оценке подлежат и выходящие об истории Лицея сочинения И.Я. Селезнёва (1861), В.П. Гаевского (1863), П.В. Анненкова (1874).

Грот исследует автографы лицеистов. И это позволяет ему не соглашаться порою с положениями первых историков Лицея об авторстве лицейских текстов. Так, в одном из лицейских стихотворений преподаватель Лицея Карцов увековечен как «тучный» и «злоречивый». Историки Лицея закрепили авторство за Пушкиным. Грот оспаривает это утверждение, он анализирует почерк воспитанников – и аргументированно признаёт авторство за Илличевским. В заметках для комментария к сочинениям Пушкина Грот цитирует высказывание одного из

лицеистов, Анненков доказывал, что в нём Пушкин разумел самого себя («никто не приветствовал вдохновенного юношу (Дельвига. – А.Ш.), между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой мягкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхваленны и прославлены как некоторое чудо»). Грот принципиально не согласен: текст принадлежит руке Илличевского. Грот позволяет себе не согласиться с Анненковым и тогда, когда последний пишет о том, что занятия в Лицее проводились мрачно, некачественно. Грот признаёт, что формальная часть исполнялась плохо, но «зато бойко работали внутренние силы пружины, приводимые в движение духом времени, исключительными обстоятельствами и присутствием нескольких недюжинных личностей» [2, с. 35].

От Д.Н. Замятина, также бывшего лицеиста, Грот получает тетрадь лицейского времени. После её изучения Грот приходит к выводу, что написана она рукою Матюшкина, кроме последнего стихотворения, в котором Грот определил руку Илличевского, причём в последнее время его пребывания в Лицее. Относительно писем Илличевского за 1812 г. Грот замечает: они написаны нетвёрдым, почти детским почерком; с 1814 г. (за 1813 г. писем нет) почерк Илличевского похож на почерк Пушкина, так что трудно определить, кому принадлежит автограф. Грот предполагает: Илличевский старался подражать руке своего «учителя» – Пушкина. В бумагах Грота есть список имён русских писателей за 1841 г., составленный Плетнёвым, по нему последний преподавал цесаревичу Александру Николаевичу русскую литературу. С 1852 г. Грот был назначен преподавателем словесности к Великим князьям Николаю и Александру Александровичам. Грот расширил список Плетнёва именами литераторов, которые входили в окружение Пушкина, в этом списке значится и имя Илличевского. С уверенностью можно утверждать о том, что и цесаревич, и сам император были знакомы с творчеством поэтов пушкинского круга.

Письма Илличевского – особый предмет рассмотрения Грота. Грот не оставил об Илличевском отдельной работы, специального исследования, такой как, например, о Корфе, Малиновском, Вальховском, Матюшкине. Но постоянные обращения к письмам Илличевского, его отзывам рассыпаны почти в каждой работе Грота о Лицее, даже тогда, когда Грот создаёт портрет юного Пушкина. Грот публикует письма Илличевского, который во время своего обучения в Лицее переписывался со своим приятелем по гимназии – П.Н. Фуссом. Эти письма – ценнейший источник по истории быта и нравов первенцев Лицея, их литературных вкусов и симпатий.

Характеризуя лицейскую старину, Грот находит в ней достоинства, которым первые историки Лицея не придали значения. Так, Грот поддерживает само название «национальных песен» лицеистов. Грот приводит письмо Илличевского Фуссу, в котором лицеист сетует на графа С.С. Уварова, пригласившего из Вены Ф.М. Гауэншильда преподавать немецкую литературу на французском языке, и Грот поддерживает позицию юного лицеиста, что данное решение было «не во благо русскому юношеству». В другой работе Грот высказывает свою позицию относительно деятельности Уварова в Академии: Уваров, по глубокому убеждению Грота, покровительствовал немецкой науке в ущерб российской.

И хотя Грот заявил о том, что его исследование лицейского творчества воспитанников – это лишь заметки будущему пушкинисту, тем не менее, именно в работах Грота дана принципиальная научная методология, основанная, в первую очередь, на его текстологическом опыте.

Труды Грота имеют огромное значение для истории культуры всего XIX столетия. Они стали научно-практической базой для следующих поколений исследователей лицейской старины – Н.А. Гастфрейнда, Д.Ф. Кобеко и князя Олега Константиновича Романова, который продолжит дело Грота по изданию документов Лицея – рукописей Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811-1817). Бумаги I курса, собранные академиком Я.К. Гротом. СПб.: «Академический проект», 1998. - 108 с.
2. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы Я. Грота. Изд. 2-е, доп., с приложением неизданного письма Пушкина / Под ред. проф. К.Я. Грота. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1899. - 316 с.
3. Грот Я.К. Труды Я.К. Грота: В 5 т. / Под ред. К.Я. Грота. - СПб., 1899-1903. Т. V: **Деятельность литературная, педагогическая и общественная.** Статьи, путевые впечатления, заметки, стихи и детское чтение (1837-1899). - СПб., 1903. - 628 с.
4. Цит. по: Добровольская Е. Кошанский Николай Федорович (1781-1831) // Царскосельская Газета №15 (9920) 14-20 апреля 2011 г.
5. Проект подготовительного учебного заведения разработан министром народного просвещения графом А.К. Разумовским в июле 1812 года, 27 января 1814 года состоялось торжественное его открытие. История Пансиона отражена в одной из первых книг о нем, См.: Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1815-1829. - СПб. - 1869. Грот был убежден, что автором данного труда является серебряный выпускник 1825 года Н.С. Голицын.
6. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. / Ред. комитет: М. Горький, Д.Д. Благой, С.М. Бонди, В.Д. Бонч-Бруевич, Г.О. Винокур, А.М. Деборин, П.И. Лебедев-Полянский, Б.В. Томашевский, М.А. Цявловский, Д.П. Якубович. - М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
7. Пущин И.И. Записки о Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. Изд. 3-е., доп. - СПб., 1998.
8. Русская Старина, 1876. - Т. 15. - № 2.

Публикации аспирантов

УДК 82.09. Русская литература XX века. /10.01.01

Гаганова А.А.

Литературный институт имени М.Горького (г. Москва)

КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ХУДОЖЕСТВЕННОМУ ПОРТРЕТУ ГЕРОЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО РОМАНА

A. Gaganova

M. Gorky Institute of Literature

CLASSIFICATION APPROACH TO THE INDUSTRIAL NOVEL'S CHARACTER'S IMAGE

Аннотация. В статье рассматривается возможность классификационного анализа образа героя производственного романа. Среди ведущих факторов, оказывающих влияние на формирование художественного портрета героев, названы – советская литературная критика, социальный очерк, политическая конъюнктура. Проанализирована эволюция образа героя в корреляционной связи литературного портрета с историей экономики страны, от индустриализации первых пятилеток и престижа металлургических специальностей до дифференциации рабочих специальностей в годы «оттепели» и престижа наукоёмких технологий.

Ключевые слова: производственный роман, художественные портреты производственных лидеров, советская литературная критика, социальный очерк, политическая конъюнктура, «реалистическая типизация», «плакатная мифологизация», личностная профессиональная самореализация.

Abstract. The article deals with the possibility of classification analysis of the character in an industrial novel. Among the leading factors influencing the evolution of the character's image are the soviet literary criticism, social essay and political environment. The evolution of the character has been analysed in correlation of the character's image to the history of country's economy, from industrialization of the first five-year plans and prestige image of the metallurgic professions, to differentiation of the labour professions in "thaw" period and prestige of the science-driven technologies.

Key words: industrial novel, artistic portraits of the industrial leaders, soviet literary criticism, social essay, political environment, "realistic typification", «poster mythologization», professional self-actualization.

Научной проблемой, определившей задачи нашего исследования, является художественный кризис жанра производственного романа, (далее – ПР), характеризующийся большим количеством стереотипных сюжетов и произведений, обладающих низким уровнем психо-

логизма. С целью поиска каузальных основ художественного кризиса жанра ПР поставим задачу системного анализа художественных портретов героя ПР в лонгитюде жанра.

Сегодня проблема жанрового кризиса ПР остаётся практически неизученной, поскольку, в силу прямой генетической зависимости этого направления от политической конъюнктуры, литературоведческая критика советского времени носила характер публицистики, но не научного анализа. Однако ПР заслуживает самого пристального научного внимания, имея безусловную историческую ценность, как жанровый феномен.

Современные исследователи, анализирующие русскую литературу XX века, касаются прежде всего специфики «соцреалистического канона» [5], не углубляясь в исследование такого жанра, как ПР, априорно считая это направление низкохудожественным и потому не заслуживающим научного исследования. Однако, на наш взгляд, эта априорность не вполне корректна, поскольку в жанре ПР были созданы литературно удачные, сопровождающиеся яркими спорами произведения таких художников слова, как Л. Леонов, Н. Ляшко, А. Малышкин, Ю. Крымов, В. Кочетов, В. Дудинцев, Г. Николаева. Нашей задачей является системный анализ литературных портретов ПР с целью поиска механизма эволюционного кризиса жанра. Для этого нами обработан большой материал художественных произведений жанра ПР, и на его основе создан оригинальный классификационный подход к литературным портретам героев.

1. Объёмность и плакатность в образе героя

Анализируя литературные портреты ПР, можно обнаружить два изобразительных полюса, на одном из которых герой художественно цельный (схематичный, «плакатный»), а на другом – объёмно-противоречивый. «Воспитательная функция» канонического ПР предполагала, что положительный герой представляет собой мифологизированный, «плакатный» образ, на который следует равняться. Политическая

идеализация образа положительного героя позволяет исследовательнице К. Кларк вводить термин «вербальной иконы»: «Литературный портрет соцреалистического героя был фактически проекцией политического портрета политического лидера в стране, его уменьшенной копией» [5, с. 575]. Однако уже в раннем ПР появляются достаточно сложные художественные характеры, мы будем в этом случае говорить об объёмности образа героя в противовес «плакатному» характеру.

Таков, например, владелец кондитерской фабрики Харитон Воскобойников. (Н. Ляшко, «Сладкая каторга»). Этого фабриканта нельзя в духе соцреализма назвать «проклятым буржуином», в фабриканте Воскобойникове есть целеустремленность, профессиональное экономическое образование, деловая хватка, пытливый ум, лидерская ответственность, способность идти на просчитанный риск при расширении производства. Одновременно Воскобойников хитёр и скрытен, изворотлив, жесток с конкурентами, льстив с покровителями. Эти личностные характеристики создают многомерный образ директора кондитерской фабрики.

«Смешны были те, кто злословил, будто он, Воскобойников, хочет казаться умным, и толстыми книгами только украшает свой дом. Наоборот, он в противовес жене и тем, кто злословил о нём, легко и без иностранных слов мог говорить об очень сложных вещах. А злословили люди о нём потому, что он носил, как черепаха - панцирь, кору нарочитой неотёсанности и употреблял всякого рода деревенские «ужотко», «давесь», и вслух гордился этим – мы, фабриканты, из простых мужиков! А про себя, вслушиваясь в разговоры образованных, подсмеивался над ними и думал «экие свиристелы! И какого шута вас в университетах квасили?» [9, с.10].

Деловая хватка Харитона Воскобойникова напоминает нам другого многомерного героя раннего ПР, из «Соти» Л. Леонова, производственника Сергея Потёмкина.

«Пропадающее изобилие лесов и людей здешних, не вовлечённых никак в хозяй-

ственный кругооборот страны и надоумило Сергея Потёмкина заказать знающим людям эскиз-проект небольшого бумажного предприятия. (...) Потёмкин волновался. Потёмкин торопил с предварительным обследованием, ночей не спал Потёмкин, смущаемый гибнущими богатствами края, сам уроженец Солонги, юность до солдатчины проработавший на сплаве...» [7; с. 50].

Итак, наряду с “плакатными” художественными портретами героев (В. Катаев “Время, вперед!”, Ф.Г. Ладков “Цемент”, В. Кетлинская “Мужество”) уже в раннем ПР мы видим и многомерных, противоречивых персонажей, вызывающих у читателей сложный букет чувств. Романы Л. Леонова “Соть”, Н. Ляшко “Сладкая каторга” большинством критиков признавались как высокохудожественные.

2. Герой статичный и динамичный

Моральный выбор героя способен его литературный портрет изменить до неузнаваемости, вплоть до образа антагониста. Таковы метаморфозы, к примеру, образа Тани Завьяловой (Н. Ляшко, “Сладкая каторга”), которая из мстительной фурии превращается в образцовую жену. А “галантливый передовик производства”, мастер-кармельщик Степан Шевардин, оказывается подлецом и предателем. Герой романа А. Малышкина “Люди из захолустья” столяр Иван Журкин, изначально приехавший на Красногорский комбинат исключительно ради денег, неожиданно обнаруживает на заводе свою профессиональную самореализацию. Для героев ПР периода “оттепели” характерна обратная тенденция, меркантилизм, прагматизм. В рутине заработка и будничной ловли трески и селёдки молодые моряки из “Трёх минут молчания” Г. Владимова постепенно теряют всю радость морской романтики. Однако большинство героев канонического ПР отличаются статичностью образа. Отсюда и стереотипность сюжетов ПР, ограниченность драматургии, известный “схематизм”.

3. Лидер и его место в трудовом коллективе

Героев ПР можно анализировать по месту в производственном коллективе. Возможен, к примеру, одинокий лидер (Иван Увадьев, “Соть” Л. Леонов). Или же, лидер, резко превосходящий по социальному статусу своих подчинённых (министр тяжелой промышленности Онисимов, “Новое назначение” А. Бек). Возможен лидер, в разных системах координат проявляющий себя как, соответственно, “позитивный” либо “негативный” персонаж (Дмитрий Бахирев, “Битва в пути”, Г. Николаева). Может быть лидер-антагонист, или, в терминологии А. Митты, “андердог” [10, с. 80], который добивается успеха, но с точки зрения обывателя, его жизнь – цепь постоянных конфликтов. Образ “андердога” можно увидеть в Дмитрие Лопаткине, только у самого В. Дудинцева (“Не хлебом единым”) герой ассоциируется со строптивой рыбой, идущей против течения.

“Как же ты сумел прорваться к министру? – Спрашивали эти умные, живые глаза. “Павел Иванович, смотрите, а ведь это лосось!” – Сказал Дроздов одобрительно. – “Лосо-ось, – Согласился Шутиков, обнимая Дмитрия Алексеевича, и сияя ему прямо в глаза своей золотой улыбкой. – Ну что же, пойдём ко мне?” [2, с.239].

Для ранних ПР характерен феномен “коллективного героя”, автором создан людской конгломерат, в котором мелькают разнообразные, но не подкреплённые художественными портретами фамилии героев. Для характеристики персонажей автору оказывается достаточно дефиниций, выраженных множественным числом. «Подошли новые. Столпились. В лаптях, босиком, в спецовках, без спецовок, в башмаках. Русые, вымывшиеся, грязные, в зеленоватой муке цемента, как мельники. Горластые, тихие, в майках, в футболках, в рубахах. Ханумовские, ермаковские, разные, но все молодые, все с быстрыми блестящими глазами» [3, с. 264]. Очевидно, что этот литературный приём автор использует для реализации такой политической за-

дачи посредством художественного слова, как воспитание чувства коллективизма.

Описательные дефиниции персонажей вместо их психологических портретов встречаются и в «Дне Втором» И. Эренбурга: «Здесь были украинцы и татары, пермяки и калуцкие, буряты, черемисы, калмыки, шахтёры из Юзовки, токари из Коломны, бородастые рязанские мостовщики, комсомольцы, раскулаченные, безработные шахтёры из Вестфалки или Силезии, сухаревские спекулянты и растратчики...» [14, с. 153].

4. Реалистичная типизация и плакатная мифологизация

Выделим два ведущих приема для работы с фактурой при создании литературного портрета – художественно реалистичной типизации и “плакатной” мифологизации. Здесь уместно вспомнить слова исследовательницы Катарины Кларк о “вербальной иконе” портретов соцреализма [5, с. 570] и “политической притче” соцреалистического романа. Согласно этому художественному принципу создания литературного портрета (по К. Кларк) герой соцреализма представляет собой идеализированный характер человека, идущего в своём личностном развитии от стихийного к сознательному. На наш взгляд, основой для подобной “плакатной” мифологизации является легенда о Данко горьковской Песни и мифический образ Прометея.

Однако на другом полюсе этой условной шкалы – типизированный реалистичный характер. Примерами подобных образов можно назвать героев романа Н. Ляшко “Сладкая каторга” и его повести “Доменная печь”, героев А. Малышкина “Люди из захолустья”, героев романа Г. Николаевой “Битва в пути”. Во всех этих случаях развитие сюжета определяет проявление типологии личности, её эмоционально-волевой и интеллектуальной сферы, история отношений между людьми, а не история стройки, претендующая на сюжетный центр.

Сравним сюжетные конфликты у трёх авторов: Н. Ляшко, Ю. Крымова, Г. Николаевой. Перед нами – любопытнейшая переключ-

ка сюжетов, в которой видны родственные психотипы, схожие характеры, что и даёт возможность разным авторам для реалистической типизации. Отметим гигантский разрыв в написании этих произведений: с 1925 по 1955 г. Все героини в цитируемых отрывках стремятся к благополучию, достатку, стабильности, в то время как все герои – к профессиональной самореализации, ради которой они идут на риски, ситуацию неопределённости. Конфликт психологических ценностей в семье развивает пружину действия.

“Стал рассказывать, какая у меня горячая работа. Вижу, не слушает она, слова мои жене горше редьки. Сидит, ест меня глазами, как злой офицер – солдата. – “Получаешь сколько? В пайке что дают? (...) Приехали, так он не поздоровался – убежал! Завод дороже ему! (...) Другие вон кофеи с маслами-сырами пьют, дома загребли, в шелка оделись, в автомобилях катаются. А мне что? Шиш с маслом? (...) Все для людей делал? Ну и целуйся с ними! (...)” [8, с. 218].

“Мне кажется, Саша, у тебя никогда не будет в жизни удачи! Тобой затыкают дыры, а ты говоришь, что это аврал и доволен”. (...) Он притянул ее к себе и погладил по волосам, но Муся упрямо отстранилась. – “Саша, другие поступают иначе. Я хочу, чтобы ты преуспевал в жизни. (...) Твой аврал затянулся, – говорила Муся шутливо, но с жёлчной обидой” [6, с. 50].

“Катя плакала. Всегда неслышная, спокойная, довольная. – “Катя! О чём ты плачешь?” – “Мне так тяжело! Я тут так одинока! (...) Что же это, Митя? (...) Надо уступать! Тут свои обычаи! (...) В эти часы, очень трудные для Бахирева, ребёнок оказался ближе и мужественнее сердцем, чем взрослая женщина! Возле неё, у себя дома Дмитрий почувствовал одиночество. Ни желания помочь, ни стремления понять не было в словах жены, а лишь желание сохранить привычный покой, благополучие, достаток (...) Она всегда говорила, что “живёт им” но как можно было из года в год “жить им” и ни на миг не заинтере-

соваться его металлом, производством, техникой, всем, что составляло смысл его жизни? Нет, жена не жила им! Она жила “возле него” [11, с. 218].

5. Личностная и социальная мотивация в поведении героя

Отметим, что ПР представляет собой жанр, в котором социальная функция играет особенно значимую роль в создании литературного портрета героя, именно об этом подробно говорит А. Янов. [15, с. 212]. Важно учитывать критерии, заложенные автором в портрет героя, а именно, психологические свойства личности, или же “социально значимые” функции. Вариантами социального противостояния могут быть конфликты: идеология социалистической и капиталистической экономик (“Человек меняет кожу” Б. Ясенского), конфликт новатор–консерватор (“Время, вперед” В. Катаев), противостояние “строителей социализма”- идейным предателям (В. Кетлинская, “Мужество”).

Возможно и другое сюжетное решение, основывающееся на типологии личности. В этом случае становится возможна драматургия противостояния ценностей; творчески-профессиональной самореализации и карьерно-номенклатурной одержимости, как, например, у Д. Гранина (“Искатели”, “Зубр”, “Иду на грозу”), В. Дудинцева (“Не хлебом единым”) и у Г. Николаевой (“Битва в пути”). В данном случае многообразие произведений ПР следует анализировать по типу личностной мотивации героя. Она носит либо социально-значимый, либо индивидуально-психологический характер.

В ранних ПР личностная самореализация для героя тождественна социальному престижу профессии. Эпоха первых пятилеток и индустриализации – это и эпоха престижа рабочей специальности на фоне уходящей в прошлое “аграрной царской России”. Так, у героев И. Эренбурга в ПР “День второй” отчётливо видно, что статус “рабочего человека” был выше крестьянина. «Одни из них надрывались, чтобы получить леденцы к чаю или отрез на штаны. (...) Четвёртые мечтали

выйти в люди, стать обер-мастером, попасть на курсы в Свердловск, поменять кирку и кувалду на портфель красного директора. Пятые боготворили завод. Машины для них были живыми...» [14, с. 169].

Однако, уже к эпохе “оттепели” социальный статус “рабочего” начинает терять престиж, уступая место человеку умственного труда, учёному. Теперь герой стремится к комфорту, достатку, семейному благополучию. В повести Г. Владимова “Большая руда” шофёр Виктор Пронякин приезжает на карьер “обустроиться” и с ироничным презрением отзывается о тех, кого вдохновляет горнодобыча. Рабочий Пронякин даже подыскивает своей жене “денежное местечко” и пишет ей соответствующее письмо.

“Дорогая моя женулька! – вывел Пронякин с сильным наклоном влево и аккуратными закорючками, – Можешь считать, что уже устроился. Дали пока что старый “МАЗ” (...) Есть такая надежда, что и комнатёшку дадут, хотя здесь многие нуждающиеся. А я бы лично, если помнишь наш разговор на эту тему, своей бы хаты стал добиваться. Хватит, намыкались мы у твоих родичей, да и они над нами вдоволь поизгалялись...” [1, с. 21].

В романе “Жажда” Ю. Трифонова многие герои также работают на карьере исключительно ради денег, как например, эскаваторщик Нагаев. Никаких “высоких” идеалов и возвышенных целей участия в строительстве новой страны, как это было у героев раннего ПР, у героев, подобных Нагаеву, нет.

“Есть такой эскаваторщик, Нагаев... Так вот, я у Нагаева спрашиваю, “Зачем, говорю, вы себя так дьявольски изнуряете?” – Ведь работают, они, звери, без выходных, и ночей не спят, жадность к этим самым кубам – лютая. – А что ж, говорит, пока рубль длинный, теряться не приходится. Понятно? У него, ребята сказали, тысяч примерно сто двадцать на книжке! – Деньги не ворованные, зазорного ничего нет!” [13, с. 91].

В большинстве ПР стройка является основной сюжета, а герои служат лишь фоном. И не случайно Н. Лейдеман определяет ПР

как “жанр, в котором человек рассматривается прежде всего в свете его рабочих функций.” [12, с. 30]. Исключение из правила, когда история личности звучит на фоне истории производства (“Сладкая каторга” Н. Ляшко, “Битва в пути” Г. Николаевой) крайне редки, но именно эти произведения оказываются подлинно художественными, выдерживают проверку временем.

В том случае, когда автор обращается к “вечным” проблемам, имеющим яркое эмоциональное наполнение (любовь, верность, взаимопомощь, дружба), демонстрируя силу характеров героев, противостоящих превратностям судьбы, читательские симпатии оказываются наиболее устойчивыми, а роман – долговечным.

Выводы.

1. Низкий психологизм образа героя в ПР проявляется на протяжении всей эволюции жанра, с 20-х по 60 гг., что обусловлено политико-социальной функцией жанра, преобладающей над художественной. Проблема поиска образа положительного героя ПР, оказавшаяся для жанра не разрешённой, коррелируется с проблемой художественного портрета отрицательного героя, эстетически неразвитого в силу политической конъюнктуры советской эпохи.

2. Негативное влияние критики в жанре ПР проявляется в неадекватной интерпретации художественных образов ПР со стороны литературоведов, предписывающих жанру публицистические функции. Влияние социального очерка эпохи Н. Хрущева на литературные портреты героев ПР выражается в их “измельчании”, упрощении личностных задач, вытеснении героической мотивации житейско-рутинной. Одновременно происходит падение престижа социального статуса рабочего, который из “героя дня” (как в годы индустриализации), становится “вторичной” профессиональной категорией, проигрывая новому герою дня – учёному.

3. Для жанра ПР художественно удачными оказываются литературные портреты героев, которые психологически объёмны, про-

тиворечивы, создаются по алгоритму “реалистической типизации”, противоположной “плакатной мифологизации”. Реалистичный персонаж занимает в сюжетных коллизиях роль героя-антипода по отношению к персонажу, негативный портрет которого создаётся на основании морально-личностных (а не только производственных) характеристик. При этом производство (стройка, завод) для художественно яркого и психологически объёмного героя служит инструментом личностной профессиональной самореализации, а не только заработка. К сожалению, все эти художественные особенности стали огромной редкостью для жанра ПР, оказавшись несовместимы с политической конъюнктурой и соцреалистической критикой.

ЛИТЕРАТУРА.

1. Владимов Г.Н. Большая руда: повесть. – М.: Сов. Россия, 1962. – 136 с.
2. Дудинцев В. Не хлебом единым. – М.: Современник, 1979. – 416 с.
3. Катаев В.М. Избранное. – М.: Худож. лит., 1989. – 528 с.
4. Кетлинская В.К. Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. Мужество: роман. – Л.: Худож. лит., 1978. – 663 с.
5. Кларк К. Положительный герой как вербальная икона // Соцреалистический канон. – СПб., 2000. – С. 569-584.
6. Крымов Ю. Танкер “Дербент”, повесть // Ю. Крымов, Танкер “Дербент”, “Инженер”. – Лениздат, 1976, – 350 с.
7. Леонов Л.М. Собр. соч. В 9 т. Т. 4. Соть : роман. Саранча : повесть. – Л.: Гослитиздат, 1961. – 394 с.
8. Ляшко Н. Сладкая каторга : роман. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Гослитиздат, 1935. – 384 с.
9. Ляшко.Н. Доменная печь, повесть. – М., Сов. писатель, 1949, – 276 с.
10. Митта А.Н. Кино между адом и раем: кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Курасаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому... – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ : Зебра Е, 2008. – 505 с.
11. Николаева Г. Собр. соч. В 3 т. Т. 2. Битва в пути: роман. – М.: Худож. лит., 1987. – 671 с.
12. Русская литература XX века, 1917-1920-е годы: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования. В 2 кн. Кн. 2 / [Н. Л. Лейдерман и др.]; – М.: «Академия», 2008 – 688 с.
13. Трифонов Ю. Утоление жажды. – М.: Худож. лит, 1967. – 382 с.

14. Эренбург И. День второй: роман. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1934. – 255 с.
15. Янов А. Движение молодого героя. Социологические заметки о художественной прозе 60-х годов // Новый мир. – М., 1972. – № 7. – С. 232-261.

УДК 82.091

Жильцова Е.А.

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

**МОТИВЫ РОМАНА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В НОВЕЛЛЕ «СЫН» И РАССКАЗЕ
«ДЕЛО КОРНЕТА ЕЛАГИНА» И.А. БУНИНА**

E. Zhiltsova

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

**THE MOTIVES OF THE NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»
BY F. DOSTOEVSKY IN THE NOVEL «THE SON» AND THE STORY
«THE ELAGIN AFFAIR» BY I. BUNIN**

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия русской классической литературы писателем-эмигрантом «первой волны». В частности, проанализированы художественные связи новеллы «Сын» и рассказа «Дело корнета Елагина» Бунина с традицией романа «Преступление и наказание» Достоевского. Показано, как сюжет романа трансформируется в произведениях о любви-катастрофе. Несмотря на отсутствие прямых отсылок, в бунинской рецепции Достоевского ориентация на классика, его героев и полемика с ними не подлежат сомнению.

Ключевые слова: русская классическая литература, литература Русского Зарубежья, рецепция Достоевского, традиции романа Достоевского, творчество Бунина.

Abstract. The article considers the problem of perception of the Russian classical literature writer and emigrant of the «first wave». In particular, it analyses art relationships between stories «The son» and «The Elagin affair» by Bunin and the tradition of the novel «Crime and punishment» by Dostoevsky. The author shows the transformation of the plot of the novel in the works about love-catastrophe. Despite the lack of direct reference, in Bunin's reflection of Dostoevsky, his orientation on the classical author, Dostoevsky's characters and debate with them raise no doubts.

Key words: Russian classic literature, Russian foreign literature, reflection of the prose by Dostoevsky, tradition of the novel of Dostoevsky, creative works of Bunin.

Исследователями определено, что отношение Бунина к личности и творчеству Достоевского было сложным: «словесное искусство <...> сам художественный облик его творчества Бунину были во многом чужды», но он признавал «Достоевского-мыслителя» [13, с. 208].

Бунин использует мотивы романа «Преступление и наказание» в текстах дореволюционного периода и созданных им в эмиграции в 1920-1940-е гг.

Один из самых «приметных» спутников «Преступления и наказания» в бунинском творчестве – рассказ «Петлистые уши» (1916 г.). Связь подчеркнута автором в самом тексте, и проблема рецепции наследия Достоевского в прозе Бунина преимущественно изучается на его материале [1; 5; 8; 10; 12-13].

Исследований, посвящённых выявлению традиций романа «Преступление и наказание» в произведениях Бунина о любви-катастрофе (в основе сюжета – убийство женщины любимым человеком), не проводилось.

Обратимся к наиболее показательным в этом смысле текстам Бунина: новелле «Сын» (1916 г.) и рассказу «Дело корнета Елагина» (1925 г.). Произведения объединяет странная близость

любви и смерти, когда убийство predetermined самой женщиной.

Новелла, написанная на французском материале, сюжетно и идейно близка созданному в том же году рассказу «Петлистые уши», связанному с трагическими страницами жизни в России. Полемическое обращение Бунина к роману «Преступление и наказание» критически воспринятого им Достоевского именно в этот период В.А. Туниманов объясняет резко обострившимся у него с началом мировой войны предчувствием перелома [13, с. 224]. Работа над «Делом корнета Елагина» шла в первые годы эмиграции, когда, как отмечает Н.П. Евстафьева, интерес Бунина к онтологии жизни «становится определяющим фактором как отбора материала, так и поиска соответствующих форм его художественного осмысления» [4, с. 330].

В «Сыне» время действия указано точно – январь 1890 г. В этом же году, как свидетельствуют документы, в Варшаве поручиком Бартеневым было совершено убийство актрисы Висновской. Как и в «Петлистых ушах», Бунин пошёл по пути, традиционно для Достоевского: сведения об уголовном деле, почерпнутые им в газетной хронике, послужили сюжетом для написания «Дела корнета Елагина» [11, с. 689].

Смерть бунинских героинь наступает при схожих обстоятельствах: после сближения с госпожой Маро Эмиль стреляет в неё по её же собственной просьбе («Сын»), корнет Елагин исполняет «приказание» [2, с. 406] артистки Сосновской. Оба преступника молоды (Эмилю 19 лет, Елагину – 22 года), их возлюбленные старше (госпожа Маро по возрасту годится Эмилю в матери, у артистки с корнетом разница в возрасте не так велика – шесть лет), оба признаются в содеянном и находятся под следствием.

О.Н. Михайлов полагает, что «неумолимой причиной» убийств в указанных произведениях Бунина становится страсть, трагически подчиняющая человека своим слепым силам [6, с. 151]. Попытка объяснения трагедийности взаимной любви в «психологи-

ческой новелле» «Сын» содержится в работе З.В. Недодировой. [7]. Изучению истоков любовной драмы в «Деле корнета Елагина» (в различных аспектах) посвящены публикации О.В. Сливицкой [12, с. 211-215], Н.П. Евстафьевой [4], А.М. Грачевой [3].

Наше мнение состоит в том, что новелла и рассказ Бунина восходят к «Преступлению и наказанию», трансформация сюжета классического романа в них определена мироощущением писателя.

Елагин не мог вступить в брачный союз с женщиной не своего социального круга, иной национальности (Сосновская – полька), религии. Эмиль, втянувшийся в порочную связь с замужней дамой, тоже не мог дойти до заключения брака. Для госпожи Маро в новелле смерть (её и молодого любовника) – естественный и единственный, по её представлению, выход из ситуации. Не случайно Бунин пронизывает всё повествование «Сына» лейтмотивом смерти, начинающим звучать уже в первых абзацах новеллы. Первое появление Эмиля и его знакомство с госпожой Маро происходит на похоронах его только что обрученной сестры. «Блаженное безволие как бы предсмертных минут», испытанное ею под гипнозом [2, с. 78], вспоминает госпожа Маро в канун сближения с молодым человеком. Знаки смерти, сопровождающие героев в течение всего повествования, постепенно создают у читателя ощущение трагичности происходящего и предсказывают горестный финал.

Если в «Сыне» поведение госпожи, предложившей вместе уйти из жизни после сближения, обусловлено драматизмом и двузначностью их с Эмилем положения, то в «Деле...» действия капризной артистки, на первый взгляд, как будто напоминают «игру в смерть» [6, с. 151] с влюблённым в неё юношей. Однако за налётом театральности Сосновской кроется совсем другая, глубокая натура. Жизнь её, отмечает повествователь, была «сплошным томлением, непрестанной жадой уйти прочь от постылого земного мира» [2, с. 427]. Парадоксально, что

артистку, «плотоядно» любившую жизнь и «необыкновенно» боявшуюся смерти, постоянно посещали мысли об уходе в мир иной, она даже любила бывать на кладбищах и рассказывала об этих визитах с особым воодушевлением.

Сосновская тонко намекает Елагину: «А вы решились бы отдать жизнь за одну ночь с любимой женщиной?» Слова актрисы вызваны прочтением ею «Египетских ночей» в период сближения с корнетом (в пушкинской повести царица Клеопатра спрашивает гостей на пиру: «<...> кто меж вами купит / Ценою жизни жизнь мою?» [9, с. 274]). «Загадочная» улыбка лишь утвердит Елагина в пророческом смысле её слов: он ясно видел и чувствовал, что эта любовь для него «роковая».

Высокое чувство оказывается фатальным для обеих пар: любовь становится мучительной, её продолжение невозможным, она неминуемо приведёт к катастрофе.

Одна из проблем, волнующих Бунина, – физическое и психическое здоровье совершающих убийство, и в этом усматривается его ориентация на образы Достоевского.

О поэте Эмиле сказано, что он красив, но бледен, у него есть «недостаток» (одна нога короче другой), ноги «тонки», руки «худы», глаза казались «лихорадочными»; его влюблённость из прекрасно-возвышенного чувства перешла «бог знает во что», и, как следствие, нервы его «совсем перестали служить ему», с ним случился припадок [2, с. 75]. Постепенно создаваемый повествователем эмоциональный фон должен подготовить читателя к трагическому, необъяснимому финалу.

Так и происходит, о чём узнаем со слов Эмиля по его ответам на допросах. Перестав в определённый момент контролировать себя, он подчиняется провидению («понял, что сами силы небесные не могут остановить» его и «без всякого предупреждения» явился в дом Маро). Близость «страшного и неотвратимого часа», его слова о револьвере, с которым он «никогда не расставался», не-

умолимо приближают поэта к убийству давно и горячо любимой им женщины. Трагизм положения усиливается ещё и тем, что двумя выстрелами Эмиль убивает не только возлюбленную, но и названую мать. Об этом сама жертва напомнит за мгновения до смерти и назовет своего убийцу «дитя моё» [2, с. 81]. Покончить с собой он не сумел: им «вдруг» овладело безумие.

Преступника в «Деле...» «вполне здоровым» признаёт медицинская экспертиза. Уже следующая реплика должна насторожить: «но совершенно не привыкший себя обездыхивать». Где же тогда находится «граница здоровья и нездоровья, нормальности или ненормальности» [2, с. 408-409], порой чрезвычайно тонкая и проницаемая? «Короткого безумия» в момент совершения убийства не было, утверждает повествователь. Отметим, что Елагина после убийства охватывает чувство, близкое безумию Эмиля, – он подчиняется «дикому бессознанию» [2, с. 433].

Если в «гусарском наряде» Елагин, по воспоминаниям артиста, служившего в одном театре с Сосновской, был «ошалелым человеком», то перед правосудием его ничто не скрашивает. Прокурор относит корнета к «уголовным волкам» – разряду преступников, которые совершают то, «что они совершают, по злumu и преднамеренному умыслу» («он совершил преступление, потому что озверел от праздной и разнузданной жизни»). Кроме того, «низкорослый и сутулый», с «крайне неопределённым» выражением лица, подсудимый наделён «дегенеративными особенностями» [2, с. 408; 412], и в этом обнаруживается его сходство с «выродком» Соколовичем из самого «достоевского» рассказа Бунина.

«Чёрные краски», взятые прокурором, совсем не соотносятся с теми сведениями о Елагине, которые исходят от лиц, живших с ним в наибольшей близости: он «добрый и хороший товарищ», ему свойственны беспричинные перепады настроения, «впечатлительный» [2, с. 413]. Сигналом о том, что в Елагине всё-таки скрыта какая-то непонят-

ная и оттого пугающая сила, становятся слова одного из свидетелей: после вступления в связь с Сосновской он очень изменился и говорил, что «утверждается в намерении покончить с собой». Эту идею, как известно, он не осуществил.

Сравнивая характеристики бунинских преступников, обнаруживаем у них сходство с Раскольниковым: они молоды, образованы (Эмиль, как и убийца старухи процентщицы, изучает право), их жертвами становятся женщины. Отличия в том, что студент и корнет обеспечены и спонтанные убийства они совершают не ради денег, сразу чистосердечно признаются в страшном преступлении, а убитым ими матери почтенного семейства и артистке было ещё далеко до старости.

У Эмиля и Елагина находим склонности к совершению если не смертоубийства, то самоубийства, и в этом бунинские герои противоположны персонажу Достоевского. Если внешне обаятельный Раскольников способен заставить усомниться в его виновности, то облик студента и корнета не вызывают симпатии. Их непривлекательность, избыточная нервозность, склонность к рефлексии, мысли корнета о добровольном уходе из жизни почти не оставляют сомнений: рано или поздно они оба покончили бы с собой. Провидение распорядилось иначе. Будущий юрист и офицер неожиданно для себя оказались способны на убийство своих необыкновенных возлюбленных, при этом, невзирая на предварительную договоренность умереть вместе с ними, не нашли мужества исполнить её до конца.

В исповедальных признаниях Эмиля несколько раз прозвучит мысль о фатальности случившегося: восстанавливая в памяти день преступления по минутам, он назовёт свой приезд «роковым», а встречу с госпожой Маро в саду – «мистической» [2, с. 79]. Сила внезапно вспыхнувшей в немолодой женщине страсти к юноше оказалась губительной и для неё самой и, в конечном счёте, для него – правосудия он не избежит. Однако если в словах Эмиля, ищущего оправдания в

знаках судьбы, слышны, скорее, опустошённость и смятение, то Елагиным овладевает «полное безразличие». Удивительно, что он раскаивается не в убийстве, а в том, что не сдержал обещания, данного Сосновской, после неё «убить себя» [2, с. 433]. Эмиль и Елагин, рефлектируя над собой, скорее, пытаются понять первопричину своих поступков, но раскаяния в содеянном, как у Раскольникова, у них пока нет.

Новелла и рассказ заканчиваются откровениями (Эмиль: «Я бросился к окну, раскидал, распахнул ставни, стал кричать и стрелять в воздух... Остальное вы знаете» [2, с. 81]; Елагин: «Может быть, я виноват перед людским законом, виноват перед богом, но не перед ней!» [2, с. 433]). О будущем преступников Бунин умалчивает.

Таким образом, мысли о природе человеческого преступления Бунин соотносит с мировоззрением Достоевского. Сюжет «Преступления и наказания» трансформируется Буниным в произведениях малой жанровой формы. В бунинской рецепции Достоевского просматривается ориентация на классика, его героев и полемика с ними. В том, что в произведениях о любви-катастрофе Бунин оставляет финалы открытыми, а судьбы незавершёнными, наблюдается его связь с традицией романа Достоевского. У Эмиля и Елагина обнаружены точки притяжения и отталкивания с Раскольниковым. В эпилоге «Преступления и наказания» начинается его духовное выздоровление на каторге, Бунин оставляет читателя в полном неведении, какое за убийством последовало наказание. Несмотря на отсутствие прямых отсылок к Достоевскому в новелле «Сын» и рассказе «Дело корнета Елагина», восприятие романа в них представляется ценным для понимания литературных связей Бунина с классиком в целом. Тексты писателя XX века, восходящие к «Преступлению и наказанию», можно назвать своеобразными «вариантами» романа Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боуи Р. Достоевский и «достоевщина» в произведениях и жизни Бунина // Бунин И.А.: pro et

- contra: Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. – С. 700-713.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Худ. литература, 1988. – 703 с.
 3. Грачева А.М. Рецепция символизма в эмигрантском творчестве И.А. Бунина («Дело корнета Елагина») [Электронный ресурс]. – URL: http://www.postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=45 (дата обращения: 25.08.2013).
 4. Евстафьева Н.П. Повествовательная стратегия игры в повести И. Бунина «Дело корнета Елагина» // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2007. – № 787. Сер.: Філологія. – Вип. 52. – С. 329-331.
 5. Колобаева Л.А. В споре с Ф.М. Достоевским: категории зла, совести, «Преступления и наказания» в прозе И.А. Бунина // Русская литература конца XIX-начала XX века в зеркале современной науки. – М., 2008. – С. 29-36.
 6. Михайлов О. Проза Бунина // Вопросы литературы. – 1957. – № 5. – С. 128-155.
 7. Недодирова З.В. Роль детали в новелле И. Бунина «Сын» [Электронный ресурс]. – URL: <http://supporttalent.ru/articles/5148/> (дата обращения: 20.08.2013).
 8. Петриашвили О.М. «Преступление и наказание» и преступление без наказания (Ф.М. Достоевский – И.А. Бунин) [Электронный ресурс] // Развитие гуманитарных наук. Проблемы и перспективы: Сб. тр. международной научной конференции, 28-30.09.2012. – Катовице. – С. 13-18. – URL: http://конференция.com.ua/files/image/konf%209/konf%209_5_3.pdf (дата обращения: 27.08.2013).
 9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений, 1837-1937: в 16 т. – Т. 8. Кн. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 496 с.
 10. Риникер Д. Подражание - пародия - интертекст: Достоевский в творчестве Бунина // Достоевский и русское зарубежье XX века. – СПб: Дмитрий Буланин., 2008. – С. 170-211.
 11. Саакянц А. Комментарии // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: Худ. литература, 1988. – С. 643-699.
 12. Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. – М.: РГГУ, 2004. – 270 с.
 13. Туниманов В.А. И.А. Бунин и Достоевский (По поводу рассказа Бунина «Петлистые уши») // Туниманов В.А. Достоевский и русские писатели. – СПб.: Наука, 2004. – С. 207-235.

УДК 821.161.1

Сабадаш Н.П.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

**«НЕ ТО БЕДА, ЧТО ТЫ ПОЛЯК...»: РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ РОМАНА
Ф.В. БУЛГАРИНА «ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ»**

N. Sabadash

Lomonosov Moscow State University

**«IT'S NO DISGRACE THAT YOU'RE A POLE...»: EARLY CRITICAL
RECEPTION OF F.BULGARIN'S NOVEL «DIMITRY THE IMPOSTOR»**

Аннотация. В статье рассматриваются ранние отклики современников на роман Ф.В. Булгарина «Димитрий Самозванец». В ходе исследования проясняются причины предубежденности критиков против романа Булгарина. Делается вывод о том, что на восприятие «Димитрия Самозванца» повлияло не только несоответствие романа литературным запросам конца 20-х – начала 30-х годов XIX века, когда ожидали появления именно русского исторического романа, но также сложившаяся репутация и польское происхождение Булгарина. Обвинения рецензентов романа в национальной предвзятости автора не нашли подтверждений при анализе текста «Димитрия Самозванца».

Ключевые слова: Булгарин, литературная репутация, рецепция романа «Димитрий Самозванец».

Abstract. The article deals with the early critical reviews of the F. Bulgarin's novel «Dimitry the Impostor». The reasons for literary critics prejudice against Bulgarin's novel are revealed. We reached the conclusion that hostile reception of the novel «Dimitry the Impostor» was caused by several reasons. Firstly, the novel was inconsistent with what was expected of the Russian historical novel. Secondly, Bulgarin's novel was met with a frosty reception because of his literary reputation and his Polish origin. Our research doesn't support the opponents' accusations of Bulgarin's racial prejudice.

Key words: Bulgarin, literary reputation, critical reception of «Dimitry the Impostor»

В 1830 году после выхода романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) и романа Ф.В. Булгарина [22] «Димитрий Самозванец» (1830) русская литературная критика с одобрением встретила первый и плохо отозвалась о втором. Причиной поляризации мнений послужил ряд событий, произошедших на рубеже 20-х – 30-х годов XIX века.

С 1830 года сильно обострились отношения Булгарина и Пушкина, так как стала выходить «Литературная газета», в которой Булгарин видел соперника «Северной пчелы». Окончательный разлад между Булгариным и Пушкиным принесла публикация романа «Димитрий Самозванец», в котором современники находили заимствования из «Бориса Годунова», подозревая Булгарина в шпионаже [21, с. 18 – 24; с. 450 – 453; 6, с. 214]. **Данные события** повлияли на восприятие романа «Димитрий Самозванец» пушкинским кругом и предопределили характер написанных рецензий.

Кроме того, на оценку исторического романа Булгарина повлияли и те требования, которые предъявляли критики к этому жанру. Несмотря на то что Булгарин анонсировал появление «Димитрия Самозванца» как «первого русского исторического романа», ему не

удалось стать ни «первым», поскольку его опередил «Юрий Милославский» Загоскина, ни «русским», так как столь ценимую «народность» критики обнаружили в романе того же Загоскина, но никак не в «Димитрии Самозванце» [27, р. 21 – 28]. Булгарин написал не «русский» исторический роман, а роман, в котором отражён взгляд европейца на русских и русскую историю. Более того, по замечаниям современников, Булгарин и не мог написать русский исторический роман, потому что сам был поляком. В рецензиях этот факт был решающим и зачастую являлся причиной высказываемых обвинений в адрес самого автора и перечислений недочётов «Димитрия Самозванца».

Причиной предубеждённости авторов статей против Булгарина и его романа послужила сама личность Булгарина. К 1830 году Булгарин приобрёл репутацию журналиста-коммерсанта и писателя, не слишком разбирающегося в средствах для достижения популярности среди читателей. Например, рецензент из «Карманной книжки для любителей русской старины и словесности» пытается объяснить столь резкое отношение критики к новому роману Булгарина предубежденностью критиков против издателя «Северной пчелы»: «Порицать и хвалить безусловно легко может даже и самый последний из литераторов; но публика, в суждениях о произведениях Словесности, требует доказательств, строгой отчётливости; руководствоваться же, при разборе книги, отношениями личными и мстити, пользуясь сим случаем, есть дело постыдное и клеймящее штемпелем бесчестья перо Критика. И почему не похвалить *хорошего* даже в самом нашем непримиримом враге?» [10, с. 549].

Того же мнения придерживается и Погодин, в своём дневнике указавший, вероятно, на истинную причину плохих отзывов о Булгарине и его романе «Димитрий Самозванец»: «...совестно похвальное похвалить в таком подлеце» [3, с. 46]. В одном из писем Шевырёву Погодин писал: «“Димитрий Самозванец” Булгарина холоден, одноцветен,

но имеет прекрасно изображённые положения, много любопытных подробностей из старых книг, и все отрицают достоинства автора. Об нём говорят мало» [18, с. 138].

Во многих рецензиях, появившихся на два новых исторических романа, Булгарин не избежал сравнения с Загоскиным, на стороне которого была большая часть критиков. Данное сопоставление переходило и на страницы переписки. Пушкин в своём письме П.А. Вяземскому от конца января 1830 года сравнивает роман Загоскина с романом Булгарина: «Ты бранишь «Милославского», я его похвалил. Где гроза, там и милость. Конечно, в нём многого недостает, но многое и есть: живость, весёлость, чего Булгарину и во сне не приснится» [19, с. 425]. Во многих рецензиях как на роман Загоскина, так и на роман Булгарина авторы выстраивают шкалу ценностей, на одном конце которой помещают Загоскина, а на другом – Булгарина. Всё, что относят к полюсу Загоскина (увлекательность, живой слог, «русскость»), подаётся со знаком «+», всё, относимое к полюсу Булгарина (скука, испытываемая читателем «Димитрия Самозванца», искусственность слога, непонимание русского менталитета), оценивается отрицательно.

Погодин в одном из писем Шевырёву объясняет это следующим образом: «Роман Загоскина весь вышел в месяц и начинается 2-е издание. <...> Булгарина было почти ругательство на него, и все пришли в ужасное негодование. Противоположная партия даже нарочно славит Загоскина, чтоб уронить Булгарина» [18, с. 132]. Имеется в виду статья А.Н. Очкина, помещённая в «Северной пчеле» [17]. А.И. Рейтблат утверждает, что написание рецензии на «Юрия Милославского» не обошлось без влияния Булгарина: «...мы полагаем, что и Булгарин сыграл важную роль в подготовке рецензии, сообщив Очкину свои замечания об исторических ошибках и источниках у Загоскина» [5, с. 384].

Кроме самого характера личности Булгарина причиной для упреков, которые высказывались в адрес Булгарина, послужило его

польское происхождение [20, с. 157, 26, s. 13]. Национальность автора «Дмитрия Самозванца», обусловившая его предвзятость, по мнению авторов критических статей, так или иначе негативно сказалась на художественной ценности всего романа в целом.

Рецензия А.А. Дельвига на роман была резкой и полностью отрицательной: «Мы ещё более будем снисходительны к роману *Дмитрий Самозванец*. Мы извиним в нём повсюду высказывавшееся, пристрастное предпочтение народа Польского перед Русским. Нам ли, гордящимся веротерпимостью, открыть гонение противу не наших чувств и мыслей? Нам приятно видеть в г. Булгарине Поляка, ставящего выше всего свою нацию; но чувство патриотизма заразительно, и мы бы ещё с большим удовольствием прочли повесть о тех временах, сочиненную Писателем Русским» [7, с. 113].

О.М. Сомов один из недостатков «Дмитрия Самозванца» видит в искусственности языка романа: «... Г. Булгарин пишет так, как иностранец, который постиг механизм русского языка, т. е. знает правила расстановки слов, их взаимные отношения, связь периода...» [23, с. 69 – 70]. Рецензент «Атенее» утверждает, что автору удалось только польские характеры: «...зато как незначителен у Г. Булгарина Борис Годунов, который в руках Русского Вальтера Скотта мог бы стать наряду с гигантскими изображениями Английского писателя... Впрочем, должно отдать справедливость Г. Булгарину, что у него есть и множество мест прекрасных во второй книге, когда Лжедмитрий у Запорожцев; что живо нарисованы Иезуиты, вообще весь Польский быт того времени...» [25, с. 550 – 551]. В «Атенее» рецензия на «Дмитрия Самозванца» помещена без подписи, поэтому прямых указаний на авторство этой статьи у нас нет. Однако рецензент в «Московском вестнике» ссылается на мнение Шевырёва о языке романов Булгарина: «Слог чистой, и по большей части правильной, каким отличаются все сочинения Г. Булгарина; но, повторим слова Г-на Шевырёва, ему недостаёт разнообразия, теплоты, живости» [13, с. 191]. Ср. мнение рецензента в «Атенее» о

языке Булгарина: «Слог Г. Булгарина известен читателям Русских книг; он очень чист даже в Выжигине, самом дурном произведении автора, и, говоря откровенно, должно сознаться, что этот же самый слог вы найдёте и в Дмитрие Самозванце. Всё гладко, всё хорошей отделки. Но не одна гладкость и отделка составляют отличительную черту сочинений автора Самозванца; к сожалению должно прибавить ещё, что он в продолжении всего литературного поприща своего нигде не обнаружил той жизни, того яркого блеска речи, которыми должен отличаться истинно изящный писатель. Дмитрий Самозванец оправдал характеристику пера Г. Булгарина и с этой стороны: здесь та же вялость и мертвенность. Не таков в этом отношении Милославский Г. Загоскина, в котором везде видна деятельность, душа, хотя Г. Булгарин и щеголяет стройностью, обдуманностью, утонченностью вкуса, довольно опытного» [25, с. 549]. Кроме статьи в «Атенее» в мартовском номере, нет никакой другой рецензии, вышедшей ранее 28 марта 1830 г. (ц. р. номера «Московского вестника» со статьёй о Булгарине) и не подписанной, с обсуждением языка Булгарина. Поэтому, учитывая текстовые совпадения между рецензией в «Атенее», не подписанной, а также рецензией в «Московском вестнике» со ссылкой на мнение С.П. Шевырёва, можно предположить, что автором статьи о романе Булгарина «Дмитрий Самозванец» в «Атенее» был именно С.П. Шевырёв. Это утверждение подтверждает характер отношений между Булгариним и Шевырёвым, которые к 1830 году были уже крайне обострены, а также не противоречит тому, что в это время Шевырёв был в Европе (статьи в другие журналы он высылал по почте). Также нужно учесть, что редакция «Московского вестника» была хорошо знакома с Шевырёвым, так как до отъезда в 1829 году он был постоянным участником этого издания. Кроме того, есть свидетельства участия С.П. Шевырёва в «Атенее», хотя и не в качестве критика: «Из более известных поэтов в Атенее участвовали: Шевырёв, Вронченко, Раич, Тютчев, Ротчев» [12, с. 478].

Опровержением того, что автором статьи в «Атене» был Шевырёв, может служить следующий факт. По словам Ю.В. Манна, именно Шевырёв в 1828 году первым начал атаку в «Московском вестнике» против «Северной пчелы», написав «Обозрение русской словесности за 1827-й год» со следующей оценкой сочинений Булгарина: «Главный их характер – безжизненность: из них вы даже не можете определить образа мыслей в авторе» [15, с. 203]. Из этого следует, что Шевырёв ещё в 1828 году упрекал Булгарина в «безжизненности», поэтому автор рецензии в «Московском вестнике» мог сослаться и на рецензию Шевырёва от 1828 года. В этом случае автор рецензии в «Атене» остаётся нераскрытым.

Рецензент в «Карманной книжке для любителей русской старины и словесности», указывая на то, что в некоторых эпизодах автор романа субъективен, приводит пример: «Наконец скажем, что Польская храбрость слишком преувеличена на счёт Русского мужества. Нам больно было слышать, как, например, на Кремлевской площади два Поляка, Цециорка и Пекарский (см. часть IV), бьют, рубят, обращают в бегство целые толпы народа – и торжествуют! Кто этому поверит? и кто осмелится, не подвергаясь нареканию лжеца, укорить нас в постыдной трусости? <...> Заметим, сверх сего, что это не факт исторический, но одно только хвастовство и, следовательно, происшествие вымышленное. Признаемся, что, быть может, здесь мы несколько вышли из умеренного тону, приличного критике; но мы воодушевлены были благородным негодованием и чувством оскорблений народной гордости. Если *honor* дорог Полякам, *честь* не менее для нас драгоценна!» [10, с. 548 – 549].

Мнение о том, что в «Димитрии Самозванце» поляки показаны с лучшей стороны, чем русские, опровергалось как в современной Булгарину критике, так и литературоведами в позднейшее время. Например, автор рецензии в «Московском вестнике», вероятно споря с Дельвигом, указывает: «Говорят, что он

изобразил Поляков с лучшей стороны, чем Русских. – Это несправедливо» [13, с. 191]. В «Московском Вестнике» 1830 г. появились две рецензии на «Димитрия Самозванца» двух разных авторов: рецензия с подписью «У.» [24] и «Ещё несколько слов о Димитрии Самозванце» с подписью «W.W.» [13]. Первую из названных рецензий атрибутируют В.А. Ушакову [1, с. 268], [16, с. 180]. Вторую – М.А. Максимовичу [1, с. 264]. В «Словаре псевдонимов русских писателей» вторая из двух названных статей никак не атрибутируется, но даётся расшифровка псевдонима «W.W.», который приписывается М.А. Максимовичу [16, с. 340]. Подобная атрибуция вызывает вопросы, так как в альманахе «Денница» в «Обозрении русской словесности 1830 года», помещённом без подписи, в резко негативном ключе говорится о «Димитрии Самозванце» [14, с. XVII – XXI]. Автором статьи в альманахе является М.А. Максимович, что установлено в [9]. Остаётся непонятным, зачем М.А. Максимович выразил своё мнение по поводу «Димитрия Самозванца» сразу в двух статьях, помещённых в разных изданиях, причём с разной оценкой романа. Поэтому, вероятно, автором статьи «Ещё несколько слов о Димитрии Самозванце» в «Московском вестнике» был не М.А. Максимович.

М.Г. Альтшуллер постарался опровергнуть обвинения современной Булгарину критики: «Булгарин был одним из немногих русских писателей, в произведениях которого нет национальной спеси, ксенофобии, стремления возвеличить русских за счёт других национальностей. Он отмечает воинственность поляков, их любовь к битвам и отвращение к измене, обману и предательству. Но в то же время отмечает насилия и жестокости, чинимые польским сбродом в Москве после воцарения Лжедимитрия...» [2, с. 125]. Согласившись с этим утверждением, мы внесём некоторые уточнения и коррективы.

Действительно, в общем и целом в «Димитрии Самозванце» поляки изображены так же, как и русские. Однако в романе всё

же можно найти несколько примеров, подтверждающих, что обвинения современников не были беспочвенными. На протяжении всего романа Булгарин проводит мысль о нетерпимости русских к иноверцам и о суеверности русских.

Нетерпимость русских к иноверцам подчеркнута, например, путём изображения одного из обрядов во время царского приёма польских послов: «... на малом столике стояла золотая умывальница, накрытая белым полотенцем» [4, с. 66]. Из комментариев читатель узнаёт, для чего нужна была эта умывальница: «Царь, дав руку иноверцу, умывался всенародно» [4, с. 66].

Суеверность русских характеризуется как черта тёмного средневекового народа. Колдунью Федосью боялся и верил в её колдовство не только народ, но и сам Борис Годунов: «...и будучи суеверен, также страшился чародейства хитрой и злобной женщины» [4, с. 118]. Обратясь за помощью к Федосье, Борис Годунов поверил всему происходящему: «Не сомневаясь в истине чародейства, не предполагая обмана со стороны Федосьи, не думая, что ей легко было зажечь огонь во внутренности убиенного животного и впустить в корыто гадов, Борис приписывал это силе сверхъестественной, и твёрдо решил истребить мнимых врагов» [4, с. 122]. Борис Годунов, ожидающий помощи от колдуньи Федосьи, противопоставляется в романе образованному Лжедмитрию, который, также желая узнать будущее, обращается к астрологу патеру Савицкому и пытается понять, что предвещает расположение светил на небе.

Кроме того, на суеверность народа указывает и то, что самого Лжедмитрия в Москве называют «чернокнижником» и «волшебником» [4, с. 444]. Няня Ксении Годуновой при его появлении заявляет следующее: «Я знаю силу твою! Все говорят, что ты не только отгоняешь и наводишь недуги, но берёшь на себя всякие образы, прикидываешься невидимкою, летаешь на ковре-самолете, не помню теперь всего... словом, делаешь, что хочешь» [4, с. 444].

Придерживаясь мнения о суеверности и темноте русского народа в начале XVII в., Булгарин переносит любовный сюжет на польскую почву: Лжедмитрий влюбляется в Калерию, делает предложение панне Марине, но его чувство к Ксении ни к чему не приводит. Подобную установку объяснил Булгарин в предисловии к первому изданию: «Не знающие нравов и обычаев описанной мной эпохи, станут, может быть, упрекать меня, зачем я не ввёл в роман любви такой, как изображают её иностранные романисты, почерпая предметы из истории средних веков. Введением любви в русский роман XVII-го века, разрушается вся основа правдоподобности! Русские того времени не знали любви, по нынешним об ней понятиям, не знали отвлечённых нежностей, женились и любили как нынешние азиатцы» [4, с. 9].

Единственный пример прямого сопоставления русских с поляками в пользу последних найден нами в описании быта польских панов: «Посмотрел бы ты, как они живут в своих замках. Что твои кремлевские палаты в сравнении с убранством панских покоев!» [4, с. 289]. Похожим образом можно рассматривать слова священника Михаила об отношении украинцев к полякам: «Напротив, украинцы и казаки весьма привязаны к польскому правлению и не любят так называемых москалей... Донские казаки весьма жалуются на притеснения московских воевод и толпами переходят в Запорожье» [4, с. 188-189]. Ср. [11, с. 42]. Однако в романе высказано и другое мнение. Один из героев – старик, отец кошевого у запорожских казаков, говорит Лжедмитрию: «Паны, при нынешнем короле, сделались сердиты, как волки. Так и мечутся на всякого, кто не их веры! Господь ведает, как это пришло, а прежде этого не бывало. Вот был славный король Степан Степанович Баторий! Любил он казаков, любил и ляхов, и всем делал добро. Были тогда и ляхи добры и жили дружно с казаками. А нынешние ляхи – Бог весть, из чего бьются! Всё бы кланяться им да их Папе. Нам нельзя ужиться с ними, да я думаю и всякому православному тоже мудроно» [4, с. 181 – 182].

В остальных же случаях Булгарин далёк от субъективного отношения к полякам и предвзятого – к русским. Например, Кирилл Хрипунов, три года проживающий в Польше, характеризует поляков как «гордых» и «тщеславных» [4, с. 289]. Можем отметить, что до вторжения Лжедмитрия в Москву как отдельные герои-поляки показаны людьми, располагающими к себе читателя (канцлер Лев Сапега, князь Адам Вишневецкий, гетман Иоанн Замойский и др.), так и в целом образ поляков положительный. Однако как только поляки идут против русской государственности, пытаются завоевать Россию и узурпировать власть, поступки их негативно оцениваются автором романа. Польский дворянин Меховецкий, друг главного героя, признаёт, что желание поляков помочь Лжедмитрию занять русский престол приняло характер разбоя: «И тем более, что наши поляки ведут себя дурно, неприлично, буйно!» [4, с. 462].

Сравнительное изображение русских и поляков не было задачей Булгарина. Современников, утверждавших обратное и упрекавших его в национальной предвзятости, смутила та подробность, с которой Булгарин описывает не только русских и их быт, но и поляков с их обычаями и нравами (в отличие от того же Загоскина, обращённого в своём повествовании только к русским). Основная же идея «Дмитрия Самозванца», пронизывающая весь роман, заключается в том, что только при абсолютной монархии Россия может быть независимым и процветающим государством. Причиной односторонности взгляда рецензентов на «Дмитрия Самозванца» стала сама репутация Булгарина, к началу 1830-х годов уже основательно подорванная его собственными действиями, поэтому современники и подчёркивали его польское происхождение, зная его личные качества.

Таким образом, на раннюю рецепцию романа Булгарина «Дмитрий Самозванец» повлияли как сама личность автора и его литературная и общественная репутация, так и

некоторые особенности литературной критики эпохи романтизма, выдвинувшей требование «народности», активнейшим образом предъявлявшееся к историческому роману.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века: дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2003. – 459 с.
2. Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России: Ист. роман 1830-х гг. – СПб.: Академический проект, 1996. – 341 с.
3. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: кн. 1 – 22. – Кн. 3. – СПб., 1890. – 387 с.
4. Булгарин Ф.В. Дмитрий Самозванец, Исторический роман. – М.: Фирма «Кронос», 1994. – 509 с.
5. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение / Публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. – М.: Новое литературное обозрение, 1998. – 703 с.
6. Винокур Г.О. Кто был цензором «Бориса Годунова» // Временник Пушкинской комиссии. – Вып. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 203 – 214.
7. <Дельвиг А.А.> Дмитрий Самозванец, исторический Роман, сочинение Фаддея Булгарина // Литературная газета. – 1830. – Т. I. – № 14. – С. 112 – 113.
8. Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. – М., 1831.
9. Денница: Альманах на 1830, 1831, 1834 годы, изданный М. Максимовичем / Сост. В.Н. Касаткиной, Т.К. Батуровой, М.А. Родзаевой. – М.: Век, 1999. – 399 с.
10. Дмитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Ф.В. Булгарина // Карманная книжка для любителей русской старины и словесности. – 1830. – № 4. – С. 541 – 549.
11. Загоскин М.Н. Сочинения: в 2-х т. – Т. I. Историческая проза / Сост., вступ. статья, коммент. А.М. Пескова. – М.: Художественная литература, 1987. – 733 с.
12. Колюпанов Н.П. Биография Александра Ивановича Кошелева: в 2 т. – Т. I. Кн. 1. – М., 1889. – 581 с.
13. <Максимович М.А.??> Ещё несколько слов о Дмитрии Самозванце // Московский вестник. – 1830. – Ч. 2. – № 6. – С. 180 – 192.
14. <Максимович М.А.> Обозрение русской словесности 1830 года // Денница, альманах на 1831 год, изданный М. Максимовичем. – М., 1831. – с. I – LVIII.
15. Манн Ю.В. Русская философская эстетика. – М.: МАЛП, 1998. – 381 с.
16. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей: в

- 4 т. – Т. 3. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита: Р – Я. Псевдонимы греческого и латинского алфавитов. Астронимы, цифры, разные знаки. – М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1958. – 415 с.
17. <Очкин А.Н.> Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М.Н. Загоскина // Северная пчела. – 1830. – № 7 – 9.
18. Письма М.П. Погодина к С.П. Шевырёву / Предисл. и примеч. Н.П. Барсукова // Русский архив. – 1882. – № 6. – С. 127 – 202.
19. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 9. Письма 1815 – 1830 годов. – М.: Современник, 1982. – 701 с.
20. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. Стихотворения 1827 – 1836 годов. – М.: Вагриус, 2005. – 464 с.
21. Пушкин в прижизненной критике: 1828 – 1830 / Под общ. ред. Е.О. Ларионовой. – СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге, 2001. – 576 с.
22. Рейтблат А.И. Библиографический список книг и статей о Ф.В. Булгарине (1958 – 2007) // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 88. – С. 374 – 390.
23. Сомов О.М. Обозрение Российской Словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Северные цветы на 1831 год. – СПб., 1830. – С. 3 – 100.
24. <Ушаков В.А.??> Димитрий Самозванец, Исторический роман, сочинение Фаддея Булгарина // Московский вестник. – 1830. – Ч. 2. -№ 6. – С. 174 – 179.
25. <Шевырёв С.П.??> Димитрий Самозванец, Исторический Роман. Сочинение Фаддея Булгарина // Атений. – 1830. – Ч. 1. - № 6. – С. 548 – 551.
26. Giza, A. Polaczkowie i Moskale. Wzajemny ogląd w krzywym zwierciadle (1800 – 1917). – Szczecin: Pol. pismo i książka, 1993. – 159 s.
27. Ungurianu, D. Plotting history: The Russian Historical Novel in the Imperial Age. – Madison, Wis.: Univ. of Wisconsin press, 2007. – 335 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФЁДОР СОЛОГУБ (1863–2013)» В ПУШКИНСКОМ ДОМЕ

4-6 марта 2013 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Российской Академии наук прошла международная конференция «Фёдор Сологуб. 1863–2013», посвящённая 150-летию со дня рождения писателя-символиста. В юбилейном мероприятии приняло участие свыше 30 известных учёных из России, США, Германии, Польши, Эстонии.

Торжественное открытие мероприятия состоялось 4 марта в конференц-зале Пушкинского Дома. С приветственным словом выступили организатор конференции д.ф.н. в.н.с. ИРЛИ РАН М.М. Павлова и акад. А.В. Лавров. На утреннем заседании были заслушаны доклады таких видных зарубежных учёных, как Р. Гольдт (Майнц, Германия), Дж. Меррилл (Ист-Лансинг, США), А. Левицкий (Провиденс, США), М. Цимборска-Лебода и А. Гоздек (Люблин, Республика Польша), а также М.М. Павловой (СПб.), Н.Ю. Грякаловой (СПб.) и А.А. Кобринского (СПб.).

В докладе Р. Гольдта внимание слушателей привлекла интерпретация сологубовской «толпы» как «безликого зла». Дж. Меррилл, продолжая намеченную проблематику, строит свой доклад на анализе образа Иуды в творчестве Фёдора Сологуба. М. Цимборска-Лебода обратилась к истокам эротического мифа в сологубовской поэзии. Рассмотрению любовной лирики Сологуба посвящает своё выступление и А. Гоздек. М.М. Павлова соотнесла образы ранних произведений писателя с иллюстрациями в массовых журналах современной ему эпохи. Визуальные источники как знаки популярной образности сологубовских произведений находятся в центре внимания Н.Ю. Грякаловой. Петербургский исследователь А.А. Кобринский увлечённо рассказал присутствующим о создающих некий «кулинарный код» гастрономических образах, которые встречаются в романе «Мелкий бес». Вслед за российским учёным тему «трапезы» продолжает А. Левицкий, сравнивая семантические нюансы кулинарных воплощений у Ф. Сологуба и Г. Державина.

Вечернее заседание было начато докладом к.ф.н. доц. В.В. Никульцевой, представлявшей на юбилейной конференции Московский государственный областной университет. Исследователем языка поэзии Серебряного века была затронута проблема уникальности неолексикона Ф. Сологуба. Центральное место в докладе К.М. Азадовского заняли стихотворения Сологуба в переводе Э.М. Рильке. Акад. А.В. Лавров поделился новыми сведениями о письмах супруги Ф. Сологуба Ан. Чеботаревской, обнаруженных в архиве писателя, хранящемся в Отделе рукописей ИРЛИ РАН. Сологубовские реминисценции и аллюзии стали предметом пристального внимания московского исследователя О.А. Лекманова, обратившегося к особенностям стиля романа К. Вагинова «Козлиная песнь». В докладе А.Л. Соболева (Москва) прозвучала мысль об участии Ф. Сологуба в издании журнала «Дневники писателей». Издательскую тему продолжил Е.А. Голлербах (СПб.), открыв малоизвестные страницы жизни писателя, связанные с публикацией его произведений на страницах «Отечества» З. Гржебина в 1914-1915 гг. Е.А. Тахо-Годи (Москва) посвятила свой доклад двум писателям – Ф. Сологубу

и К. Случевскому, внимательно остановившись на интересных фактах их биографии. Вечернее заседание закончила А.М. Грачёва (СПб.), осветив взгляды В.Н. Унковского на творчество признанного мэтра символизма.

Второй день юбилейной конференции открыл доклад московских учёных С.В. Панова и С.Н. Ивашкина «“Творимая легенда”: логика эксперимента и эсхатология жанра». Д.В. Верташёв (Москва) рассказал о реформе школьного образования, которая была отражена в публицистических работах Ф. Сологуба 1904–1905 гг. «Школьная» тема прозвучала и в докладе молодого исследователя, аспиранта ИРЛИ РАН А.В. Сысоевой, которая обратилась к учебнику Ф.К. Тетерникова (Сологуба) «Элементарная геометрия», написанному для учащихся гимназий и реальных училищ. Учительскую линию в биографии Ф. Сологуба продолжила Я.В. Зверева (СПб.), осветив в своём выступлении новые материалы о Костромской опытно-показательной школе-коммуне им. В.И. Ленина в петербургских архивах. Эстонского исследователя Л. Пильда (Тарту) заинтересовали интертекстуальные связи лирики Сологуба 1890-х гг. с творчеством А. Фета. Внимание писателя к стихотворениям в прозе и проблемы их художественного перевода в интерпретации Сологуба освещены в докладе А.Б. Стрельниковой (Томск). О широком диапазоне новаторства Сологуба-версификатора поведал московский исследователь Ю.Б. Орлицкий, уделив пристальное внимание верлибру и белому стиху. В связи с подготовкой к изданию полного собрания стихотворений Ф. Сологуба в 3-х томах один из его редакторов, Т.В. Мисникевич (СПб.), подняла вопрос о датировках лирических произведений поэта, затронув извечную проблему текстологии.

Доклад Ю.Е. Галаниной (СПб.) «Ф. Сологуб, Вс. Мейерхольд, В.Ф. Комиссаржевская», открывший вечернее заседание, положил начало сопоставительным исследованиям. О письмах Д.А. Уманского Фёдору Сологубу, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, рассказали М.Ю. Любимова и Т.Э. Шумилова (СПб.). Творческое взаимодействие Ф. Сологуба и Л. Андреева осветила в своём выступлении Г.Н. Боева (СПб.). О.Л. Фетисенко (СПб.) внимательно изучила все упоминания о Ф. Сологубе в письмах литературоведа П.П. Перцова к религиозному философу В.В. Розанову. Доклад Е.Л. Куранды (Москва-СПб.) был посвящён анализу, как утверждает исследователь, ранее не публиковавшегося стихотворения Игоря-Северянина «Письмо Ф.С.», автографы которого хранятся в РГАЛИ (Москва)¹ и ОР ИРЛИ (СПб.).² Попутно заметим, что по причине концентрированного употребления окказиональных образований текст этого северянинского опуса почти в полном объёме вошёл в «Словарь неологизмов Игоря-Северянина»³ в виде словарных иллюстраций к неологизмам «измозглый», «омолненный», «высилить», «огрОмить», «оржА-вельый», «безгрозье», в связи с чем признать стихотворение ранее не публикуемым, хотя бы частично, не представляется возможным. Т.А. Кукушкина (СПб.) обратилась к последним годам творческой активности Ф. Сологуба, посвятив своё выступление теме «Ф. Сологуб и К. Федин в правлении ПО/ЛО Всероссийского Союза писателей». Статье И.Е. Орешина «О романе Сологуба “Мелкий бес” (1934)» уделил внимание петербургский исследователь А.Г. Тимофеев, завершив своим докладом работу второго дня конференции.

В последний день юбилейной конференции были не только заслушаны доклады исследователей, обратившихся к программному произведению Ф. Сологуба – роману «Мелкий бес»

¹ РГАЛИ. Ф. 1152. Оп. 1. Ед. хр. 2. Игорь-Северянин. Настройка лиры. Стихи 1896-1932 гг. Автограф. 1933. 67 л. Л. 42-об. «Письмо Фёдору Сологубу». 1912. Автограф.

² ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. Архив Сологуба Ф. № 31. Игорь Северянин. Стихотворения (40). (Оригинальные и переводы из неизвестного автора). Рукописи и машинопись. 1911–1915 гг. 85 лл. 44 предм. Л. 25. «Письмо Федору Сологубу. I». 1912. Автограф.

³ Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН; Под ред. проф. В.В. Лопатина. – М.: ООО «Азбуковник», 2008. – 380 с.

(М.П. Лепёхин, М.Н. Виролайнен, Б.В. Аверин, П.В. Дмитриев), но и просмотрена видеозапись театральной постановки «Учитель словесности. Сочинение на темы Фёдора Сологуба» в исполнении актёров МХТ им. А.П. Чехова (2003, реж. Н. Шейко, в главной роли В. Гвоздицкий). Необычно было построено и вечернее заседание: присутствующим было предложено ознакомиться с малоизвестным фильмом Н. Досталя «Мелкий бес» (1995), снятым по мотивам одноимённого произведения Фёдора Сологуба. После просмотра киноленты участники и гости конференции выразили своё отношение к фильму и спектаклю, обратив внимание на их достоинства и недостатки. В кругу обсуждаемых вопросов важное место занимали такие, как отражение авторского замысла в современных театральных и кинопостановках и решение насущных задач, стоящих перед режиссёрами, осуществляющими экранизацию классических произведений в XXI столетии. После подведения итогов работы конференции прозвучало прощальное слово её несменного организатора М.М. Павловой, бережно хранящей творческое наследие Ф. Сологуба в Отделе рукописей Пушкинского Дома.

Юбилейная международная конференция, приуроченная к 150-летию Фёдора Сологуба, не только отразила многообразие подходов к изучению наследия мэтра символизма, обозначив многообразную палитру тем и проблем исследования, но и соединила творческие усилия разных учёных: литературоведов, лингвистов, искусствоведов, архивистов – всех тех, кто и в XXI веке не забывает о веке Серебряном и его гениальных представителях, к которым по праву принадлежит Ф. Сологуб.

В.В. Никульцева

РЕЦЕНЗИИ

А. П. ЕРЕМЕЕВА. ГРАММАТИКА И РЕЧЬ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: МОНОГРАФИЯ. – ИВАНОВО, 2012. – 264 с.

Книга Ангелины Павловны Еремеевой посвящена актуальным проблемам методики – изучению языка и обучению речи как взаимосвязанному явлению.

Рецензируемая работа, вышедшая в конце минувшего года, занимает особое место среди научных сочинений её автора – доктора педагогических наук, профессора кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета, автора более 150 научных работ, соавтора учебников для 5-9 классов под редакцией профессора В.В.Бабайцевой и учебных пособий для учителя.

Во-первых, данная монография является своеобразным промежуточным итогом научной деятельности известного учёного-методиста, отметившего недавно свой юбилей. Во-вторых, в этой работе А.П. Еремеева не только представляет свою методическую концепцию развития речевых способностей учащихся, но и намечает перспективные пути развития методической науки.

Отличительной характеристикой лингвометодической концепции А.П. Еремеевой является глубокое историческое исследование проблемы обучения речи учащихся в органичном сочетании с осмыслением современных научно-образовательных тенденций. Нельзя не согласиться с тем, что «именно сегодня, как никогда раньше, необходимо понимание того, что наука невозможна без преемственности идей. И нельзя допустить, чтобы плодотворные мысли и точные наблюдения, содержащиеся в методических работах прошлого века, ушли из поля зрения современных исследователей» (с. 78).

Кроме предисловия и заключения, работа содержит шесть разделов. 1. Речевая деятельность учащихся на уроках русского языка (с. 9-45). 2. Изучение русского языка как языка русского народа (с. 45-65). 3. Развитие творческих способностей учащихся средствами учебного предмета «Русский язык» (с. 66-76). 4. Фундаментальные категории методики и их реализация в инновационном развитии преподавания русского языка (с. 77-116). 5. Изучение грамматических тем в аспекте развития речи (с. 117-227). 6. Перспективы развития научной методики преподавания русского языка (с. 228-239). В конце монографии приводятся списки научных трудов профессора А.П. Еремеевой и научных исследований, выполненных под её руководством.

Как видно из объёма названных разделов, центральное место в книге отведено коммуникативному аспекту грамматики, что нашло своё отражение и в названии монографии. Стержнем лингвометодической концепции А.П. Еремеевой, представленной в рецензируемой работе, является идея Л.В.Щербы о том, что грамматика есть не что иное, как сборник правил речевого поведения.

Рассматривая связи сложной иерархической системы языка и речи как структурированной деятельности, автор подчёркивает, что теоретическую основу, фундамент для развития речевых умений и навыков учащихся составляют лингвистические знания. По утверждению

учёного, осознанное овладение речью возможно только при условии усвоения единиц языка в единстве семантики, формы, функционирования, развитие речевых способностей идёт вслед за знанием законов функционирования языка. В то же время нельзя не согласиться с автором, что «изучение науки о языке не должно являться самоцелью, а лишь средством осознания собственной речи учащимися, стимулирующим её развитие и совершенствование» (с. 140).

В анализируемой работе содержится много ценных и оригинальных замечаний и наблюдений. Ограниченные объёмом сжатой рецензии, обратим внимание лишь на некоторые из них.

Оценивая обучающие возможности художественного текста как эталона правильной, выразительной речи, А.П. Еремеева подчёркивает, что он «по своей природе неисчерпаем для анализа, способен открыться перед учащимися каждый раз по-новому, воздействуя не только на разум, но и на эмоционально-чувственную сферу ребёнка» (с. 58). Подражание правильной речи, заучивание наизусть образцов высокохудожественных текстов «ускоряет переход эталонов литературной речи в модели собственных высказываний, обогащая индивидуальную речь учащихся» (с. 58). Обращение к анализу текста в процессе изучения грамматики позволяет научить школьников использовать определённые грамматические категории в построении собственного высказывания.

В главах, посвящённых отдельным разделам школьного курса русского языка, читатель найдёт интересные и полезные рекомендации, направленные на тесную связь изучаемого материала по морфологии, словообразованию, синтаксису с решением задач развития речи.

Особую роль в развитии речи играет изучение синтаксического строя языка. Анализ синтаксических единиц направлен на изучение теории языка, которая является основой языковой среды для развития речемыслительных способностей школьника, и прежде всего аналитических. Совершенно справедливо утверждение автора, что на уровне синтаксиса предложения и текста учащиеся практически реализуют свои знания и коммуникативные умения в области всех разделов языка (с. 141).

Одним из эффективных приёмов речевого развития, формирования лингвистических способностей обучаемых, по мнению А.П. Еремеевой, является работа над синтаксическими синонимами (с. 142 и др.). Исследование синонимичных конструкций не только способствует обогащению грамматического строя речи учащихся, но и учит их строить свою речь в соответствии с коммуникативной целесообразностью. Кроме этого, задания подобного типа включены в варианты итоговой аттестации по русскому языку, поэтому работа над синтаксическими синонимами является актуальной на всём протяжении изучения русского языка и синтаксиса в частности.

Оригинальные актуальные наблюдения и выводы представлены в параграфе, посвящённом проблеме изучения живого языка современной эпохи (с. 87-90). Констатируя тот факт, что «мы на уроках русского языка все дальше уходим от живой речи, ограничиваясь книжной формой языка» (с. 89), и, развивая идеи В.И. Чернышева, А.П. Еремеева формулирует тезис о живой речи как орудии индивидуального развития ребенка.

Продуктивные методические идеи мы находим и во втором параграфе шестой главы «Концепция антропоцентризма в лингвистике и методике» (с. 231-234). Высоко оценивая антропоцентрическое направление в современной лингвистике, А.П. Еремеева подчёркивает особую значимость для методики преподавания русского языка как родного научную разработку таких понятий, как национальная языковая картина мира и индивидуальная языковая картина мира, справедливо полагая, что новые лингвистические данные по этим вопросам могут существенным образом стимулировать развитие частных вопросов методики.

Монография А.П. Еремеевой представляет несомненный интерес для широкого круга читателей. Большим достоинством её является простое и доходчивое изложение теоретических вопросов, обстоятельность и доказательность рассуждений, опора на опыт преподавания.

Учителя-словесники и студенты-филологи найдут в ней как ясное, точное и цельное изложение теории развития речи на уроках русского языка, так и систему образцовых упражнений для этих уроков. Аспиранты и вузовские преподаватели методики русского языка получают информацию для перспективных научных разработок в области современного речеведения.

Т.М. Воишелева, Т.М. Зыбина

НАШИ АВТОРЫ

Вершинина Марина Геннадьевна – аспирант кафедры общего языкознания Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; e-mail: Ver.m.g@yandex.ru.

Воителева Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета; e-mail: voitelev@yandex.ru.

Воробьёва Наталья Юрьевна – соискатель кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: natalya.vorobyova.2012@mail.ru.

Гаганова Анна Анатольевна – соискатель кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени М. Горького; e-mail: briolett@yandex.ru.

Жильцова Елена Александровна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; e-mail: madam_elena@mail.ru.

Зыбина Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета; e-mail: zybinat@mail.ru.

Козловская Алёна Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, учитель русского языка и литературы, средней общеобразовательной школы «Интеллект-Сервис», Московская область, город Железнодорожный; e-mail: agafonova_2008@bk.ru.

Лихачев Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методики их преподавания в начальной школе Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета; e-mail: LihachovSV@rambler.ru.

Лунина Ирина Евгеньевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории зарубежных литератур Московского государственного областного университета; e-mail: lounir_odin@mail.ru.

Мельниченко Наталья Петровна – кандидат филологических наук, учёный секретарь Ученого совета Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина; e-mail: nataliamelnichenko@yandex.ru.

Никульцева Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета; e-mail: severjanin@list.ru.

Полянский Александр Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова; e-mail: kafrys@yandex.ru.

Сабадаш Надежда Петровна – аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; e-mail: nadinehope@rambler.ru.

Тихомирова Алла Олеговна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: allaostromirova@mail.ru.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета; e-mail: tatjanaf@yandex.ru.

Хлупина Мария Александровна – аспирант кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета; e-mail: maria-mariae@yandex.ru.

Шмельёва Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; e-mail: lug-anna@yandex.ru.

Щемелинина Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка Академии Федеральной службы безопасности России; e-mail: baggi-8@yandex.ru.

ВЕСТНИК Московского государственного областного университета

Научный журнал «Вестник МГОУ» основан в 1998 г. На сегодня выходят десять серий «Вестника»: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по специальностям, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Русская филология» 2013. №5

Над номером работали:

менеджер отдела по изданию журнала «Вестник МГОУ» *Н.М. Якушкина*
литературный редактор *Т.Е. Шаповалова*
переводчик *И.С. Шаповалов*
компьютерная вёрстка *Д.А. Зверева*

Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 60x86/8. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 290 экз. Уч.-изд. л. 8, усл. п.л. 13.
Подписано в печать 07.11.2013. Заказ № 34.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10а

К сведению авторов «Вестника МГОУ»

Для публикации научных работ в выпусках серий «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат». Отдел по изданию научного журнала «Вестника МГОУ» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

За точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор. Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта. Статьи, не соответствующие требованиям Отдела по изданию «Вестника МГОУ», решением редакционной коллегии серии не публикуются.

Для публикации научной статьи в определенной серии «Вестника МГОУ» автору необходимо предоставить в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: 1) авторскую анкету; 2) заявление на имя ответственного редактора (оригинал или факсимильную копию); 3) выписку из заседания кафедры (отдела, сектора), где выполнялась работа (оригинал или факсимильную копию); 4) текст статьи в электронном виде; 5) квитанцию о полугодовой подписке (оригинал или факсимильную копию); 6) внешнюю рецензию (отзыв) (оригинал или факсимильную копию).

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов – по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором предметной серии.

По вопросам публикации следует обращаться в Отдел по изданию научного журнала «Вестник МГОУ»: статья регистрируется автором в Отделе, после чего проходит внутреннее рецензирование и при положительной рецензии и наличии необходимых документов принимается к публикации.

В случае положительного решения вопроса о публикации автор, предоставивший свою статью в определенную серию «Вестника МГОУ», выражает согласие на размещение полного текста статьи в сети Интернет на официальных сайтах журнала «Вестник Московского государственного областного университета» (www.vestnik.mgou.ru) и Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) (См.: ст. 1286 и 1238 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Подробная информация об оформлении статей и условиях их публикации размещена на сайте журнала (<http://vestnik-mgou.ru>), пункт «Авторам».

По финансовым и организационным вопросам публикации статей
обращаться в Отдел по изданию журнала «Вестник МГОУ» к Якушкиной Наталии Михайловне
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, офис 98;
тел. (499) 261-43-41; (495) 723-56-31;
e-mail: vest_mgou@mail.ru